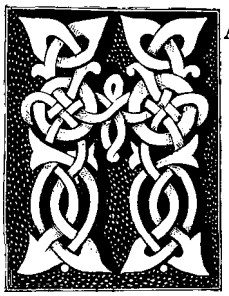
ЗАПИСКИ СЕНАТОРА Н. П. СИНЕЛЬНИКОВА.



А МОЮ ДОЛЮ выпалъ счастливый жребій: приготовить къ печати любопытныя записки, оставленныя генераломъ отъ кавалеріи, Николаемъ Петровичемъ Синельниковымъ, и имѣющія несомнѣнно историческую цѣнность. Онѣ захватываютъ своимъ содержаніемъ ровно пятьдесятъ лѣтъ, т. е. два полныхъ царствованія и одно, при окончаніи котораго покойный сенаторъ началъ свою служебную карьеру. Извѣстно, какъ онъ былъ правдивъ въ своихъ поступкахъ, въ своихъ убѣжденіяхъ, какъ онъ просто и здраво смотрѣлъ на личную жизнь и на гражданскія обязанности человѣка. Все сказанное даетъ особый вѣсъ его запискамъ. Въ нихъ впервые очерчивается даровитая и симпатичная личность великаго князя Михаила Павловича; въ нихъ впервые читатель встрѣтитъ такіе факты, которые мало затрогивали русскіе администраторы занимая высшіе посты въ государствѣ. Мы говоримъ о «темныхъ поборахъ» съ народа, широко практиковавшихся въ Сибири и сгруппированныхъ въ точныя статистическія цифры генералъ-губернаторомъ Синельниковымъ. Въ немъ была и еще другая оригинальная черта. Суровый съ виду и стойкій въ служебныхъ дѣйствіяхъ, онъ былъ безгранично добрымъ и благороднымъ человѣкомъ. Къ страданіямъ ближняго, къ его горестямъ, онъ подходилъ тихо, деликатно, какъ бы боясь встревожить непрошеннымъ участіемъ. За все время своего долгаго начальствованія онъ не предалъ суду ни одного чиновника. Въ запискахъ своихъ онъ обходитъ молчаніемъ лицъ, совершавшихъ при немъ что либо дурное. Съ исторической точки зрѣнія такой пробѣлъ есть большой недостатокъ; съ точки нравственной это свидѣтельствуетъ о высокихъ качествахъ души писавшаго. Достойно также сожалѣнія, что записки Николая Петровича были начаты имъ въ преклонномъ возрастѣ, когда «всѣ впечатлѣнія бытія» не такъ ярко являются въ памяти человѣческой. Вотъ почему столь поучительная для потомства эпоха аракчеевскаго владычества освещена въ запискахъ сравнительно блѣдно и не богата фактами. Въ запискахъ хорошо обрисованы служба при Михаилѣ Павловичѣ, наши про-

винціи въ дореформенное время, состояніе Польши въ эпоху 1863 года, Восточная Сибирь въ началѣ семидесятыхъ годовъ съ ея особеннымъ складомъ народной жизни, съ ея обветшалыми установленіями. Все упомянутое заслуживаетъ вниманія потомства и, конечно, для него писалъ свои «записки» тотъ замѣчательный человѣкъ, которому въ Бозѣ почившій императоръ Александръ II сказалъ: «тебя и враги уважаютъ».

П. Суворовъ.

I.

Нѣсколько предварительныхъ словъ къ «Запискамъ».—Мой отецъ и его воспитаніе. — Мое рожденіе, поступленіе въ 2-й кадетскій корпусъ. — Кадетство. — Іеромонахъ, впослѣдствіи архимандритъ Фотій.—Выпускъ въ офицеры.—Генералъ Демидовъ.—Жизнь въ Нарвѣ.—Служба въ военныхъ поселеніяхъ.—Графъ Аракчеевъ. — Полковникъ Томиловскій. — Моя женитьба. — Польская кампанія 1831 года.—Разные изъ нея эпизоды.—Генералы: князь Шаховской и Гурко.—Штурмъ Варшавы.—Переводъ въ гвардію.—Отъѣздъ въ Петербургъ.—Свиданіе съ семьей.—Поступленіе на службу въ гвардейскій штабъ.

Хорошо идти впередъ, но лучше знать,
когда остановиться.

Можетъ быть, поздно я начинаю мои записки; можетъ быть, нѣкоторые случаи моей жизни ускользнутъ изъ памяти, уже примѣтно слабѣющей. Такъ много пережито, такъ много испытано, что я считаю не въ правѣ похоронить съ собою мои воспоминанія хотя въ нихъ и нѣтъ заслугъ, выдающихся изъ ряда обыкновенныхъ. Сожалѣю только, что при нерѣдкихъ переѣздахъ я утратилъ часть моихъ записокъ о службѣ въ теченіе двадцати лѣтъ въ бывшемъ штабѣ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, во время командованія имъ незабвеннымъ благодѣтелемъ моимъ, въ Бозѣ почившимъ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Поэтому изъ упомянутаго періода я внесу только тѣ факты, которые твердо сохранились въ моей памяти. Правда прежде всего.

Отецъ мой родился въ Тобольскѣ, въ 1771 году, а въ 1777 году былъ записанъ капраломъ л.-гв. Преображенскаго полка, куда прибылъ вмѣстѣ съ сыномъ бывшаго губернатора Свѣчина въ 1788 году. По производствѣ въ офицеры, онъ находился въ арміи при управленіи главнокомандующаго графа Бенингсена, что доказывается черновыми, его рукой писанными, донесеніями государю. Я родился въ 1805 году. Отецъ скончался въ 1807 году, оставивъ мать мою съ небольшимъ пенсіономъ и тремя сыновьями; двое изъ нихъ были старше меня и воспитывались въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ.

Послѣ отца осталось много переводныхъ рукописей, которыя были отданы матушкою другу его Свѣчину. Что отецъ любилъ заниматься, это доказывается найденными мною въ его бумагахъ те-

традями для изученія языковъ: французскаго, англійскаго, итальянскаго, шведскаго, и отрывками изъ исторіи его жизни.

Я началъ учиться подъ наблюденіемъ матушки, потомъ подъ руководствомъ братьевъ, произведенныхъ уже въ офицеры. Въ 1817 году я былъ опредѣленъ во 2-й кадетскій корпусъ, поступивъ по экзамену во 2-й классъ, минуя четыре низшихъ.

Не скоро я свыкся съ новымъ моимъ положеніемъ, трудно было мнѣ привыкать къ тѣмъ обычаямъ, которые не соотвѣтствовали условіямъ тогдашняго семейнаго воспитанія.

Моя мать, особенно вначалѣ, часто навѣщала меня и благословляла на дѣла добрыя. Много можетъ сдѣлать моленіе матери. Оно утвердило во мнѣ чувства—не измѣнять долгу и хранить чистоту совѣсти. Благотворно на меня вліяло и расположеніе ко мнѣ законоучителя іеромонаха Фотія, бывшаго потомъ архимандритомъ и настоятелемъ Новгородскаго Юрьевскаго монастыря. Это былъ человѣкъ сухой, суровый, требовательный. Онъ намъ внушалъ безусловное повиновеніе начальству, вѣру безъ разсужденій. За провинности и лѣность онъ ставилъ кадетъ на колѣни и заставлялъ ихъ читать извѣстное количество разъ молитву. Раньше опредѣленнаго срока наказанія онъ никогда виновнаго не прощалъ.

Я учился прилежно, хотя не отличался бойкими способностями; любилъ фронтъ, но старался, какъ говорится, не быть выскочкой.

Разсказы участниковъ Отечественной войны и слухи о приготовленіи къ новымъ военнымъ дѣйствіямъ нарушили мое мирное настроеніе. Съ согласія матушки, я былъ произведенъ въ офицеры 1-го мая 1823 года, въ 1-й Карабинерный полкъ, стоявшій тогда въ г. Нарвѣ. Получивъ отъ родственника высочайшій приказъ о производствѣ, я поторопился подѣлиться своей радостью съ матерью, имѣлъ неосторожность выѣхать въ городъ въ офицерской формѣ, прежде приказа по корпусу. За этотъ малодушный поступокъ меня лишили наградныхъ денегъ, и никакія ходатайства ближайшаго начальства не были приняты въ уваженіе строгимъ и скупымъ директоромъ генераломъ Маркевичемъ. Приведенное наказаніе послужило мнѣ весьма полезнымъ урокомъ въ жизни.

Послѣ представленія государю императору Александру Павловичу, вмѣстѣ съ прочими вновь произведенными офицерами, я отправился къ дивизіонному начальнику генералу Демидову, извѣстному своими странностями. Мнѣ приказано было явиться къ нему въ 8 часовъ утра. Болѣе часу я уже стоялъ въ пріемной, какъ въ полуотворившуюся дверь выглянула фигура въ бѣломъ домашнемъ сюртукѣ и исчезла за тою же дверью. Это былъ самъ Демидовъ. Около 10-ти часовъ онъ вышелъ въ мундирѣ; я представился. Послѣ краткихъ вопросовъ о мѣстѣ родины и родныхъ, онъ взялъ отъ человѣка шляпу, перчатки и приказалъ мнѣ прибыть завтра. На другой день, около 9-ти часовъ, я увидалъ Демидова въ томъ же бѣломъ

сюртукѣ. Онъ направилъ меня къ прибывшему изъ Нарвы полковому командиру, полковнику Леонтьеву, остановившемуся въ нижнемъ этажѣ того же дома. Послѣ обыкновенныхъ объясненій съ Леонтьевымъ, мы пошли къ начальнику дивизіи и нашли у него пріѣхавшаго такъ же изъ Нарвы бригаднаго командира генерала Палицына. Демидовъ, между прочимъ, спросилъ меня: не желаю ли я еще остаться съ родными въ Петербургѣ? Когда же я отвѣтилъ, что по случаю скораго выступленія полка въ лагерь прошу дозволенія ѣхать въ полкъ, чтобы заняться службою, генералъ сдѣлалъ шагъ назадъ, почти прыжокъ, съ какимъ-то особымъ удивленіемъ и, обратившись къ Палицыну и Леонтьеву, произнесъ:

— Вотъ вамъ офицеръ, который намъ нуженъ.

По прибытіи въ Нарву, генералъ Палицынъ предложилъ мнѣ исправлять при немъ должность бригаднаго адъютанта съ тѣмъ, чтобы и жить у него.

Такъ, въ самомъ началѣ моей службы, я получилъ мѣсто, хотя и съ несложными занятіями, но на виду у начальства и обезпечивающее меня матеріально.

Какъ ни странны кажутся приказанія генерала Демидова являться къ нему сряду два дня, стоять въ его пріемной часы въ натянутомъ положеніи, но это обстоятельство, обыкновенное по тогдашнему пониманію обязанностей, выдвинуло меня изъ обыденной колеи служебной жизни.

Исполняя должность бригаднаго адъютанта, я, однако, просилъ, у кого слѣдуетъ, дозволенія продолжать и строевыя занятія по страсти моей къ фронту. Такой фактъ, въ глазахъ Демидова, показался вѣнцомъ служебнаго усердія. Во время лагеря подъ Краснымъ Селомъ онъ постоянно обращалъ на меня вниманіе, иногда приглашалъ къ обѣду. Не долго я пользовался расположеніемъ генерала. Послѣ лагеря въ С.-Петербургѣ, за отказъ мой отъ его предложенія ѣхать въ театръ съ двумя проживавшими у него дѣвицами неизвѣстнаго происхожденія, я попалъ въ вольнодумцы.

По возвращеніи въ Нарву пришла и моя пора отдать долгъ молодости. Въ одномъ домѣ съ нами жила баронесса В., съ которою я познакомился чрезъ сыновей ея. Къ ней часто пріѣзжала симпатичная и любезная племянница ея, баронесса Е. И. К. Для меня, увлекшагося ея вниманіемъ, она представлялась верхомъ совершенства. Я былъ приглашенъ, въ числѣ моихъ товарищей по полку, пріѣхать къ ней въ деревню по случаю дня рожденія ея матери. Юная баронесса встрѣтила меня, какъ хорошаго знакомаго, и дала слово на котильонъ. Танцы продолжались часами. Только послѣ ужина я простился съ очаровательной хозяйкою, воспаленный сердцемъ и съ полнымъ убѣжденіемъ, что мы созданы другъ для друга. Палицынъ, пожилой холостякъ, чуждавшійся общества дамъ, вос-

хищался моими откровенными разсказами и мечтами о будущемъ счастіи. Въ часы досуга я писалъ о нихъ и матушкѣ.

Въ январѣ 1824 года, я былъ съ генераломъ Палицынымъ въ С.-Петербургѣ у развода. До прибытія государя, графъ Аракчеевъ, взявъ Палицына подъ руку, долго ходилъ съ нимъ по экзерцигаузу. Это событіе произвело большой эффектъ среди присутствующихъ. По возвращеніи съ развода, Палицынъ объявилъ мнѣ, что полки нашей бригады вскорѣ выступятъ въ свои округа военныхъ поселеній, а мы должны отправиться туда немедленно. При всей признательности моей къ Палицыну я рѣшился объяснить ему, что мнѣ грустно оставлять Нарву по извѣстнымъ ему обстоятельствамъ, что въ поселеніяхъ я буду для него безполезенъ, не имѣя понятія о введенномъ тамъ порядкѣ службы, и просилъ о возвращеніи въ полкъ. Палицынъ сжалился надъ моимъ положеніемъ, и мы разстались безъ всякой съ его стороны претензіи.

Въ полку я исправлялъ временно должность полковаго казначея. Хотя занятія мои усложнились, и свободнаго времени было немного, но оно всецѣло посвящалось чувствамъ моей душевной привязанности. Баронесса К. съ матерью жила тогда въ Нарвѣ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, кажется, на второй день Пасхи, полкъ нашъ выступилъ въ походъ. Горьки были минуты разставанья, съ ними кончилась поэзія, наступила скучная проза моей жизни. Походъ полка весною, въ самую распутицу, возбуждалъ убѣжденіе, что присутствіе наше въ поселеніи необходимо. Не доходя одного перехода до полкового штаба, села Медвѣдя, насъ расположили на тѣсныя, грязныя квартиры въ Лужскомъ уѣздѣ и лишь чрезъ двѣ недѣли назначили вступленіе въ округъ.

По приходѣ въ село Медвѣдь полкъ былъ построенъ на площади, въ батальонныхъ колоннахъ; посрединѣ ея былъ поставленъ для богослуженія аналой. Вотъ появился начальникъ штаба военныхъ поселеній, генералъ Клейнмихель, и показалось шествіе изъ церкви духовенства.

— Священникамъ идти въ порядкѣ!—произнесъ громко Клейнмихель.

По окончаніи молебствія былъ прочитанъ высочайшій манифестъ о дарованіи полку осѣдлости и льготъ мирной семейной жизни. Послѣ раздачи водки, которой большая часть солдатъ не пила, полку приказано было слѣдовать еще 14 верстъ и расположиться въ лѣсу. Здѣсь роздали по ротамъ рабочій инструментъ; дали двѣ недѣли на устройство бараковъ, и цѣлое лѣто насъ заставили расчищать вѣковой лѣсъ подъ сѣнокосъ. Я остался при штабѣ полка. Такъ деморализировались войска съ самаго вступленія въ поселеніе, при оффиціально развитой фискальной системѣ. Въ каждомъ округѣ состоялъ дежурный штабъ-офицеръ, который былъ обязанъ писать обо всемъ, въ особенности о нравственномъ

настроеніи и сужденіяхъ гг. офицеровъ. Мы въ своемъ кругу товарищей боялись быть откровенными. Лица, служащія вмѣстѣ со мною въ полковомъ штабѣ и обѣдавшія каждый день у полковаго командира, часто выходили изъ-за стола, не сказавъ ни одного слова. Странно, что съ этими предосторожностями не были обнаружены существовавшія нѣсколько лѣтъ злоупотребленія и значительная растрата казенныхъ суммъ въ поселенномъ батальонѣ полка подъ командою маіора Р. Злоупотребленія открылись только по присоединеніи батальона къ полку.

Графъ Аракчеевъ остался не доволенъ, кажется, не столько злоупотребленіями, сколько тѣмъ, что дѣлу былъ данъ оффиціальный ходъ; онъ прибылъ лично въ округъ.

Кто бы подумалъ, что я, въ скромномъ званіи прапорщика, буду предметомъ перваго гнѣва сильнаго временщика. Графъ пріѣхалъ въ субботу, вечеромъ, и обѣщалъ на другой день быть у обѣдни. Исправляя должность ктитора, я отправился въ церковь еще до заутрени и, почувствовавъ сырость воздуха, приказалъ протопить печи. Одна изъ нихъ стала дымить; я послалъ къ строителю-инженеру, но ничто не помогло, и въ церкви остался запахъ дыма.

— Ты что?— спросилъ меня графъ при входѣ въ церковь.

— Исполняю должность ктитора,—доложилъ я смиренно.

Войдя въ храмъ, онъ сказалъ:

— Отчего пахнетъ дымомъ?

И, не ожидая отвѣта, приказалъ отправить меня послѣ обѣдни на гауптвахту. Все, что ему представлялось, было не хорошо и досталось всѣмъ; казалось, онъ хотѣлъ на первый разъ, какъ говорится, задать острастку. Два дня графъ пробылъ въ округѣ, и два дня я просидѣлъ на гауптвахтѣ; только предъ отъѣздомъ его, по просьбѣ полкового командира, меня освободили. Это было только началомъ моихъ испытаній, которыя мнѣ судьбою опредѣлено было перенести. Я не былъ въ перепискѣ съ Е. И. К., но чрезъ письма изъ Нарвы къ близко знакомымъ лицамъ имѣлъ извѣстія, доказывавшія продолженіе ея расположенія ко мнѣ. Въ одинъ грустный день заѣхавшій ко мнѣ поручикъ Л. показалъ письмо изъ Нарвы къ женѣ его, въ которомъ, между прочимъ, было роковое извѣстіе, что невѣста моя, какъ ее называли, выходитъ замужъ. Разочарованному въ чувствахъ первой привязанности и неудачею въ службѣ, мнѣ надо было много силы воли, чтобы не упасть духомъ. Только письмо покойной матушки, видѣвшей въ моемъ горѣ испытаніе, ведущее къ лучшему, возстановило мои нравственныя силы, и я съ новою энергіею принялся за свои обязанности.

Вскорѣ меня утвердили квартирмейстеромъ, съ званіемъ члена полкового комитета. Мнѣ приказано было составить выписку изъ запутаннаго отчета о растратахъ по поселенному батальону. Это сложное и трудное занятіе съ ранняго утра до поздней ночи, съ

тяжкою обязанностью сохранить справедливость и облегчить участь почтеннаго по лѣтамъ маіора Р., который, какъ казалось, пользовался покровительствомъ графа, подорвали мои физическія силы до кровохарканія. Лишь данный мнѣ отдыхъ и медицинскія пособія возстановили мое здоровье.

Въ концѣ 1824 года я имѣлъ серьезное порученіе принять и доставить въ округъ, купленный у лужской помѣщицы А. В. Татищевой, лѣсъ для постройки полкового штаба. Въ смѣтѣ, приложенной къ предписанію полкового комитета, было объяснено по ошибкѣ, что надобно принять, между прочимъ, около 2.000 бревенъ 5-ти-саженной длины; слѣдовало же показать $5^1/_2$ саж. На основаніи смѣты я донесъ, что мною приняты бревна длиною въ 5 саженъ, а начальникъ работъ представилъ объясненіе, что чрезъ это остановится возведеніе экзерциргауза. Когда же, на запросъ полкового комитета, мною было донесено, что хотя сообразно съ смѣтою и показаны по вѣдомости принятыми бревна въ 5 саж., но въ натурѣ всѣ они до 6 саж., то мнѣ была объявлена благодарность, скупого на похвалы, графа Аракчеева. Пріемъ и клейменіе лѣса, продолжавшіеся около трехъ мѣсяцевъ, не составляли того труда, который я испытывалъ при сплавѣ бревенъ водою, сначала розсыпью по теченію р. Лежны, а потомъ плотами по рѣкамъ Шелони и Мшагѣ противъ теченія.

По окончаніи этой командировки съ пользою для казны и по представленіи отчетности, я получилъ изъ остатка отпущенной мнѣ суммы денежную награду и сталъ пользоваться не по чину авторитетомъ начальства и товарищей.

Событія 1825 года, послѣдовавшія по кончинѣ императора Александра Павловича, измѣнили устройство и управленіе военными поселеніями. Поселенные баталіоны были освобождены отъ фронтовыхъ занятій, отнимавшихъ у людей непроизводительно силы и время отъ полевыхъ и домашнихъ работъ. Вмѣсто мундировъ и аммуниціи дали имъ особой формы кафтаны, вмѣсто двухъ постояльцевъ хозяева должны были содержать только по одному; гг. служащимъ разрѣшены переводы и пр.

Вскорѣ послѣдовалъ замѣчательный прощальный приказъ по военнымъ поселеніямъ отъѣзжавшаго въ отпускъ за границу, по болѣзни, графа Аракчеева, и съ этимъ отъѣздомъ кончилось его владычество [1]).

Съ отраднымъ чувствомъ вспоминаю я времена трудныя, но вынесенныя съ покорностью волѣ Божіей. Мнѣ кажется, что если въ

---

[1]) Въ приказѣ этомъ, сколько я помню, было объяснено: «У въ Бозѣ почившаго Государя, въ его всеобъемлющемъ умѣ, родилась мысль объ устройствѣ военныхъ поселеній»... Потомъ о себѣ графъ упоминалъ: «Что мнѣ, первому и единому мнѣ, была открыта воля монарха; удостоенный довѣрія его величества, я одинъ устроилъ воевныя поселенія», и пр.

графѣ и проявлялось желаніе обращать службу подчиненныхъ въ гнетущій трудъ, то это являлось слѣдствіемъ его безпредѣльной преданности государю, безгранично ему довѣрявшему. Все сказанное ставило графа въ исключительное положеніе и приводило иногда къ деспотизму. Здѣсь нельзя не вспомнить и убѣжденій того времени; нельзя не упомянуть и о томъ, что, хотя въ поселеніяхъ большинство было не довольно строгостью, однако, при извѣстіи о декабрскихъ безпорядкахъ, всѣ готовы были идти за правительство. Слово о графѣ, какъ о государственномъ дѣятелѣ, принадлежитъ исторіи.

Въ 1826 году, полковой командиръ, полковникъ Леонтьевъ, былъ произведенъ въ генералы и назначенъ командиромъ первой бригады первой гренадерской дивизіи. Мѣсто его занялъ бывшій баталіонный командиръ, полковникъ Томиловскій. Не въ томъ была бѣда, что онъ относился строго къ службѣ, но бѣда въ томъ, что онъ имѣлъ мстительный характеръ. На меня палъ выборъ исправлять должность полковаго адъютанта. Я не боялся работы. Понимая обязанности полковаго адъютанта, какъ звена, соединяющаго полковаго командира съ обществомъ офицеровъ, и стараясь предупреждать личныя неудовольствія, я бывалъ часто въ затруднительномъ положеніи. Не буду объяснять многихъ случаевъ, сохранившихся и до сихъ поръ въ моей памяти, но приведу одинъ примѣръ, характеризующій наши отношенія. При отмѣткѣ въ кондуитныхъ спискахъ Томиловскій аттестовалъ подпоручика Рябинина «расточителенъ въ хозяйствѣ» за то, что ямщикъ жаловался на неуплату имъ 10 рублей за ѣзду. Въ сущности дѣло было въ томъ, что командиръ не жаловалъ Рябинина, честнаго и образованнаго офицера, любимаго товарищами, но, по молодости, не всегда осторожнаго въ выраженіяхъ. Когда я доложилъ, что аттестація эта можетъ повліять вредно на будущую службу достойнаго офицера, то Томиловскій такъ сильно оттолкнулъ отъ себя списокъ, что онъ упалъ на полъ. Съ досадою онъ сказалъ мнѣ: «Поднимите!».

— Для поднятія бросаемыхъ вами на полъ бумагъ вамъ данъ денщикъ,—отвѣтилъ я.

Полковникъ взглянулъ на меня съ гнѣвомъ, но, встрѣтивъ совершенно спокойное выраженіе лица моего, остановился съ дальнѣйшими объясненіями и позвалъ денщика.

Я выносилъ подобныя, не безопасныя въ служебномъ отношеніи, пытки, утѣшаясь мыслью, что приношу пользу товарищамъ. Пытки эти были тѣмъ болѣе трудны, что, слѣдуя принятой мною системѣ, я ни съ кѣмъ не могъ раздѣлить грустныхъ моихъ чувствъ, чтобы не возбудить въ товарищахъ еще болѣе нерасположенія къ Томиловскому. Среди такихъ волненій я неожиданно получилъ предложеніе отъ генерала Н. И. Леонтьева служить при немъ бригаднымъ адъютантомъ. Я принялъ предложеніе, хотя мнѣ и тя-

жело было разставаться съ полкомъ. Томиловскій и при разставаніи не измѣнилъ себѣ. Онъ выразилъ свое сожалѣніе досадою на генерала Леонтьева и на меня; однако же потомъ былъ со мною въ перепискѣ.

Судьбы Провидѣнія неисповѣдимы. Могъ ли я предвидѣть, что новое назначеніе мое, кромѣ пріятной обстановки по службѣ, принесетъ мнѣ семейное счастіе втеченіе почти сорока лѣтъ. Дозволю себѣ сдѣлать перерывъ описанія моихъ служебныхъ занятій. Да и что я могу сказать особеннаго о нихъ въ званіи бригаднаго адъютанта? Были высочайшіе смотры, ученія, разводы въ присутствіи высшаго начальства, всегда удачные потому, что генералъ Леонтьевъ ревностно занимался бригадою. Втеченіе зимы онъ имѣлъ терпѣніе осматривать по одиночкѣ оба полка съ собственноручною отмѣткою въ спискахъ степени образованія по фронту каждаго человѣка. Кромѣ того, онъ провѣрялъ хозяйства военныхъ поселенцевъ, также съ оцѣнкою ихъ благоустройства.

По прибытіи въ Собачьи Горбы, мѣсто расположенія бригаднаго штаба, въ іюнѣ 1828 года, я былъ принятъ генераломъ тепло и внимательно. Жена его, достойная искренняго уваженія Наталья Лаврентьевна, и ея сестра, потомъ незабвенная, покойная жена моя Софья Лаврентьевна, привѣтствовали меня, какъ стараго знакомаго. Онѣ и трое дѣтей составляли семейство генерала.

Носились слухи, что полковой командиръ, полковникъ Полтининъ, уже пожилой холостякъ, умный и добрый, числился женихомъ Софьи Лаврентьевны, а дежурный штабъ-офицеръ, подполковникъ Розенмейеръ, влюбленъ въ нее и часто бываетъ въ семьѣ Леонтьева. Домъ бригаднаго командира стоялъ на высокомъ берегу р. Волхова, съ большимъ садомъ, окруженный живописной мѣстностью. При домѣ былъ казенный паромъ съ катерами и яликами; на другой сторонѣ рѣки видны были красивые домики поселенной роты. Я и канцелярія помѣщались во флигелѣ.

По утрамъ послѣ докладовъ генералъ уѣзжалъ для осмотровъ. Я имѣлъ занятій часа на два, знакомые посѣщали насъ рѣдко, и только полковые командиры являлись довольно часто. Полтининъ обыкновенно оставался обѣдать. Розенмейеръ пріѣзжалъ вечеромъ. Это была добрая, симпатичная личность, не безъ претензій на свою наружность и остроту. Мы скоро сошлись на ты; онъ былъ дѣйствительно неравнодушенъ къ Софьѣ Лаврентьевнѣ.

Наступило лѣто. Наталья Лаврентьевна постоянно занималась дѣтьми; я почти ежедневно гулялъ съ ея сестрою въ саду или катался въ лодкѣ. Разумный тактъ и полное нравственное приличіе, которыми обладала Софья Лаврентьевна, не могли не возбудить во мнѣ чувствъ глубокаго къ ней уваженія. Благодаря ей, проявились во мнѣ понятія о лучшихъ интересахъ жизни; я сталъ болѣе внимателенъ ко всему, до нея относящемуся. Все это при-

вело къ заключенію ея родныхъ и знакомыхъ, что я влюбленъ. Для нашихъ прогулокъ возникли затрудненія, но они, какъ и всякое препятствіе въ подобныхъ случаяхъ, не отдалили, а ускорили развязку.

Въ іюнѣ переѣхалъ на дачу въ село Богослово [1]) корпусный командиръ, князь И. Л. Шаховской. Генералъ отправился со мною представиться; послѣ обѣдни насъ оставили обѣдать. Потомъ приглашенія повторялись; при этомъ начались празднества въ полкахъ по разнымъ случаямъ, катанья водою на тони и проч. Я уже не могъ ежедневно гулять съ Софьей Лаврентьевной. Пятнадцатаго августа мы съ генераломъ возвратились отъ князя ранѣе обыкновеннаго, по случаю нездоровья княгини. Дома застали Полтинина и Розенмейера. Все время разговоръ былъ общій и оживленный. Предъ отъѣздомъ Розенмейеръ, взявъ меня подъ руку и отведя въ сторону, сказалъ:

— Я, братъ, ретируюсь, насильно милъ не будешь, тебѣ и книги въ руки.

— Что такое?—спросилъ я.

— Пока тебя не было, говорили—скучно, а съ твоимъ возвращеніемъ стало весело. Дай Богъ вамъ совѣтъ да любовь.

Мы разстались. Я привыкъ къ шуткамъ Розенмейера. На этотъ разъ въ тонѣ его была не шутка. Я очутился въ какомъ-то новомъ для меня положеніи, но старался скрыть свое смущеніе. Такимъ образомъ почти ничтожный случай сдѣлался важнымъ вопросомъ моей жизни. Я пришелъ къ убѣжденію, что съ чувствомъ почти родственной привязанности слилось во мнѣ и чувство искренней любви. Я видѣлъ, что и Софья Лаврентьевна ко мнѣ неравнодушна. Тогда предстали предо мною думы о будущемъ. Я опасался внести неудовольствіе въ уважаемое мною семейство генерала. Ни у меня, ни у сестры его жены состоянія не было. Описавъ мое положеніе покойной матушкѣ, я получилъ отъ нея согласіе и благословеніе на бракъ. «Не въ деньгахъ счастіе,—писала она,—а въ любви и согласіи». Письмо это и было поводомъ моихъ объясненій.

На другой же день, во время прогулки, Софья Лаврентьевна замѣтила, что она давно не видала меня въ такомъ хорошемъ настроеніи.

— Продолженіе этого настроенія зависитъ отъ васъ,—проговорилъ я,—прочтите и скажите отвѣтъ на это письмо.

Много перечувствовалъ я въ немногое время, пока читалось письмо. Но вотъ она взглянула на меня съ улыбкою и произнесла:

— Теперь я только могу сказать вамъ: да.

Нужно ли объяснять, что сдѣлало со мною это слово, рѣшившее судьбу моей жизни? Возвратясь домой, мы объявили о нашемъ

---

[1]) Въ пяти верстахъ отъ Собачьихъ Горбовъ.

счастіи. Это не удивило Николая Ильича и Наталью Лаврентьевну; они предвидѣли исходъ нашего взаимнаго расположенія. Свадьба наша была въ февралѣ. Вскорѣ Николая Ильича перевели въ 3-ю бригаду, и мы переѣхали на прежнія квартиры въ с. Медвѣдь.

Въ 1830 году, гренадерскій корпусъ былъ собранъ въ лагерѣ подъ селомъ Княжимъ Дворомъ. Императоръ Николай Павловичъ на смотру объявилъ корпусу походъ противъ поляковъ, надежду на помощь Божію въ правомъ дѣлѣ и на храбрость войска. Онъ прибавилъ: «Пойдемъ топтать бунтовщиковъ» [1]). Полки выступили, а генералъ Леонтьевъ былъ назначенъ начальникомъ старо-русскаго округа, и мы переѣхали въ Старую Руссу.

Бывшій начальникъ штаба, генералъ Клейнмихель, прибывъ въ Старую Руссу для осмотра военныхъ поселеній, замѣтилъ мнѣ за обѣдомъ у генерала:

— Вы здѣсь не составите карьеры по службѣ, и можете быть обойдены товарищами; совѣтую вамъ ѣхать къ бригадѣ, какъ бригадному адъютанту, тѣмъ болѣе, что кампанія продолжится не долго.

Какъ ни грустно было мнѣ разставаться съ женою, но отказаться отъ лестнаго предложенія было не возможно. Я отправился къ арміи въ январѣ 1831 года, а въ въ мартѣ мѣсяцѣ Богъ далъ намъ сына Ростислава.

Въ томъ же году семейство наше постигло страшное несчастіе.

Незабвенный Н. И. Леонтьевъ былъ убитъ, или, лучше сказать, замученъ во время возмущенія поселенцевъ въ Старой Руссѣ [2]). Онъ едва успѣлъ предъ тѣмъ отправить въ Нарву свое семейство и жену мою съ сыномъ. Въ Нарвѣ тогда жили родные; имущество наше, остававшееся въ Старой Руссѣ, все было разграблено. Я избавился опасности потому, что находился въ кампаніи.

Прибывъ къ бригадѣ въ г. Ковно, гдѣ была и корпусная квартира, я представился корпусному командиру. Князь Шаховской принялъ меня съ видимымъ расположеніемъ, какъ лицо ему извѣстное. Онъ сказалъ бывшему при пріемѣ начальнику штаба, генералу Гурко:

— Вотъ, Владиміръ Осиповичъ, кому мы можемъ поручить наградную и секретную переписки.

Я назначенъ былъ состоять при князѣ. Мнѣ поручены были занятія, и назначены отъ штаба два писаря, а для посылокъ два

---

[1]) Послѣ смотра извѣстный остротами князь Львовъ объявилъ намъ, что государь на смотру изволилъ съ нимъ разговаривать. Дѣло было въ томъ, что онъ по неосторожности всталъ на линію желонеровъ, и государь сказалъ ему: «Подите прочь съ линіи, вы мѣшаете равненію желонеровъ!».

[2]) Въ появленіи свирѣпствовавшей холеры поселяне, по наущенію злоумышленниковъ, обвиняли начальство и докторовъ. Командированный для прекращенія болѣзни, главный докторъ военныхъ поселеній, д. с. с. Даллеръ, спасся, выѣхавъ изъ Старой Руссы на козлахъ коляски, въ денщичьей шинели.

казака съ урядникомъ. Такимъ образомъ устроилось мое служебное положеніе на время всей кампаніи.

25 января, корпусный штабъ съ войсками переправился черезъ рѣку Нѣманъ и слѣдовалъ на города Сувалки и Ломжу къ Варшавѣ. За три перехода до Варшавы, было получено донесеніе начальника казачьяго разъѣзда, что корчма Зегржъ, на шоссе, сильно укрѣплена и занята непріятелемъ. Слѣдовавшей впереди бригадѣ, въ которой я числился, и которою командовалъ временно генералъ Колотинскій, приказано было взять корчму. Я, съ дозволенія князя, поѣхалъ къ бригадѣ. Ночью мы обошли корчму, со всѣми предосторожностями, съ лѣвой стороны, чрезъ рѣку Бугъ; по льду были переправлены два легкихъ орудія на людяхъ, съ настилкою соломы, чтобы съ разсвѣтомъ напасть на непріятеля. Къ удивленію нашему оказалось, что ни въ корчмѣ, ни въ укрѣпленіяхъ, около моста устроенныхъ, непріятеля нѣтъ.

Когда бригада послѣ отдыха выстроилась для слѣдованія, вдали, по дорогѣ изъ м. Непорента, показались уланы. Колотинскій взволновался, приказалъ пѣхотѣ построить каре, а кавалеріи и артиллеріи стать на позицію. Вдругъ мы увидали отдѣлившагося отъ уланъ и скачущаго къ намъ офицера генеральнаго штаба Львова. Онъ объявилъ, что этотъ эскадронъ посланъ съ нимъ для открытія сообщеній гренадерскаго корпуса съ главною арміею.

Такъ комично началась моя боевая карьера; то мы искали непріятеля, и не нашли, то свои войска приняли за непріятеля.

11 февраля, мы расположились на бивуакахъ у м. Непорента. Князь помѣстился впереди селенія, въ домѣ ксёндза; мы, т. е. свита, по стодоламъ и сараямъ около дома. На другой день, 12 февраля, рано утромъ, мы услышали вблизи прежде ружейные, а потомъ пушечные выстрѣлы. Я выбѣжалъ изъ стодола и увидѣлъ разсыпанныхъ по опушкѣ лѣса, не вдалекѣ отъ дома, польскихъ застрѣльщиковъ съ двумя орудіями, а начальника штаба, генерала Гурко, уже разставлявшаго въ застрѣльщики нашу караульную роту. Началась перестрѣлка. Въ войскахъ били тревогу; я побѣжалъ къ князю и встрѣтилъ его сходящимъ съ крыльца совершенно спокойнымъ, тогда какъ пули и артиллерійскіе снаряды ложились на дворѣ и попадали въ строенія.

— Скажите Владиміру Осиповичу Гурко,—приказалъ князь,— чтобы не ставилъ людей подъ выстрѣлы, а держался строеній. Это рекогносцировка, поляки изъ лѣсу не выйдутъ.

Въ то время, какъ я отправился исполнять порученное распоряженіе, разсыпанная рота наша съ мѣста, гдѣ былъ ротный командиръ, съ крикомъ «ура» бросилась къ опушкѣ лѣса. Видя, что непріятель уходитъ и увозитъ орудія, которыя и были цѣлью порыва ротнаго командира, и что этотъ порывъ былъ тотчасъ же

остановленъ сигналомъ, но стоилъ двухъ раненыхъ, я невольно проникся сожалѣніемъ и ненавистью къ бунтовщикамъ.

Послѣ описаннаго случая корпусъ выступилъ по старой Варшавской дорогѣ къ Бѣлоленкѣ. Бывшая впереди насъ бригада первой пѣхотной дивизіи, подъ начальствомъ генерала Мандерштерна, найдя м. Бѣлоленку занятою непріятелемъ, начала дѣло. Когда огонь сталъ усиливаться, князь велѣлъ ускорить маршъ, а мнѣ ѣхать къ Мандерштерну съ приказаніемъ, чтобы онъ непремѣнно удержалъ Бѣлоленку и, въ случаѣ надобности, послалъ въ огонь свой резервъ, потому, что другія войска идутъ на помощь къ намъ форсированнымъ маршемъ. Я засталъ непріятеля наступающимъ на Бѣлоленку, а генерала Мандерштерна распоряжающимся въ самомъ пылу битвы на площади мѣстечка. Здѣсь уже была работа преимущественно штыками и прикладами. Пули летали рѣдко; я очутился, такъ сказать, съ непріятелемъ лицомъ къ лицу и съ какимъ-то дикимъ увлеченіемъ поощрялъ солдатъ, молодецки поражавшихъ бунтовщиковъ. Вскорѣ пронеслось «ура!» тронувшагося съ мѣста резерва, и непріятель сталъ отступать. Я проводилъ его до конца мѣстечка. Мандерштернъ благодарилъ меня за участіе, и я поѣхалъ съ докладомъ къ князю. За это дѣло я получилъ, по засвидѣтельствованію Мандерштерна, орденъ св. Анны 4-й степени съ надписью: «за храбрость». По окончаніи дѣла, съ участіемъ другихъ частей, войска построились въ боевой порядокъ предъ мѣстечкомъ въ виду непріятеля. Потомъ приказано было начать движеніе влѣво, чрезъ лѣсъ, съ гренадерскихъ полковъ, стоявшихъ въ заднихъ линіяхъ, для присоединенія къ арміи. Карабинерная бригада, при которой я былъ оставленъ княземъ, стоявшая въ первой линіи и горѣвшая желаніемъ сразиться съ непріятелемъ, должна была двинуться послѣднею. Ночью непріятель безпокоилъ насъ и особенно кавалерію конгревовыми ракетами и изрѣдка огнемъ артиллеріи; ему посылались по огню энергичные отвѣты.

Едва стала заниматься заря, какъ мы увидали наступающихъ въ боевомъ порядкѣ поляковъ съ распущенными знаменами и сильною батареею въ срединѣ. Вскорѣ мы двинулись черезъ лѣсъ за гренадерскими полками, подъ прикрытіемъ артиллеріи; непріятель насъ не преслѣдовалъ. Однако, мы потеряли одно орудіе, завязшее въ болотѣ, и убыль въ бригадѣ была довольно значительна. При всей поспѣшности слѣдованія по ужасной дорогѣ мы прибыли на Гроховское поле уже тогда, когда знаменитое дѣло почти окончилось.

Не думаю, чтобы у кого либо не дрогнула душа при видѣ мгновенно разрушающейся жизни, только что дѣйствовавшей съ полною отвагою; не думаю, чтобы было много и такихъ натуръ, которымъ смерть ближняго на полѣ битвы не напоминала бы близости ихъ собственной гибели. При этомъ сознаніи проведенные мною два дня среди опасностей, укрѣпивъ во мнѣ надежду на Провидѣніе,

привели меня къ убѣжденію, что при исполненіи святыхъ обязанностей не можетъ быть ни мысли, ни чувства боязни.

Во время похода мы утѣшались надеждою, что при первой встрѣчѣ съ мятежниками все будетъ кончено въ одинъ день. Послѣ Гроховской битвы дни приходили и уходили. Мы стояли на одной позиціи подъ дождемъ и снѣгомъ, а первыя сутки безъ обозовъ и вьюковъ питались солдатскими сухарями, пили болотную воду изъ манерокъ. Наконецъ, послѣдовало приказаніе перейти къ мѣстечку Лотовичамъ.

Не буду увлекаться подробностями и объясню вкратцѣ подвиги гренадерскаго корпуса. Втеченіе почти трехъ мѣсяцевъ мы переходили съ одной позиціи на другую по исторической польской грязи; недостатокъ въ хлѣбѣ вынудилъ насъ продовольствоваться посредствомъ реквизиціи. Къ добавленію сказаннаго, въ войскахъ показалась холера. Было нѣсколько дѣлъ съ непріятелемъ, въ которыхъ и я принималъ участіе, какъ-то: при мѣстечкахъ Ендржеевѣ, Калушинѣ, Венгровѣ, Куфлеевѣ и городѣ Минскѣ. Это были, какъ оказалось, только рекогносцировки непріятеля, который обыкновенно ретировался послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, не давая намъ никакихъ результатовъ, кромѣ утомленія солдатъ. Изъ болѣе замѣтныхъ дѣлъ было дѣло подъ Венгровымъ, гдѣ карабинеры безъ выстрѣла взяли мостовое укрѣпленіе, сильно обороняемое. Бывшіе мои товарищи, Рябининъ и Вестенрикъ, первые вскочили на тетъ-де-понъ и пали смертію храбрыхъ.

Но вотъ приблизилась развязка грустнаго бездѣйствія. Мы пошли къ городу Остроленкѣ, и 14-го мая, на разсвѣтѣ, услышали грохотъ пушекъ. Нетерпѣніе скорѣе дойти до мѣста битвы было такъ сильно, что каждый выстрѣлъ казался упрекомъ, что мы идемъ не довольно скоро, хотя мы почти бѣжали.

Около девяти часовъ утра мы увидали стоявшихъ на песчаномъ бугрѣ, близъ города Остроленки, главнокомандующаго фельдмаршала графа Дибича съ начальникомъ главнаго штаба графомъ Толемъ. Третьей гренадерской дивизіи генерала Набокова приказано было поступить подъ начальство генерала Бистрома, атаковавшаго городъ. Князь приказалъ мнѣ быть при Набоковѣ и доносить ему о ходѣ дѣла. Мы вошли въ городъ, когда большая часть его еще находилась въ рукахъ непріятеля. До городской площади мы прошли не останавливаясь, но площадь представляла такое зрѣлище, которое никогда не изгладится изъ памяти. Городъ горѣлъ, весь скарбъ еврейскій выносился на улицы; тутъ же бой, разрывающіеся снаряды, плачъ женщинъ и дѣтей, барабаны, сигналы,—все сливалось въ одинъ страшный гулъ, раздирающій душу. Когда непріятель былъ вытѣсненъ съ площади, гренадеры, не смотря на сильный огонь батарей, перешли мостъ чрезъ Наревъ. Поражая штыками и прикладами, они взяли два орудія, защищавшія пере-

праву, и утвердились на позиціи между рѣкою и шоссе. Два полка гренадеръ были переведены по пловучему мосту. Непріятель, подъ прикрытіемъ артиллеріи, нѣсколько разъ возобновлялъ атаки, но онѣ были успѣшно отбиваемы. Намъ большую помощь оказала сильная батарея, удачно поставленная генераломъ графомъ Толемъ на возвышенномъ берегу рѣки и дѣйствовавшая почти во флангъ атакующаго непріятеля.

Поздно вечеромъ князь послалъ меня предупредить отдѣльныхъ начальниковъ объ осторожности на случай ночного нападенія. Замѣтивъ при проѣздѣ, что непріятель замѣняетъ пѣшую цѣпь конною, я тотчасъ же возвратился доложить объ этомъ князю. Онъ поручилъ генералу Гурко и мнѣ удостовѣриться въ намѣреніяхъ непріятеля.

Проѣхавъ до небольшого моста на шоссе, мы услышали шумъ движенія и увидали тянувшіяся въ сторонѣ, мимо бѣлыхъ домиковъ, массы польскихъ войскъ, смѣшанныхъ въ безпорядкѣ. Сомнѣнія въ отступленіи непріятеля не могло быть. Генералу Гурко князь поручилъ доложить объ этомъ фельдмаршалу, приказавъ и мнѣ за нимъ слѣдовать.

Мы заѣхали въ бивуакъ графа Толя и застали его занимающимся съ генералъ-квартирмейстеромъ, генераломъ Нейдгартомъ. Къ фельдмаршалу отправились всѣ вмѣстѣ. Онъ спалъ; графъ Толь, разбудивъ его, объяснилъ дѣло, и фельдмаршалъ велѣлъ для преслѣдованія непріятеля послать казаковъ. Поутру мы увидали толпы плѣнныхъ, взятыхъ казаками, но другихъ результатовъ преслѣдованія, къ сожалѣнію, не было. Такъ кончилась Остроленская битва, стоившая много крови. За отличіе въ сраженіи подъ городомъ Остроленкою я получилъ чинъ штабсъ-капитана.

Мы пошли къ городу Пултуску; тамъ скончался отъ холеры фельдмаршалъ Дибичъ, и прибылъ графъ Паскевичъ-Эриванскій, подъ счастливою звѣздою котораго ожила армія. Дѣла приняли оборотъ болѣе благопріятный, чему много способствовала заботливость главнокомандующаго объ обезпеченіи войскъ продовольствіемъ. Наше слѣдованіе къ Варшавѣ и переправа черезъ Вислу, близъ прусской границы, не имѣли серьезныхъ препятствій со стороны польскихъ войскъ. Мнѣ пришлось участвовать только одинъ разъ въ дѣлѣ подъ Шимановымъ.

Почти черезъ два мѣсяца послѣ выступленія изъ Пултуска, 12-го августа, мы стали на позицію при Сенкочинѣ и вдали увидали массу зданій мятежной Варшавы съ возвышающимися куполами костеловъ. Войска занялись приготовленіемъ штурмовыхъ лѣстницъ, фашинъ и ихъ приспособленіемъ при штурмѣ.

Не могу не разсказать случая, характеризующаго тогдашнія служебныя отношенія казаковъ. Князь послалъ меня впередъ къ атаману Власову узнать, не замѣчается ли какого движенія у непрія-

теля. Я нашелъ знаменитаго старца сидящимъ подъ деревомъ, къ которому были привѣшаны, въ видѣ шатра, двѣ бурки. Выслушавъ меня, атаманъ закричалъ: «Пахомычъ!».

Явился почтенный штабъ-офицеръ.

— Возьми-ка съ полсотни ребятъ, — приказалъ генералъ Власовъ, — да побѣгай по бугру.

Въ минуту лава молодцовъ понеслась въ разсыпную. Я поѣхалъ за казаками и съ высокаго холма увидалъ страшную Волю съ грозными брустверами и костеломъ внутри укрѣпленія. Но они не устрашили нашего войска, исполненнаго надежды на великаго русскаго Бога, поборника правды. Поистинѣ можно сказать, что кто не видалъ въ бою нашего солдата, тому трудно даже вообразить его геройскую храбрость и самоотверженіе; ему, какъ говорится, смерть ни почемъ.

Поздно вечеромъ, 24-го августа, со всѣми предосторожностями скрыть отъ непріятеля наше движеніе, мы выступили съ позиціи, оставивъ пылающіе костры, и остановились близъ Калишскаго шоссе.

Восходящее солнце, привѣтствуемое молитвами солдатъ, застало войска уже двигающимися на приступъ. Артиллерія шла впереди; нѣсколько сигнальныхъ ракетъ взвилось изъ непріятельскихъ укрѣпленій; загрохотали громы орудій, и разверзлась завѣса въ обители смерти. Уже около получасу продолжались дѣйствія артиллеріи, какъ пріостановленнымъ войскамъ было приказано идти на штурмъ. Предъ нами возвышалась Воля, но до нея надобно было взять сильно укрѣпленный, съ волчьими ямами и палисадами, редутъ. Солдаты, крестясь, говорили: «только бы Богъ помогъ намъ Волюшку-то польскую прибрать къ рукамъ, а уже съ Аршавой сладимъ».

Редутъ былъ взятъ войсками перваго пѣхотнаго корпуса, шедшими предъ нами. Колонны пошли на приступъ безъ одного выстрѣла; закипѣла послѣдняя жестокая борьба въ редутѣ, пули посыпались на атакующихъ. Первыми взошли на валъ офицеры, за ними заблистали штыки солдатъ, и скоро въ редутѣ все замерло, какъ въ могилѣ.

Для взятія Воли были введены въ дѣло гренадеры вмѣстѣ съ другими войсками. Сильный гарнизонъ, на смерть защищавшійся, и всѣ преграды, вѣками придуманныя, пали подъ оружіемъ храбрыхъ. Стремленіе къ исполненію долга между офицерами было такъ сильно, что солдаты удерживали ихъ, вскакивали на брустверъ прежде, чтобы защитить ихъ собою. Такъ было съ полковникомъ Кирьяковымъ, получившимъ св. Георгія, и съ подполковникомъ Рачинскимъ, павшимъ славною смертію. Оба они были батальонными командирами перваго Карабинернаго полка. Мое слово, конечно, ничего не прибавитъ къ лавровымъ вѣнкамъ корпусныхъ командировъ князя Шаховскаго и графа Палена перваго, распоряжавшихся при взятіи Воли. Не могу лишь не сказать, что ихъ герой-

ское хладнокровіе въ самомъ пылу битвы удивляло всѣхъ, и мы съ ними забывали опасность. Командиръ конной батареи полковникъ Житовъ, подскакавшій къ Волѣ на ближайшій картечный выстрѣлъ, раненый въ руку и обливаемый кровью, оставался въ бою даже безъ перевязки. Но описаніе всѣхъ частныхъ подвиговъ, даже тѣхъ, которые совершались въ глазахъ моихъ, заняло бы слишкомъ много мѣста въ этихъ запискахъ.

Въ Волѣ палъ старый польскій воинъ, ея комендантъ Савицкій; взятъ въ плѣнъ одинъ изъ первыхъ зачинщиковъ мятежа Высоцкій, и убиты тысячи мятежниковъ. Съ нашей стороны потеря также была велика.

Взятіе Воли повергло въ унынiе мятежниковъ, канонада притихла, но только что князь расположился съ нами около Воли закусить, какъ непріятель сдѣлалъ сильную вылазку изъ Варшавы. Князь самъ повелъ въ атаку карабинерные полки, бывшіе подъ рукою. Оказавъ чудеса храбрости, они отбросили атакующихъ, увлеклись преслѣдованіемъ въ самое предмѣстье бунтующей столицы. Въ началѣ сраженія, когда сходились цѣпи застрѣльщиковъ, одинъ изъ польскихъ офицеровъ навелъ пистолетъ на князя, но двое нашихъ застрѣльщиковъ подняли его на штыки. Послѣдній въ жизни выстрѣлъ врага ранилъ жандарма, бывшаго въ свитѣ князя.

Начались переговоры, но видно правдѣ Божіей нужны были новыя жертвы. 25-го августа насталъ вторичный и послѣдній штурмъ Варшавы, еще съ бо̀льшими опасностями, потому что непріятель имѣлъ время сосредоточить свои силы по направленію нашей атаки.

Около шести часовъ вечера гренадеры взяли Вольское предмѣстье и продолжали дѣйствовать по Вольской улицѣ. На первомъ перекресткѣ огонь былъ такъ силенъ, что мы должны были пріостановиться, чтобы сохранить людей. Князь во главѣ третьей гренадерской дивизіи прогналъ мятежниковъ.

Безпокоясь о второй дивизіи, дравшейся подъ начальствомъ генерала Полуектова у Іерусалимской заставы, князь послалъ меня узнать о положеніи дѣла. Я нашелъ Полуектова у городскаго вала близъ заставы.

— Скажите князю,—былъ отвѣтъ Полуектова,—что я очень сожалѣю, что онъ не полюбовался моими молодцами: они съ пѣснями шли на смерть [1]).

Возвращаясь къ корпусному командиру, я былъ свидѣтелемъ пораженія пяти человѣкъ плѣнныхъ мятежниковъ русскимъ ядромъ. Они шли въ числѣ прочихъ, съ конвоемъ, въ обозѣ; по-

---

[1]) Разсказывали, что на заявленіе Полуектова о пѣсняхъ фельдмаршалу послѣдній спросилъ: какую пѣсню пѣли солдаты? Генералъ отвѣчалъ: «Ахъ, на-что-жъ было огородъ городить!..».

томъ я нагналъ своего отставшаго казака, порядочно выпившаго. Онъ горько плакалъ о пропавшей у него съ сѣдла подушкѣ, въ которой было все имущество, снятое имъ во время войны съ убитыхъ. Я ему не разъ говорилъ, что краденое въ прокъ не пойдетъ.

Утромъ, 26-го августа, послѣ переговоровъ, генералъ Бергъ пріѣзжалъ съ радостнымъ извѣстіемъ, что все кончено. Тяжелое чувство спало съ души, изнывшей отъ кровавыхъ зрѣлищъ. Мятежники покорились, очистили городъ и мостъ на Вислѣ, а въ восемь часовъ утра побѣдоносныя знамена наши развѣвались на улицахъ смирившейся Варшавы.

Гренадерскій корпусъ былъ поставленъ на позицію у Сухачева. Оттуда мы двинулись вслѣдъ за польскою арміею къ прусской границѣ, и движеніе это лишь кончилось переходомъ мятежниковъ за пограничную черту. Корпусъ возвратился подъ Варшаву. Упомянутый походъ, совершенный въ прекрасную погоду, среди усмиренной страны, былъ пріятною прогулкою. За штурмъ Варшавы я былъ переведенъ въ гвардію.

Вообще, польская кампанія оставила во мнѣ относительно служебной дѣятельности самыя отрадныя воспоминанія и чувства глубокой душевной признательности къ князю Ивану Леонтьевичу Шаховскому, справедливѣйшему начальнику и благороднѣйшему человѣку.

Начальникъ, отряда генералъ Гурко, замѣчательно разумный и неутомимый дѣятель, также оказывалъ мнѣ полное довѣріе во всемъ; наши сердечныя отношенія сохранились и впослѣдствіи.

Вскорѣ по окончаніи военныхъ дѣйствій, мнѣ было поручено отвезти въ Петербургъ знамена, взятыя въ Ново-Георгіевской крѣпости. Вмѣстѣ съ тѣмъ князь Шаховской вручилъ мнѣ письмо къ начальнику штаба гвардейскаго корпуса, генералу Веймарну 1-му, и просилъ его о прикомандированіи меня къ штабу гвардейскаго корпуса.

По сдачѣ знаменъ, съ дозволенія генерала Веймарна, я поѣхалъ въ Нарву, гдѣ жила тогда незабвенная жена моя. И теперь сохранились во мнѣ живыя воспоминанія объ этомъ свиданіи. Слезы радости мѣшались со слезами грусти; мы много пережили въ это время опасностей и горя. Свѣжа была могила нашего сына Ростислава, скончавшагося въ г. Нарвѣ, вскорѣ по прибытіи съ матерью своею, и не давшаго отцу ни перваго, ни послѣдняго лобзанія. Еще трауръ по добрѣйшемъ Н. И. Леонтьевѣ, убитомъ во время возмущенія въ г. Старой Руссѣ, покрывалъ семейство, напоминая о его кончинѣ. Однако, я не могъ долго оставаться въ Нарвѣ и долженъ былъ возвратиться съ женою въ Петербургъ на новую службу.

Матеріальное положеніе наше было весьма затруднительно. Все, что оставалось у жены моей, разграблено въ Старой Руссѣ, со мною

въ походѣ было только необходимое. Намъ помогъ бывшій дежурнымъ генераломъ, графъ Клейнмихель, исходатайствовавъ мнѣ 2.000 рублей пособія за разграбленное въ Старой Руссѣ имущество.

II.

Представленіе великому князю Михаилу Павловичу.—Служебная неудача.—Занятія въ штабѣ.—Начало докладовъ у его высочества.—Первая встрѣча съ императоромъ Николаемъ.—Его любовь къ личному распредѣленію людей въ гвардію.—Черты изъ жизни его.—Растрата денегъ въ штабѣ.—Ея послѣдствія.—Рыцарскій характеръ великаго князя.—Его показная строгость.—Поѣздка на открытіе Бородинскаго памятника.—Временная немилость августѣйшаго начальника.—Фактъ необыкновеннаго его великодушія.—Забавная исторія съ капитаномъ П.—Генералъ Витовтовъ.—Доносъ оберъ-аудитора Кукуева.—Начало венгерскаго похода.—Кончина великаго князя Михаила Павловича.—Его августѣйшая супруга Елена Павловна.—Служба при наслѣдникѣ цесаревичѣ.—Постройка и открытіе царскосельскаго театра.—Производство въ генералы.

Мнѣ приказано было представиться великому князю Михаилу Павловичу. Явился къ его высочеству я съ полною готовностью служить, какъ говорится, вѣрою и правдою. Мнѣ думается, что и на физіономіи моей выражалось счастіе въ первый разъ объясняться съ доблестнымъ братомъ государя. Послѣ обыкновенныхъ вопросовъ о службѣ, великій князь обратился къ начальнику штаба, генералу Веймарну, съ полустрогими и полушутливыми словами:

— Прошу васъ, Петръ Ѳедоровичъ, засадить его за работу въ штабѣ такъ, чтобы на гулянье оставалось времени не много.

— Вуду стараться, ваше императорское высочество, работать съ полнымъ усердіемъ,—доложилъ я.

— Надѣюсь,—отвѣтилъ великій князь.

Пылкое ли воображеніе молодости, или въ самомъ дѣлѣ предчувствіе подсказало мнѣ, что я заслужу его милость и довѣріе, но сознаюсь, что служба моя въ штабѣ началась съ грустнаго эпизода. За ошибку писаря, не досмотрѣнную мною въ дневныхъ свѣдѣніяхъ, представляемыхъ его высочеству, мнѣ былъ объявленъ начальникомъ штаба выговоръ въ приказѣ [1]). Этотъ выговоръ, глубоко огорчившій меня, еще сильнѣе возбудилъ во мнѣ энергію къ исполненію обязанностей.

Въ началѣ поступленія въ штабъ, мнѣ поручались временно отдѣленія или по болѣзни, или по отсутствію кого либо изъ господъ старшихъ адъютантовъ. Впослѣдствіи я завѣдывалъ вторымъ отдѣленіемъ по продовольствію, переформированію и комплектованію войскъ. Это было сложное и трудное дѣло. Оно мнѣ дало возмож-

---

[1]) Ошибка заключалась въ томъ, что вмѣсто гренадерскаго его величества императора австрійскаго полка было написано ея величества.

ность ознакомиться вообще съ производствомъ дѣлъ въ штабѣ и съ методою изложенія переписки отъ имени его высочества.

Въ расписаніе занятій 2-го отдѣленія входило также и составленіе особыхъ карточекъ, представляемыхъ государю императору при распредѣленіи прибывающихъ нижнихъ чиновъ на укомплектованіе гвардіи и ея командъ.

Спустя нѣкоторое время, начальникъ штаба сталъ требовать меня по вечерамъ для объясненій по дѣламъ и для составленія приказовъ и приказаній по замѣчаемымъ великимъ княземъ безпорядкамъ въ войскахъ или несоблюденіямъ формы со стороны господъ офицеровъ. На другой день все это, вмѣстѣ съ докладами, должно было представляться его высочеству. Если же великій князь встрѣчалъ опущенія или безпорядки при выѣздахъ на прогулки по окончаніи докладовъ, то требовалъ къ себѣ начальника штаба для распоряженій; послѣдній чрезъ это терялъ лучшее время для своихъ занятій. По утрамъ, когда я приходилъ къ начальнику штаба для представленія дѣлъ, заготовляемыхъ къ докладу его высочеству, случалось составлять и экстренныя бумаги по личнымъ просьбамъ лицъ—объ отпускахъ, пособіяхъ, по особеннымъ случаямъ и пр. Вспоминаю, что вскорѣ по воспослѣдованіи высочайшаго повелѣнія входить съ представленіями о пособіяхъ только въ крайнихъ случаяхъ, пріѣхалъ начальникъ дивизіи, генералъ Штрандманъ, съ просьбою объ уплатѣ долговъ. Начальникъ штаба затруднялся доложить объ этомъ великому князю. Пособіе испрашивалось значительное. По совѣщаніи, дѣло устроилось такъ, что генералу Штрандману предложено было написать письмо къ государю императору, объяснивъ, что убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ крайности его есть то, что онъ осмѣливается просить о пособіи и по воспослѣдованіи высочайшаго запрещенія. Письмо это было немедленно доложено его высочеству. Послѣдовало всемилостивѣйшее соизволеніе на выдачу негласнаго пособія.

Эти занятія у начальника штаба, кромѣ работы по отдѣленію, дѣйствительно, привели меня въ такое состояніе, что времени для прогулокъ не оставалось, а здоровье мое, не смотря на молодость и крѣпкій организмъ, сильно пошатнулось. Я сначала захворалъ разстройствомъ грудныхъ органовъ, а потомъ лихорадкою, однако же не оставлялъ занятій. Во время пребыванія великаго князя въ загородномъ расположеніи, ѣздили съ докладами по очереди старшіе адъютанты. Мнѣ привелось отправиться въ Павловскъ предъ выступленіемъ войскъ въ лагерь. Его высочество потребовалъ меня съ докладомъ, когда еще не совсѣмъ прошла лихорадка.

— Что съ тобою?—спросилъ великій князь.

— У меня легкая простуда, но она не мѣшаетъ мнѣ заниматься,—отвѣчалъ я.

— Я прикажу осмотрѣть тебя доктору.

Послѣ доклада пришелъ ко мнѣ Я. В. Вилліе, которому я объяснилъ, что меня пользуетъ докторъ, и хотя пароксизмы продолжаются, но они слабѣютъ, между тѣмъ, въ штабѣ, передъ лагеремъ, дѣла много, и я заниматься могу. Вилліе далъ мнѣ совѣтъ, и согласился, что въ моемъ положеніи занятія болѣе полезны, чѣмъ вредны. Великій князь, при случаяхъ, не разъ вспоминалъ, что больнымъ надо служить, чтобы выздоровѣть.

Если бы я выразилъ здѣсь, что, посвятивъ себя совершенно служебнымъ занатіямъ съ нѣкоторою опытностью и способностями, я черезъ это сталъ пользоваться особымъ довѣріемъ начальства, я не сказалъ бы правды. Всѣ служившіе въ штабѣ, дежурные штабъ-офицеры, а также товарищи мои, старшіе адъютанты, одинаково со мною служили, но съ того времени, какъ его высочеству угодно было, для облегченія занятій начальника штаба, лично мнѣ поручить составленіе приказовъ и приказаній по несоблюденіямъ формы и прочимъ безпорядкамъ, служебный принципъ мой: «усердіе все превозмогаетъ», не имѣлъ предѣловъ. При счастливой памяти, которая давала мнѣ возможность приводить въ бумагахъ подлинныя выраженія великаго князя, всякій трудъ казался мнѣ легкимъ. Работа съ справками и изслѣдованіями продолжалась часто за полночь, а по утрамъ представлялась начальнику штаба для доклада его высочеству. Случалось, что при болѣе крупныхъ безпорядкахъ приглашалось во дворецъ въ тотъ же день начальство той части войскъ, къ которой они относились. По разъясненіи обстоятельствъ, великій князь поручалъ мнѣ заготовлять приказы по корпусамъ; но эти случаи были рѣдки.

Я перейду теперь къ описанію тѣхъ фактовъ, которые доставили мнѣ счастье быть лично извѣстнымъ государю императору Николаю Павловичу.

Кажется, въ 1833 году, его величеству благоугодно было осмотрѣть полки 2-й легкой гвардейской кавалерійской дивизіи, расположенные въ бывшихъ округахъ Новгородскаго военнаго поселенія. Я былъ назначенъ ѣхать при его высочествѣ для доклада бумагъ. Первая путевая остановка была въ Царскомъ Селѣ, въ Александровскомъ дворцѣ, гдѣ пребывалъ и государь. Во время доклада, императоръ, войдя къ великому князю, спросилъ: «Скоро ты кончишь?» и на отвѣтъ его высочества: «Надѣюсь кончить скоро», подошелъ къ столу и сказалъ мнѣ: «Давай докладывать вмѣстѣ». Государь взялъ одну изъ бумагъ и, прочитавъ вслухъ, обратился ко мнѣ со словами: «Ну, дальше, садись».

Видя предъ собою стоящаго монарха, я сѣсть не рѣшался. Тогда императоръ неожиданно во время чтенія моего положилъ руку на мое плечо, сильно опустилъ меня на стулъ, ножка у котораго подломилась. Я упалъ. Государь изволилъ помочь мнѣ встать, спросивъ: «не ушибся ли?» — и потомъ замѣтилъ:

— Кресла ты въ моемъ домѣ ломать можешь, но стульевъ не ломай. Я самъ люблю сидѣть на нихъ.

Онъ спросилъ меня о службѣ и вышелъ, сказавъ великому князю, что ждетъ его. Съ тѣхъ поръ при встрѣчахъ его величество удостоивалъ меня своимъ вниманіемъ, а въ особенности при высочайшихъ распредѣленіяхъ людей, выбираемыхъ на укомплектованіе гвардейскаго корпуса. Почти во все время службы моей въ штабѣ я имѣлъ счастіе представлять императору свѣдѣнія о недостаткѣ въ войскахъ людей [1]).

Однажды, среди такого распредѣленія государь спросилъ меня: «сколько назначено людей въ л.-гв. Финляндскій полкъ?». Имѣя въ рукахъ вѣдомость, въ которой отмѣчались назначаемые люди, я доложилъ о ихъ числѣ. Бывшій плацъ-маіоръ Болдыревъ обратился къ унтеръ-офицеру л.-гв. Финляндскаго полка, поставленному для означенія г.-гв. Волынскаго полка [2]), и, сосчитавъ солдатъ, назвалъ громко другое число. Императоръ остановился распредѣленіемъ и пошелъ по рядамъ провѣрять самъ. Оказалось, что Болдыревъ ошибся. Николай Павловичъ взглянулъ на него и не сказалъ ни слова. Этотъ взглядъ объяснилъ все. Мнѣ случалось видѣть государя въ гнѣвѣ на ученьяхъ и маневрахъ, но взгляда его на Болдырева я никогда не забуду. Величественно прекрасенъ былъ царь въ минуты радости, величественно грозенъ въ минуты вспыльчивости.

При распредѣленіи въ Аничковскомъ дворцѣ нижнихъ чиновъ гренадерскаго корпуса [3]), государь увидалъ на рядовомъ георгіевскій крестъ и спросилъ его:

— За что получилъ крестъ?

— За штурмъ Варшавы, — отвѣчалъ рядовой.

— Былъ ты раненъ?

— Былъ, ваше величество.

— Гдѣ?

— Въ пахъ.

— Ну, что же? — спросилъ государь.

Солдатъ, не сообразивъ вопроса, отвѣчалъ:

— Ничего, ваше величество, проба была.

Императоръ улыбнулся и приказалъ дать георгіевскому кавалеру денежную награду.

---

[1]) Государь изволилъ распредѣлять людей обыкновенно въ 12-мъ часу, когда начальникъ штаба былъ занятъ у великаго князя, а потомъ уже представленіе мною карточекъ обратилось какъ бы въ обыкновеніе.

[2]) Для означенія полковъ, въ которые назначались распредѣляемые люди, ставились унтеръ-офицеры, а такъ какъ отъ загородныхъ полковъ требовать унтеръ-офицеровъ было затруднительно, то на мѣста 3-й дивизіи ставились унтеръ-офицеры 2-й дивизіи, что̀ и ввело въ ошибку Болдырева.

[3]) Послѣ пожара въ Зимнемъ дворцѣ партіи распредѣлялись въ Аничковскомъ или въ Михайловскомъ дворцахъ.

Впослѣдствіи я такъ свыкся съ распредѣленіемъ людей, дѣлаемыхъ государемъ по росту, физіономіи и сложенію, что почти безошибочно могъ указать, кто въ какой полкъ будетъ назначенъ. Нижніе чины, выбираемые изъ гренадерскаго корпуса, прежде всего представлялись великому князю.

Однажды, по окончаніи такого смотра, выходя изъ Михайловскаго дворца, я встрѣтилъ въ коридорѣ государя. На вопросъ его:

— Что дѣлаетъ братъ?

Я отвѣчалъ, что только оконченъ смотръ людей.

— А каковъ ихъ ростъ и видъ?

Я доложилъ, что правый фланговый болѣе 10-ти вершковъ, а лѣвый около 9-ти, и что изъ первой шеренги бо̀льшая часть подходитъ къ Преображенскому и Измайловскому полкамъ [1]).

— А сколько въ тебѣ мѣры?

— $10^1/_2$ вершковъ.

— Такъ и быть должно, — замѣтилъ его величество.

На другой день дѣйствительно императоръ назначилъ почти всю переднюю шеренгу въ Преображенскій и Измайловскій полки. При распредѣленіи послѣдняго рядоваго и возвращая мнѣ карточки, онъ сказалъ:

— Дѣло это, я вижу, ты понимаешь.

Не столько постоянно преслѣдовавшая меня страсть къ строевой службѣ, сколько сидячая жизнь съ письменными занятіями оказали вредное вліяніе на мое здоровье и зрѣніе. Я вынужденъ былъ неоднократно, чрезъ начальника штаба, испрашивать соизволеніе его высочества на переводъ въ кавалерію. Такъ какъ мои словесныя просьбы не имѣли результата, а между тѣмъ подходило время назначенія меня состоящимъ при штабѣ [2]), когда уже желаемый переводъ мой сдѣлался бы затруднительнѣе, то я, съ согласія комитета старшихъ докторовъ гвардейскаго корпуса, рѣшился представить объ этомъ докладную записку. Послѣднюю, какъ объявилъ начальникъ штаба, великій князь оставилъ у себя для личнаго объясненія и, вѣроятно, случайно сказалъ объ этомъ государю. Его величество, принимая отъ меня какъ-то карточку при распредѣленіи людей, изволилъ милостиво спросить:

— Ты просился у брата въ кавалерію? Я тебя благословляю.

Вскорѣ послѣ этого я благодарилъ его высочество за исходатай-

---

[1]) Государь императоръ назначалъ для сохраненія однообразія и красоты фронта изъ рослыхъ людей въ полки: л.-гв. Преображенскій — съ лицами солидными, чисто русскаго типа; въ Семеновскій — красивыхъ; въ Измайловскій — смуглыхъ; въ Павловскій — курносыхъ, что̀ подходило къ Павловской шапкѣ; въ Литовскій — рябыхъ и пр.

[2]) Должность состоящаго при штабѣ имѣла видъ помощника дежурнаго штабъ-офицера.

ствованіе высочайшаго соизволенія на переводъ мой въ кавалерію. Великій князь сказалъ:

— На переводъ твой и я не вижу затрудненій; ты будешь переименованъ подполковникомъ въ одинъ изъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ, но съ тѣмъ, что останешься въ штабѣ. Для облегченія же зрѣнія дозволяю тебѣ носить очки [1]).

Въ 1845 году, былъ назначенъ начальникомъ главнаго штаба кавказской арміи генералъ Гурко, знавшій меня по службѣ въ гренадерскомъ корпусѣ. Онъ предложилъ мнѣ отъ имени главнокомандовавшаго, князя Воронцова, мѣсто помощника начальника штаба, съ производствомъ, на основаніи манифеста, въ генералы и съ обезпеченіемъ въ содержаніи какъ меня, такъ и моего семейства. Послѣднее, для продолженія воспитанія дѣтей, должно было остаться въ С.-Петербургѣ. Я отвѣчалъ Гурко, что сказать: да, не считаю себя въ правѣ безъ соизволенія великаго князя, а сказать: нѣтъ, воздерживаюсь, потому что предложеніе князя Воронцова слишкомъ для меня лестно, какъ вызовъ къ участію въ военныхъ дѣйствіяхъ. Все изложенное я объяснилъ начальнику штаба И. Ф. Веймарну. На другой день генералъ Гурко заѣхалъ ко мнѣ въ штабъ съ извѣстіемъ, что князь Воронцовъ уже повезъ обо мнѣ докладъ государю. Въ это время возвратившійся изъ Михайловскаго дворца начальникъ штаба объявилъ, что великій князь не согласенъ на мое назначеніе. Дѣло тѣмъ и кончилось. Его высочество при докладѣ замѣтилъ мнѣ:

— Спасибо за разумный отвѣтъ князю Воронцову.

Императоръ, при распредѣленіи выбранныхъ въ гвардію людей, обратился ко мнѣ съ словами:

— А тебѣ, кажется, воевать на Кавказѣ не придется; братъ не пускаетъ.

На объясненіе мое, что я совершенно счастливъ милостивымъ вниманіемъ его высочества, Николай Павловичъ отвѣтилъ:

— Я надѣюсь, что, служа у брата, ты ничего не потеряешь.

Однажды, послѣ распредѣленія людей, при которомъ ни великаго князя, ни начальника штаба не было, государь приказалъ мнѣ идти за нимъ. По приходѣ въ кабинетъ, онъ передалъ мнѣ собственноручную свою записку для врученія великому князю съ тѣмъ, чтобы объясненіе по ней сдѣлано было лично. Записку эту его высочество передалъ мнѣ для храненія до востребованія.

Во время лагеря, въ 1846 году, была назначена въ высочайшемъ присутствіи стрѣльба въ цѣль, по одной ротѣ съ каждаго полка, назначаемыхъ по жребію. Государь обыкновенно самъ вынималъ жеребьевые билеты изъ пачки. Великій князь въ тотъ день осматривалъ полки 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, прибывшіе

---

[1]) Въ то время на ношеніе очковъ испрашивалось разрѣшеніе начальства.

въ лагерь изъ Ямбурга и Нарвы, и почувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо. Онъ приказалъ мнѣ ѣхать къ ставкѣ императора и ожидать прибытія его изъ Петергофа для представленія билетовъ [1]). Если же государь спроситъ, что онъ дѣлаетъ, то доложить, что не совсѣмъ здоровъ, но что при смотрѣ гренадерскихъ полковъ онъ имѣлъ такое «пѣхотное наслажденіе», котораго давно не испытывалъ.

Было за полночь, когда коляска показалась на дорогѣ отъ Краснаго Села; Николай Павловичъ дремалъ, человѣкъ на козлахъ тоже, а кучеръ забылъ повернуть къ ставкѣ, прослѣдовалъ по дорогѣ въ Царское Село. Вскорѣ, однако, коляска вернулась, и императоръ подъѣхалъ къ ставкѣ въ разгнѣванномъ видѣ. Когда на вопросъ: что дѣлаетъ братъ?—я объяснилъ слова его высочества о пѣхотномъ наслажденіи, государь успокоился и вошелъ въ ставку, повторяя слова великаго князя. Взявъ изъ дорожнаго нессесера, лежавшаго на столѣ, карандашъ, онъ записалъ роты, которымъ по вынутому имъ жребію досталось стрѣлять, и, отдавая записку съ карандашемъ, сказалъ:

— Прощай, пора спать. Все, что у меня въ рукахъ, отдаю тебѣ.

Карандашъ этотъ, какъ драгоцѣнность, будетъ навсегда храниться въ моемъ потомствѣ.

Съ прискорбіемъ долженъ внести въ записки грустное происшествіе, бывшее въ 1847 году. Состоявшій двадцать лѣтъ казначеемъ штаба, коллежскій совѣтникъ Костылевъ, еще въ польскую кампанію просчиталъ, по его показанію, значительную сумму казенныхъ денегъ. Съ того времени, играя въ заграничныя лотереи, онъ довелъ недостатокъ до 10-ти тысячъ рублей, покрывая его при ежемѣсячныхъ свидѣтельствахъ деньгами, получаемыми на дрова и освѣщеніе казармъ.

Скромная семейная жизнь Костылева и довѣріе, которымъ онъ пользовался со стороны начальства, не давали повода къ подозрѣнію растраты имъ денегъ. Она открылась совершенно случайно, при экстренной ревизіи моей, по званію дежурнаго штабъ-офицера [2]). Великій князь былъ въ Варшавѣ, начальникъ штаба доложилъ о совершенномъ преступленіи государю. Повелѣно было произвести слѣдствіе. При первомъ распредѣленіи людей, царь взглянулъ на меня весьма серьезно. По окончаніи же распредѣле-

---

[1]) Здѣсь нужнымъ считаю объяснить, что при стрѣльбѣ въ цѣль моя обязанность была считать число попавшихъ въ мишень пуль: на мѣстѣ составлять вѣдомость карандашемъ на приготовленномъ бланкѣ и тутъ же представлять ее государю императору.

[2]) Не задолго до упомянутаго факта былъ открытъ значительный недостатокъ денегъ въ управѣ благочинія, что и вызвало меня на внезапную ревизію штабныхъ суммъ.

нія, вѣроятно, замѣтивъ мое отчаянное положеніе, монархъ громко произнесъ:

— Прошу служить и усердствовать попрежнему, а не вѣшать носъ. Бѣда не велика, а слезами и большой бѣдѣ не поможешь.

Дѣйствительно, эта бѣда произвела на меня, какъ ближайшаго наблюдателя за поведеніемъ казначея, ужасное впечатлѣніе. Я лишился сна и аппетита; мнѣ казалось, что я былъ близокъ къ потерѣ разсудка. Я написалъ правдивую записку великому князю объ обстоятельствахъ дѣла. Записка была вложена въ конвертъ, запечатана и вручена адъютанту Н. А. Огареву. Его высочество, прочитавъ мое объясненіе, потребовалъ меня въ Павловскъ. Я ожидалъ, по крайней мѣрѣ, строгаго выговора. Когда я вошелъ въ кабинетъ, Михаилъ Павловичъ встрѣтилъ меня словами:

— Посмотри на себя, на что ты сталъ похожъ? Ты виноватъ въ излишней довѣрчивости, но отъ своего вора не обережешься. Будь спокоенъ, ты ничего не потеряешь.

Когда выяснились всѣ подробности Костылевской исторіи, то и государь сталъ попрежнему удостоивать меня милостивымъ вниманіемъ. Костылевъ былъ преданъ суду, но умеръ, не дождавшись его конца.

Вспоминая о моей службѣ при великомъ князѣ, не могу не замѣтить, что онъ былъ рыцарь чести, добра и правды. Онъ былъ первый труженикъ, посвящавшій всѣ силы свои на пользу службы. Преданность его доходила до самоотверженія. Михаилъ Павловичъ безусловно имѣлъ добрую душу; чтобы охранить державнаго брата отъ нареканій въ строгости, онъ хотѣлъ казаться строже его. Онъ даже желалъ, чтобы о строгости его говорили въ обществѣ. Въ доказательство сказаннаго приведу слѣдующіе случаи.

Любимецъ великаго князя, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ушаковъ, исполняя должность шталмейстера двора, по разсѣянности, распорядился осѣдлать лошадь къ разводу, бывшему въ экзерциргаузѣ, съ уборомъ не той части войска, которой мундиръ надѣлъ его высочество. Вслѣдствіе этого Михаилъ Павловичъ на лошадь не сѣлъ и оставался у развода пѣшкомъ. По окончаніи его, я ожидалъ его высочество для принятія приказаній во дворецъ. Проходя въ кабинетъ, онъ приказалъ мнѣ идти за собою, а камердинеру позвать Ушакова. Послѣдній былъ встрѣченъ вопросомъ:

— А ты что сегодня сумничалъ?

— Виноватъ ваше высочество,—объяснилъ Ушаковъ.

— Виноватъ, такъ встань въ уголъ.

— Ваше высочество,—проговорилъ Ушаковъ, исполняя приказаніе,—и безъ того всѣ говорятъ о вашихъ строгостяхъ. Что же скажутъ, когда узнаютъ, что вы генераловъ ставите въ уголъ?

— Этого-то я и хочу, чтобы обо мнѣ говорили, — произнесъ великій князь.

Разскажу еще фактъ. Во время однихъ лагерныхъ маневровъ войска остановились на позиціи у деревни Бабьи-Гоны для отдыха. Отъ высочайшаго двора были получены приглашенія въ Петергофскій театръ. Я разослалъ билеты по назначенію въ полки, а присланные для штаба представилъ его начальнику. Послѣдній одинъ изъ билетовъ настойчиво вручилъ мнѣ. Я долженъ былъ принять эту любезность, хотя противъ желанія, и отправился въ Петергофъ. Вдругъ, предъ самымъ входомъ въ театръ, я увидалъ фельдъегеря Иванова, который объявилъ, что великій князь требуетъ меня съ докладомъ въ Ораніенбаумъ. Въ ту же минуту я поскакалъ. Еще до моего пріѣзда его высочество легъ отдыхать, приказавъ камердинеру разбудить его къ балу, назначенному послѣ театра въ Петергофѣ. Камердинеръ объяснилъ мнѣ, что Михаилъ Павловичъ гнѣвался, ожидая меня, но все-таки пошелъ доложить о моемъ прибытіи. До меня донеслись слова: «пусть ждетъ». Спустя полчаса, я увидѣлъ великаго князя, и онъ меня спросилъ:

— Почему вы изволили опоздать съ докладомъ [1])?

Я со всею откровенностью началъ объяснять, что былъ приглашенъ въ театръ, но не кончилъ еще фразы, какъ гнѣвно былъ прерванъ:

— Такъ вы изволите ѣздить по театрамъ, а меня заставляете ждать васъ!

И на эту тему я выслушалъ сильнѣйшую распеканку [2]).

Это грустное происшествіе подѣйствовало на меня весьма сильно. Виновнымъ я себя сознать не могъ. По возвращеніи въ Бабьи-Гоны, я засталъ начальника штаба, приготовлявшагося ѣхать на балъ въ Петергофъ. Объяснивъ ему обрушившееся на меня горе, я просилъ о своемъ отчисленіи въ полкъ. Начальникъ штаба, утѣшая меня, замѣтилъ, что гнѣвъ великаго князя, вѣроятно, былъ слѣдствіемъ неловкаго доклада камердинера, и обѣщалъ объяснить его высочеству на балу всѣ обстоятельства дѣла.

На другой день, рано утромъ, я уже находился въ Петергофскомъ дворцѣ, въ комнатахъ, называемыхъ «подъ орломъ». Михаилъ Павловичъ принялъ меня, какъ будто вчера ничего не происходило, и спросилъ: хорошо ли я спалъ? Я съ огорченіемъ отвѣтилъ о скорби, что подвергся его гнѣву.

— Не всякое лыко въ строку,—сказалъ его высочество,—садись и докладывай.

---

[1]) Лицамъ приближеннымъ великій князь обыкновенно говорилъ: ты, а когда сердился на кого изъ нихъ, то говорилъ: вы.

[2]) Замѣчательно, въ особенности по тогдашнимъ обычаямъ, что его высочество, при распеканіяхъ, никогда не употреблялъ выраженій, обидныхъ для чести.

По окончаніи дѣлъ, великій князь всталъ съ кресла и милостиво произнесъ:

— Будешь впередъ опаздывать?

Я поцѣловалъ его въ плечо и вышелъ; я уносилъ убѣжденіе о высокости и величіи души моего августѣйшаго начальника.

Въ 1839 году, по его приказанію, я былъ назначенъ ѣхать въ с. Бородино, гдѣ великому князю высочайше поручено было командованіе, собранными для парада, при открытіи памятника, запасными и резервными войсками. Я отправился впередъ, чтобы приготовить свѣдѣнія о войскахъ, командующихъ ими, устроить представленія адъютантами дневныхъ рапортовъ по примѣру гвардіи.

Начальникъ штаба понималъ трудность предстоящей мнѣ работы и особенно просилъ вести дѣло такъ, чтобы отстранить отъ взысканій войсковыхъ адъютантовъ за ошибки въ дневныхъ рапортахъ. Между этими адъютантами были такіе, которые мало занимались письменными дѣлами, и потому хотѣли отказаться отъ своихъ должностей. Я убѣдилъ ихъ остаться, а при затрудненіи въ составленіи рапортовъ обращаться ко мнѣ во всякое время. Я просилъ ихъ, въ случаѣ замѣченныхъ его высочествомъ ошибокъ, слагать вину на меня.

Это кропотливое занятіе, стоившее мнѣ много труда, сошло благополучно. Я уже радовался успѣшному окончанію хлопотъ, какъ неожиданно подвергся гнѣву великаго князя.

Вечеромъ, около 7 часовъ, въ день открытія памятника, получено было повелѣніе о выступленіи на другой день войскъ съ Москву, для церемоніи при закладкѣ храма Христа Спасителя. Его высочество легъ почивать послѣ продолжительнаго парада, приказавъ камердинеру разбудить себя въ 8 часовъ. Адъютанты собрались за распоряженіями уже съ 6 часовъ. Чтобы не терять времени, я просилъ ихъ съѣздить и объявить словесно начальникамъ войскъ о выступленіи и тотчасъ же возвратиться обратно для полученія указаній о порядкѣ слѣдованія. Проснувшись въ началѣ девятаго часа, великій князь потребовалъ меня. Я доложилъ ему о сдѣланномъ предупрежденіи. Онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Позвольте узнать, кто изъ насъ командуетъ войсками? Надѣюсь, что тотъ, кто отдаетъ приказанія?

Послѣдовало длинное распеканіе. Откровенно говоря, меня это происшествіе не столько огорчило, сколько удивило. Во мнѣ преобладало желаніе охранить его спокойствіе и дать войскамъ болѣе времени для приготовленія къ походу. Самое повелѣніе было не секретное, но уже предварительно извѣстное. Наконецъ, его высочество отдалъ приказъ съ изъявленіемъ надежды, что, вслѣдствіе заявленія московскимъ градскимъ обществомъ продовольствовать гвардейскій отрядъ на общественный счетъ, нижніе чины будутъ вести себя безупречно и дружелюбно.

На другой день великій князь подъ вліяніемъ неудовольствія не одобрилъ составленнаго мною приказа. Я не помню, что именно не понравилось въ немъ, но сохранилъ въ памяти присутствіе при докладѣ наслѣдника цесаревича, потомъ въ Бозѣ почившаго императора Александра Втораго. Мнѣ опять, какъ говорится, досталось. По исправленіи и подписи приказа я немедленно выѣхалъ въ Москву объявить коменданту о нарядѣ почетнаго караула для фельдмаршала князя Паскевича, пожелавшаго остановиться въ комендантскомъ домѣ.

По прибытіи на курьерскихъ въ Бѣлокаменную, я передалъ прямо съ дороги приказаніе коменданту и прибылъ въ Остоженскій дворецъ. Около полудня, на другой день, когда рота была выстроена, и мы, т. е. свита, встали у подъѣзда, командующій резервною дивизіею, отъ которой былъ караулъ, генералъ Бендковскій, служившій прежде въ гвардіи, началъ какую-то фрунтовую перестановку людей по физіономіямъ. Въ это время въѣхалъ во дворъ великій князь съ фельдмаршаломъ. Мнѣ казалось, что описанному хаосу я причиной не былъ. Мой августѣйшій начальникъ былъ другого мнѣнія. Проводивъ князя Паскевича въ покои, онъ возвратился въ залъ и спросилъ меня: «Отчего произошелъ весь этотъ сумбуръ съ карауломъ?». Я затруднился отвѣчать потому, что надо было обвинить генерала Бендковскаго, присутствовавшаго тутъ же. Его высочество приказалъ генералу Толстому все разслѣдовать и доложить. Не смотря на то, что результатъ изслѣдованія былъ въ мою пользу, великій князь не измѣнилъ своего ко мнѣ неудовольствія. Я работалъ неустанно дни и ночи по случаю парада, назначеннаго при закладкѣ храма Христа Спасителя [1]). Сложныя, экстренныя занятія, продолжавшіяся около двухъ недѣль, прошли совершенно благополучно.

Не сознавая себя виноватымъ въ описанныхъ фактахъ, я пришелъ къ убѣжденію, что служба въ штабѣ не приведетъ меня къ благопріятнымъ результатамъ. По возвращеніи въ Петербургъ, объяснивъ начальнику штаба мое положеніе, я представилъ ему записку объ увольненіи, по болѣзненному состоянію, отъ штабныхъ занятій и прикомандированіи къ образцовому кавалерійскому полку. Среди приготовленій къ переѣзду въ Павловскъ мною получено было приказаніе представиться его высочеству.

Великій князь вышелъ въ пріемную и, не подходя ни къ кому изъ представлявшихся лицъ, подозвалъ къ себѣ начальника штаба и громко ему сказалъ, указывая на меня:

[1]) Припоминаю, что, предъ выѣздомъ великаго князя на смотръ кадетскихъ корпусовъ, онъ потребовалъ меня съ докладомъ весьма объемистымъ. Докладъ былъ конченъ мною весьма скоро. Бывшій при этомъ сенаторъ Башиловъ сказалъ, что онъ такого доклада не кончилъ бы въ цѣлый день. Его высочество съ неудовольствіемъ замѣтилъ: удивляться нечему!

— Благодарю васъ за назначеніе его состоять при мнѣ. Я вполнѣ доволенъ его трудами; у него и малограмотные адъютанты составляли рапорты не хуже высокообразованныхъ.

Его высочество взглянулъ съ улыбкою на полковыхъ адъютантовъ гвардейскихъ войскъ, тутъ же бывшихъ, и продолжалъ:

— Правда, ему досталось порядочно, но кто старое вспомянетъ, тому глазъ вонъ. Благодарю тебя искренно за все и за все.

Такъ опять, и въ послѣдній разъ, разлетѣлись мои фрунтовыя мечты. Такъ, видно, опредѣлено было судьбою провести мнѣ всю службу за письменнымъ столомъ. Съ приведеннаго случая великій князь почтилъ меня своимъ полнымъ довѣріемъ.

Командовавшій гвардейскою пѣхотою генералъ Арбузовъ инспектировалъ л.-гв. Семеновскій полкъ и открылъ въ одной ротѣ недостатокъ артельныхъ денегъ до 500 рублей. Полковой командиръ генералъ Липранди внесъ эти деньги. Будучи со мною въ хорошихъ отношеніяхъ, онъ передалъ, что попавшійся ротный командиръ одинъ изъ лучшихъ офицеровъ въ полку. Онъ семейный и подалъ уже прошеніе о своемъ переводѣ на Кавказъ. Было бы весьма прискорбно, если бы онъ былъ за растрату преданъ суду. На другой день получилась отъ генерала Арбузова записка съ надписью на конвертѣ «секретно». При представленіи этого конверта великому князю, я объяснилъ предварительно ходатайство полковаго командира. Его высочество, вскрывъ конвертъ, просмотрѣлъ записку и, отдавая мнѣ, произнесъ:

— Пусть ѣдетъ, надѣюсь, что впредь будетъ благоразумнѣе.

Такихъ примѣровъ великодушія Михаила Павловича было много. Не мало онъ помогалъ бѣднымъ офицерамъ и изъ своихъ суммъ. О томъ знали только онъ и тотъ, кто получалъ.

Какъ-то послѣ прогулки великій князь потребовалъ меня и спросилъ, не знаю ли я знакомыхъ причисленнаго къ гвардіи генеральнаго штаба капитана П. Я доложилъ, что, кромѣ лицъ, живущихъ съ нимъ въ штабѣ, я никого не знаю.

— Сегодня, — продолжалъ его высочество, — я встрѣтился съ нимъ на набережной; онъ шелъ съ молодымъ человѣкомъ. Послѣдній, видя, что П. сдѣлалъ фронтъ, не только не поклонился мнѣ, но отвернулся. Хотѣлось бы знать: кто это былъ и что онъ имѣетъ противъ меня?

Пригласивъ къ себѣ П., я передалъ ему слова его высочества. Капитанъ задумался, а потомъ сказалъ, полагаю ли удобнымъ ѣхать ему самому во дворецъ, или повѣрить секретъ мнѣ. Дѣло было въ томъ, что съ П. шла переодѣтая дама, лично извѣстная великому князю. Она проводила въ Ораніенбаумѣ лѣто и занималась музыкою съ великими княжнами. Съ мужемъ она разошлась и жила съ капитаномъ П. Я совѣтовалъ ему поручить объясненіе дѣла мнѣ, вслѣдствіе его особенности. Михаилъ Павловичъ отды-

халъ на диванѣ, когда я объяснялъ ему странную исторію. Онъ неоднократно поднимался съ мѣста и повторялъ:

— Ну, далѣе, часъ отъ часу не легче. Надо же было мнѣ наткнуться на этотъ казусъ. Скажи капитану П., пусть тѣшится, но чтобы избавилъ меня отъ непріятности встрѣчаться съ дамою его сердца.

Около того же времени произошло другое курьезное происшествіе. Въ штабъ явился въ больничномъ халатѣ солдатъ л.-гв. Гренадерскаго полка, самовольно отлучившійся изъ сухопутнаго госпиталя. Онъ жаловался, что доктора на слѣдующій день назначили рѣзать ему носъ, а онъ своимъ носомъ совершенно доволенъ. Оставивъ солдата въ штабѣ подъ присмотромъ, я попросилъ корпуснаго штабъ-доктора Нагумовича заѣхать въ штабъ для освидѣтельствованія больнаго бѣглеца. Великій князь, узнавъ объ этомъ случаѣ, приказалъ, чтобы на другой день я съ Нагумовичемъ и больнымъ прибыли во дворецъ. Солдатъ повторилъ его высочеству свою просьбу, а Нагумовичъ доложилъ, что еще нѣтъ надобности совершать жестокую операцію. Михаилъ Павловичъ замѣтилъ Нагумовичу:

— Такимъ образомъ, ты оставишь съ носомъ и доктора, и солдата. Взысканію за самовольную отлучку изъ госпиталя солдата не подвергать. Каждому свой носъ дорогъ.

Въ тотъ періодъ жизни, къ которому относятся эти воспоминанія, у насъ было два сына: Викторъ и Анатолій, и три дочери: Аделаида, Ларисса и Лидія. Старшій сынъ воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, двѣ старшія дочери кончали въ пансіонѣ, младшіе сынъ и дочь учились въ семьѣ съ гувернанткою. По воскресеньямъ, средамъ и субботамъ двѣ старшія дочери были увольняемы изъ пансіона домой для занятій англійскимъ языкомъ, музыкою и танцами. Еженедѣльно нами былъ приглашаемъ извѣстный по духовному образованію казанскій протоіерей Сидонскій для объясненія дѣтямъ значенія обрядовъ православной церкви и обязанностей христіанина. На этихъ лекціяхъ, по желанію моихъ сослуживцевъ, бывали ихъ сыновья и дочери.

Предъ увольненіемъ въ долгосрочный отпускъ, начальникъ штаба, Иванъ Ѳедоровичъ Веймарнъ, озабочиваясь сохраненіемъ въ штабѣ упрочившагося порядка, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, дежурнымъ генераломъ Петромъ Ѳедоровичемъ, просили великаго князя на время отпуска поручить завѣдываніе штабомъ инженерному генералу Витовтову.

Генералъ Витовтовъ былъ умный, осторожный и добрый человѣкъ, но не обладалъ даромъ слова и памятью, вслѣдствіе ушиба головы. Кромѣ того, онъ почти постоянно страдалъ ревматизмомъ. Подъ вліяніемъ своихъ недуговъ онъ затруднялся письменными дѣлами, въ особенности докладами его высочеству. Доклады, по со-

вѣсти сказать, были не легки и требовали привычки. Поэтому мнѣ попрежнему приходилось ѣздить къ великому князю. По сложности и неясности выписокъ изъ военно-судныхъ дѣлъ, составляемыхъ оберъ-аудиторомъ Кокуевымъ, поступившимъ изъ гражданской службы, мнѣ приказано было редактировать его доклады. Кокуевъ обидѣлся такимъ распоряженіемъ и въ раздраженіи представилъ на меня доносъ.

Не смотря на увѣренія, что я ни въ чемъ не нарушилъ правды и порядка службы, генералъ Витовтовъ предложилъ мнѣ сдѣлать на доносѣ объясненія. Прочитавъ взведенное на меня подозрѣніе въ сокрытіи будто бы отъ августѣйшаго начальника записки генерала Арбузова о растратѣ ротнымъ командиромъ л.-гв. Семеновскаго полка артельныхъ денегъ, я просилъ о производствѣ формальнаго слѣдствія.

Витовтовъ представилъ доносъ великому князю. По разсмотрѣніи дѣла генералъ-адъютантомъ Ростовцевымъ, Кокуеву былъ объявленъ строгій выговоръ. Поставленный въ щекотливое положеніе, онъ сталъ хлопотать объ исходатайствованіи ему мѣста предсѣдателя казенной палаты въ одной изъ внутреннихъ губерній. Мнѣ пришлось докладывать объ этомъ. Его высочество замѣтилъ:

— Просьбу твою о Кокуевѣ не могу не уважить.

По сношеніи съ министромъ финансовъ Кокуевъ былъ назначенъ предсѣдателемъ иркутской казенной палаты.

Въ 1848 году, праздновался двадцатипятилѣтній юбилей Михаила Павловича въ званіи шефа л.-гв. Московскаго полка. Наканунѣ праздника генералъ Витовтовъ зашелъ ко мнѣ съ распоряженіемъ изготовить къ утру рескриптъ полковому командиру и приказъ по полку по случаю юбилея. Только что я принялся за работу, какъ великій князь потребовалъ меня и объяснилъ идею приказа и рескрипта.

— Прошу, чтобы все было изложено безъ глубокихъ мудрствованій, правдиво, ясно, и завтра утромъ привезено ко мнѣ.

Проработавъ ночь, я въ восемь часовъ утра явился во дворецъ и тотчасъ же былъ принятъ. Просмотрѣвъ прежде рескриптъ и взглянувъ на меня, великій князь сказалъ:

— Ну, вотъ, что я желалъ.

Подписавъ рескриптъ и приказъ, онъ велѣлъ мнѣ остаться, чтобы ихъ прочитать передъ собравшимися уже въ пріемномъ залѣ господами офицерами, служащими и служившими въ л.-гв. Московскомъ полку.

До меня потомъ дошло, что нѣкоторыя лица остались не совсѣмъ довольны духомъ и буквою составленныхъ мною рескриптовъ. Они обвиняли меня даже въ отсутствіи краснорѣчія. Они не знали или упустили изъ виду одно, что я не сочинялъ, а излагалъ только то, что было угодно приказывать его высочеству. Какъ бы то ни

было, но послѣ описаннаго факта Витовтовъ измѣнилъ ко мнѣ систему своихъ отношеній. Я самъ сталъ болѣе остороженъ, и служба моя въ штабѣ пошла спокойнѣе.

Начиналась Венгерская кампанія. Войска выступали. Я прибылъ со штабомъ въ городъ Бѣлостокъ, гдѣ назначена была временно корпусная квартира. Чрезъ нѣсколько дней я отправился съ великимъ княземъ въ Варшаву.

Великій князь, при осмотрѣ стоявшаго подъ Варшавою гренадерскаго корпуса, пробуя солдатскую пищу, нашелъ ее приготовленною изъ недоброкачественныхъ припасовъ. Они ставились подрядчиками евреями, заключившими контракты съ главнымъ штабомъ арміи на постоянное продовольствіе всѣхъ войскъ, собираемыхъ въ лагерь. Мнѣ поручено было войти въ сношеніе съ главнымъ штабомъ и настоять, чтобы продукты ставились для войскъ хорошіе при освидѣтельствованіи ихъ начальниками и медиками. При вторичной пробѣ солдатской пищи я удостоился личной благодарности его высочества. Думалъ ли я, что эта благодарность мнѣ великаго князя будетъ послѣднею на землѣ?

Судьбы Божіи неисповѣдимы. Его императорское высочество, постоянно являвшій примѣръ вѣрноподданности и безпредѣльной любви къ государю и отечеству, почти внезапно кончилъ свою доблестную жизнь. Я былъ во дворцѣ, когда онъ въ Бозѣ почилъ.

Возвратясь въ штабъ подъ вліяніемъ сильной душевной скорби, я едва могъ продиктовать, въ присутствіи всѣхъ служившихъ въ штабѣ, приказъ по корпусамъ. Генералъ Витовтовъ представилъ приказъ на благоусмотрѣніе наслѣднику цесаревичу.

Мнѣ слишкомъ тяжело вспоминать грустную церемонію отправленія тѣла почившаго великаго князя въ С.-Петербургъ, встрѣчу государемъ императоромъ въ Чесменской богадѣльнѣ и, наконецъ, погребеніе.

Не могу здѣсь умолчать о милостивомъ вниманіи ко мнѣ великой княгини Елены Павловны. Одаренная высокой душою, она находила наслажденіе въ дѣланіи добра. Она любила литературу и музыку, вела переписку со многими выдающимися писателями Европы, покровительствовала юнымъ талантамъ на поприщѣ искусства. Не разъ случалось, что она входила въ кабинетъ своего августѣйшаго супруга, когда я былъ съ докладомъ. Не разъ она встрѣчала меня или во дворцѣ, или на прогулкѣ, и никогда и нигдѣ не оставляла меня безъ привѣтливаго слова. Вниманіе это продолжалось и послѣ кончины его высочества. Оно высказалось опредѣленіемъ въ музыкальную консерваторію дочерей моихъ подчиненныхъ. Одна изъ нихъ была назначена пансіонеркою великой княгини.

Сохраняя свято въ душѣ моей чувства глубокаго благоговѣнія къ памяти моего главнаго начальника, по долгу совѣсти, долженъ

сказать, что со вступленіемъ въ званіе главнокомандующаго наслѣдника цесаревича въ дѣятельности штаба проявилось то благотворное вліяніе, которое потомъ, по вступленіи на престолъ Александра II, составило счастіе милліоновъ подданныхъ. Начальникъ штаба сталъ пользоваться довѣріемъ по своему званію, а я освободился отъ опаснаго для моей службы положенія, хотя и достигнутаго честнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей.

Когда праздновалось двадцатипятилѣтіе царствованія императора Николая Павловича въ Москвѣ, я находился при его высочествѣ Александрѣ Николаевичѣ для доклада ему бумагъ. Позже я сопровождалъ его, вмѣстѣ съ незабвеннымъ Я. И. Ростовцевымъ, при осмотрѣ кадетскихъ корпусовъ: Тульскаго, Воронежскаго и Тамбовскаго. Эта поѣздка оставила во мнѣ неизгладимыя воспоминанія. Всюду населеніе встрѣчало съ восторгомъ наслѣдника цесаревича и выражало чувства безпредѣльной преданности къ престолу. Дворянство устроивало роскошные балы.

Еще великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ поручено было мнѣ устроить въ Красномъ Селѣ помѣщеніе для гвардейской берейторской школы. Изъ оставшагося отъ этой постройки матеріала я поставилъ на Безъименномъ озерѣ купальню для штаба, которая потомъ была предоставлена въ распоряженіе офицеровъ всего лагеря, съ платою по собственному ихъ усмотрѣнію. Деньги опускались въ прибитую у дверей, запечатанную кружку. Изъ этихъ денегъ уже на слѣдующій годъ устроены были три купальни [1]), павильонъ съ танцовальнымъ заломъ, ресторанъ и прекрасный садъ. Въ павильонѣ открылись вечера, по два раза въ недѣлю, для гг. офицеровъ съ семействами безплатно. Кажется, въ 1850 году, предъ выступленіемъ изъ лагеря, былъ послѣдній вечеръ съ блестящею иллюминаціею и фейерверкомъ на плоту, среди Безъименнаго озера. Уѣзжая съ вечера, наслѣдникъ цесаревичъ мнѣ замѣтилъ, что желательно было бы упрочить для офицеровъ лагерныя удовольствія. Я глубоко задумался надъ словами его высочества и остановился на мысли создать въ Красномъ Селѣ лѣтній императорскій театръ. Я полагалъ, что это благороднѣйшее удовольствіе послужитъ къ удовлетворенію лучшихъ нравственныхъ потребностей нашей военной молодежи.

Въ самомъ разгарѣ моихъ думъ, при опасеніяхъ неудачъ въ дѣлѣ, ко мнѣ случайно заѣхалъ извѣстный актеръ Брянскій. Онъ просилъ о переводѣ съ Кавказа племянника своего, доктора, въ л.-гв. Московскій полкъ. Къ нему-то я и обратился за совѣтомъ. Вотъ слова почтеннаго и образованнаго артиста:

---

[1]) Въ большой купальнѣ, съ ложею, обыкновенно купался наслѣдникъ цесаревичъ, въ другой семейной—великіе князья, третья оставалась для господъ офицеровъ.

— Принимайтесь съ Богомъ за это благодѣтельное дѣло. Повѣрьте, что всѣ наши сценическія роскоши, которыми мы удивляемъ публику, стоятъ много только по нашимъ счетамъ. Не безпокойтесь и объ актерахъ. Они поѣдутъ къ вамъ охотно. Только не смотрите на насъ, какъ на комедіантовъ, а какъ на людей, которые способны съ театральныхъ подмостковъ и вамъ иногда дать уроки въ жизни. Все пойдетъ хорошо.

Бесѣда съ Брянскимъ ободрила меня. По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, постройка самаго театра не могла стоить дорого.

Я представилъ наслѣднику цесаревичу соображенія, что слажу съ этимъ дѣломъ на десять тысячъ, которыя могутъ быть ассигнованы изъ экономическихъ суммъ гвардейской берейторской школы. Мнѣ приказано было доложить о предполагаемомъ предпріятіи министру императорскаго двора князю Волконскому. Послѣдній сперва затруднился въ устройствѣ театра, боясь, что мы надѣлаемъ долговъ и заставимъ его ихъ платить. Когда же я объяснилъ ему предположенія его высочества относительно средствъ, имѣющихся въ нашихъ рукахъ, для постройки театра, то министръ сказалъ, что онъ приметъ полное участіе въ нашемъ дѣлѣ. При этомъ онъ присовокупилъ, чтобы вопросъ о денежныхъ затрудненіяхъ остался въ тайнѣ.

Съ высочайшаго разрѣшенія, съ осени того же года, началась постройка красносельскаго театра. Онъ былъ срубленъ полковыми мастеровыми въ Петербургѣ и перевезенъ въ теченіе зимы въ Красное Село на полковыхъ лошадяхъ. Вся столярная работа, мебель и проч. были изготовлены въ войсковыхъ мастерскихъ. Мебель въ комнаты, ложи государыни императрицы и цесаревны дѣлалъ извѣстный мастеръ Туръ по образцамъ Михайловскаго театра. Кулисы и разныя принадлежности сцены изготовлялись въ театральной дирекціи. Между тѣмъ, фундаментъ зданія на мѣстѣ былъ готовъ, а театръ, съ разведеннымъ при немъ садомъ, оконченъ къ 1 іюня слѣдующаго года. По просьбѣ моей, онъ былъ свидѣтельствованъ назначенною, по высочайшему повелѣнію, комиссіею и найденъ прочнымъ и правильно построеннымъ.

Стѣны театра были покрыты мраморными обоями съ золотыми украшеніями; барьеры ложъ разрисованы военными арматурами. Люстры изображали парящаго двуглаваго орла, въ когтяхъ котораго на цѣпяхъ висѣлъ лавровый вѣнокъ, освѣщенный лампами. Занавѣсъ представлялъ лагерь въ раннее утро съ восходящимъ солнцемъ надъ самою ставкою государя. Кулисы писались подъ руководствомъ художника Роллера. Полноту эфекта въ день перваго представленія, 3 іюля, въ высочайшемъ присутствіи, составлялъ партеръ, наполненный гг. гвардейскими офицерами. Ложи были заняты ихъ семействами. Постройка театра со всею внутреннею отдѣлкою стоила менѣе десяти тысячъ рублей.

Императоръ Николай Павловичъ, встрѣченный мною у подъѣзда, изволилъ сказать, шутя:

— Посмотрю, что ты настроилъ.

Онъ вошелъ въ царскую ложу вмѣстѣ съ цесаревною и великою княжною Ольгой Николаевной. Ложа была отдѣлана по образцу Михайловскаго театра. Когда музыканты заиграли гимнъ, и публика встала съ громкимъ и задушевнымъ «ура»,—государь, обратившись ко мнѣ, произнесъ:

— Прекрасно! Я этого не ожидалъ.

Онъ мнѣ подалъ державную руку, я поцѣловалъ его въ плечо. Немного спустя, императоръ спросилъ меня, есть ли ему кресло. Онъ отправился въ партеръ въ моемъ сопровожденіи. При входѣ его величества въ залъ, новый храмъ искусства вновь огласился восторженными криками присутствующихъ.

Послѣ представленія первой пьесы, во время антракта, государь осматривалъ кулисы и сцену. При немъ были перемѣнены декораціи скоро и безъ малѣйшаго замѣшательства.

— Это не то, что въ моихъ театрахъ,—замѣтилъ монархъ бывшему тутъ директору театровъ Гедеонову.

Уѣзжая со спектакля, государь и цесаревичъ еще разъ благодарили меня и артистовъ.

Актеры пріѣзжали въ Красное Село въ почтовыхъ дилижансахъ около 12 часовъ дня. Ихъ ожидалъ уже завтракъ. Они репетировали, если находили нужнымъ, а потомъ катались въ придворныхъ линейкахъ или верхомъ на лошадяхъ берейторской школы. Часто они плавали на катерахъ и лодкахъ по озеру, ловили рыбу и, наконецъ, купались. Въ четыре часа происходилъ общій обѣдъ, къ которому приглашались всякій разъ по нѣсколько офицеровъ. Послѣ представленій слѣдовалъ ужинъ и возвращеніе въ Петербургъ въ тѣхъ же дилижансахъ. По словамъ артистовъ, поѣздки въ Красносельскій театръ были большимъ для нихъ развлеченіемъ. Они получали поспектакльную плату и право требовать изъ буфета все, что угодно, по моимъ запискамъ.

Съ наступленіемъ Успенскаго поста, былъ данъ концертъ въ пользу музыкантовъ, по желанію гг. артистовъ, безъ поспектакльной платы. Театръ всегда былъ полонъ, доходъ превзошелъ ожиданія.

По выступленіи изъ лагеря, занятія мои въ штабѣ пошли заведеннымъ порядкомъ, а 6 декабря 1851 года я былъ произведенъ въ генералы, съ назначеніемъ состоять при военномъ министерствѣ.

Оставляя штабъ, въ которомъ было проведено 20 лѣтъ лучшаго времени моей жизни, я не могъ воздержаться отъ слезъ. Его высочество, будущій императоръ, былъ тронутъ моимъ душевнымъ состояніемъ и произнесъ достопамятныя слова:

— Во всякомъ затруднительномъ случаѣ своей жизни ты мо-

жешь обращаться прямо ко мнѣ, и будь увѣренъ, что просьбы твои не останутся безъ вниманія.

По докладѣ начальникомъ штаба рапорта моего, общаго съ преемникомъ моимъ полковникомъ Ефимовичемъ, объ исправной сдачѣ дѣлъ, оказалось, что при пріемѣ моемъ должности въ остаткѣ значилось экономическихъ денегъ къ 1 января 1842 года 1.943 рубля, а при сдачѣ 15 декабря 1851 года ихъ состояло 6.300 рублей. Наслѣдникъ цесаревичъ осчастливилъ меня лестной благодарностью, объявленною въ приказѣ по корпусамъ.

Такъ кончилась моя служба въ штабѣ, такъ оправдалась пословица: за Богомъ молитва, за царемъ служба не пропадаетъ.

При представленіи моемъ, военный министръ князь Чернышевъ предложилъ мнѣ мѣсто вице-директора комисаріатскаго департамента, но вскорѣ потребовалъ меня наслѣдникъ цесаревичъ. Онъ объявилъ, что государь предназначаетъ меня начальникомъ Орловской губерніи. Не зная ни обязанностей губернатора, ни порядка гражданской службы, я былъ пораженъ этимъ назначеніемъ и осмѣлился объяснить, что опасаюсь нарушить довѣріе его величества. Великій князь наслѣдникъ отвѣтилъ:

— Если государь изволитъ назначить тебя, то, конечно, увѣренъ, что ты принесешь пользу.

Почти такія же слова я удостоился услышать отъ самого монарха, когда приносилъ ему благодарность за производство въ генералы.

Я былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ.

Н. Синельниковъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА Н. П. СИНЕЛЬНИКОВА [1].

III.

Пріемъ министра внутреннихъ дѣлъ, графа Перовскаго. — Испытаніе при министерствѣ. — Петербургскій губернаторъ Данауровъ. — Назначеніе губернскія ромъ во Владиміръ.—Представленіе министрамъ.—Ихъ взгляды на губернато дѣла.—Первые шаги на губернаторскомъ поприщѣ.—Откупное дѣло.—Общая система моего управленія губерніей.—Знакомство съ народомъ.—Дѣло купца Зубова съ почетной гражданкой Барановой.—Злоупотребленія въ мѣстной администраціи.—Столкновенія съ дворянствомъ. — Переходъ губернаторомъ на Волынь.—Прощаніе съ владимірцами.—Слова, сказанныя мнѣ императоромъ Николаемъ Павловичемъ.—Генералъ-адъютантъ Бибиковъ.—Въ Житомірѣ и Кіевѣ.—Генералъ-губернаторъ князь Васильчиковъ.—Особенности Житомірской губерніи.—Ея дворянство.—Чиновничьи поборы.—Предсѣдатель палаты г. М.—Дворянскіе выборы.—Поддержка мною русской власти въ Юго-Западномъ краѣ.—Устройство клуба, бульвара; постройка православнаго собора и театра въ Житомірѣ.—Пріѣздъ наслѣдника цесаревича на Волынь.—Хлопоты при проходѣ войскъ къ Севастополю въ началѣ Крымской кампаніи.—Моя болѣзнь.—Неожиданный переводъ губернаторомъ въ Москву.—Итоги управленія Волынью.

ОДЪ ГРУСТНЫМЪ впечатлѣніемъ перемѣны военной службы на гражданскую, лишившей меня счастія служить при Наслѣдникѣ Цесаревичѣ, не отраденъ мнѣ былъ первый пріемъ министра внутреннихъ дѣлъ, графа Перовскаго. Недовольный моимъ предназначеніемъ въ Орловскую губернію, онъ принялъ меня въ своемъ кабинетѣ весьма сухо и указалъ на стулъ у письменнаго стола. Свою рѣчь онъ началъ такъ

— Вы, конечно, желали быть губернаторомъ. Прежде, чѣмъ вы будете пользоваться этимъ званіемъ, вамъ предстоитъ, на осно-

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIX, стр. 39.

ваніи принятаго порядка, испытаніе въ пользѣ будущаго вашего управленія.

На незаслуженный упрекъ какъ бы въ искательствѣ я поторопился объяснить министру, что не могъ желать мѣста губернатора уже потому, что не готовился быть имъ. Меня не столько пугаетъ испытаніе, сколько озабочиваетъ отвѣтственность; назначеніе же мое исходитъ отъ высочайшей воли государя императора.

Выслушавъ меня, министръ перемѣнилъ нѣсколько тонъ. Онъ предложилъ мнѣ заняться разсмотрѣніемъ дѣлъ въ министерствѣ, преимущественно по отношеніямъ губернаторовъ къ начальникамъ, стоящимъ во главѣ губернскихъ установленій. Министръ отпустилъ меня внимательнѣе, чѣмъ принялъ.

Прочитавъ переданные мнѣ директоромъ департамента общихъ дѣлъ Гвоздевымъ отчеты о ревизіяхъ губерній, представленные лицами, готовящимися въ губернаторы, и найдя, что отчеты эти заключали въ себѣ такія подробности, за достовѣрность которыхъ не возможно ручаться, я объяснилъ директору, что по совѣсти не могу принять на себя губернаторства. Гвоздевъ отвѣчалъ, что составленіе отчетовъ дѣлается безъ затрудненій. Ревизоръ беретъ съ собою опытнаго чиновника съ приличнымъ вознагражденіемъ и, осмотрѣвъ присутственныя мѣста, тюрьмы и другія заведенія въ губерніи, спокойно ждетъ, пока чиновникъ составитъ отчетъ. Послѣдній и представляется министру.

По окончаніи моихъ занятій, министръ предложилъ мнѣ ожидать назначенія на ревизію одной изъ губерній. Свѣжій въ памяти разсказъ директора о характерѣ ревизій заставилъ меня доложить графу о безполезности ревизіи, мнѣ предназначаемой. Самый отчетъ о ревизіи, составляемый, по принятому обычаю, чиновникомъ, по крайней мѣрѣ, не добросовѣстенъ. Министръ, видимо, удивленный моею откровенностью, однако же снисходительно предложилъ мнѣ явиться къ с.-петербургскому губернатору, обѣщаясь предписать ему ознакомить меня съ управленіемъ и производствомъ дѣлъ.

Губернаторъ Данауровъ, находчивый и воспитанный, принялъ меня весьма любезно, но съ видомъ покровительства. Очевидно было, что порученіе это тѣшило его самолюбіе. Присутствуя нѣсколько дней при докладахъ ему, я не могъ, однако, изъ нихъ извлечь сущности порядка управленія провинціей.

Не буду описывать моихъ осмотровъ присутственныхъ мѣстъ въ столицѣ и въ Ямбургѣ, но упомяну только, что чрезъ три недѣли я былъ аттестованъ министру, какъ способный стать во главѣ губерніи. Министръ потребовалъ отъ меня записку о моихъ занятіяхъ. Составивъ ее, я считалъ обязанностію ознакомить съ ней прежде всего губернатора. Онъ встревожился и сказалъ:

— Развѣ это была ревизія?

Я успокоилъ Данаурова, замѣтивъ, что мой отчетъ о видѣн-

номъ есть сочиненіе ученика, представляемое главному экзаменатору. Я получилъ мѣсто губернатора во Владиміръ.

Вотъ всеподданнѣйшій докладъ графа Перовскаго о моемъ назначеніи:

«Генералъ Синельниковъ, предназначенный вашимъ величествомъ губернаторомъ въ г. Орелъ, былъ испытанъ и оказался способнымъ къ управленію губерніею.

«Возвратившійся изъ отпуска свиты вашего величества генералъ Крузенштернъ, бывшій тульскій губернаторъ, владѣя во Владимірской губерніи имѣніемъ, проситъ о назначеніи его во Владиміръ.

«Вакансій двѣ: въ Орловской и Владимірской губерніяхъ.

«Благоугодно ли будетъ вашему величеству назначить Синельникова въ г. Орелъ, а Крузенштерна во Владиміръ».

Государь, слѣдуя правилу: не назначать губернаторами лицъ въ тѣ губерніи, въ которыхъ у нихъ есть имѣнія, изволилъ написать на докладѣ: Синельникова во Владиміръ, а Крузенштерна въ Орелъ.

Министръ потребовалъ меня, поздравилъ съ назначеніемъ и при этомъ прибавилъ съ особенною интонаціею:

— Только не въ Орелъ, а во Владиміръ.

При представленіи гг. министрамъ я былъ удостоенъ особымъ вниманіемъ главноуправлявшаго путями сообщеній, генералъ-адъютанта графа Клейнмихеля. Онъ выразилъ увѣренность, что при мнѣ строительная комиссія будетъ вести дѣла свои честно и усердно; арестантская рота не будетъ сидѣть, сложа руки.

— Отдаю ихъ вамъ въ полное распоряженіе,—прибавилъ графъ.

Почти то же было сказано министромъ государственныхъ имуществъ относительно палаты.

Министръ финансовъ, объявивъ, что на мнѣ лежитъ обязанность покровительствовать винному откупу, дающему значительные доходы государству, присовокупилъ, что министерство не входитъ въ отношенія мѣстныхъ властей къ откупщикамъ. Тяжело залегъ въ моей памяти этотъ темный намекъ на темныя дѣла, но я не рѣшился продолжать разговоръ на эту тему съ государственнымъ человѣкомъ.

Прочитавъ наказъ и другія постановленія объ обязанностяхъ и отвѣтственности губернаторовъ и встрѣтивъ нѣкоторыя неясности въ примѣненіи ихъ на практикѣ, я обратился за разъясненіями къ знакомымъ моимъ, бывшимъ губернаторамъ: Переверзеву и Жуковскому, проживавшимъ въ Петербургѣ.

Переверзевъ, находя управленіе губерніею не затруднительнымъ, совѣтовалъ всѣ дѣла, по которымъ я буду встрѣчать препятствія, особенно по взысканіямъ съ чиновниковъ, передавать на заклю-

ченіе губернскаго правленія и, такимъ образомъ, отстранять себя отъ нареканій.

Совѣтъ Жуковскаго былъ болѣе положителенъ; онъ резюмировалъ свои наставленія такъ: «Будьте сами представителемъ чести и правды, будьте первымъ работникомъ въ губерніи и не отдавайте безъ особо уважительныхъ причинъ подъ вліяніе губернскаго правленія административныхъ чиновниковъ. Богъ поможетъ вамъ принести пользу дѣлу. Эти правила я старался усвоить себѣ во все время управленія моего губерніями».

Оставивъ семейство въ Петербургѣ до окончанія устройства помѣщенія во Владимірѣ, я по прибытіи въ губернію при общемъ представленіи гг. служащихъ и прочихъ лицъ старался, сколько возможно, ближе ознакомиться съ каждымъ изъ нихъ и ихъ занятіями. Я выразилъ въ краткихъ словахъ надежду, что усердіе, честь и правда будутъ нашими общими руководителями при исполненіи служебныхъ обязанностей. Затѣмъ, я пригласилъ въ свой кабинетъ вице-губернатора, предсѣдателя казенной палаты, жандармскаго штабъ-офицера и управляющаго откупомъ. Я имъ передалъ мнѣніе министра финансовъ относительно откупа и прибавилъ, что высочайше возложенную на меня обязанность я исполню и безъ особенныхъ постороннихъ внушеній, но и откупу не намѣренъ дарить то, что входило въ соображеніе при торгахъ. Поэтому полагаю предназначенныя на долю губернатора откупныя деньги употреблять для помощи бѣднымъ чиновникамъ и на устройство города. Я просилъ предсѣдателя казенной палаты завести книгу и расходовать откупныя деньги, сообща съ г. вице-губернаторомъ, по моимъ назначеніямъ. Сумма эта составляла около трехъ тысячъ рублей въ годъ и значилась, какъ пожертвованіе отъ имени откупщика. Я поступалъ точно также и въ другихъ управляемыхъ мною провинціяхъ, гдѣ существовала откупная система.

Привыкнувъ къ труду, я посвятилъ себя во Владимірѣ исключительно служебной дѣятельности. Рано утромъ я обозрѣвалъ городскія работы, ходилъ по базару и проч. Въ 8 часовъ утра начинались занятія дѣлами. Около 12-ти часовъ я объѣзжалъ присутственныя мѣста, учебныя заведенія, больницы, тюрьмы, арестантскія роты, которыя меня особенно интересовали, какъ рабочія силы, полезныя для устройства города. Съ 2-хъ часовъ мной разсматривались журналы губернскаго правленія, приказа и строительной комиссіи. Если къ 4-мъ часамъ, т. е. къ обѣденному времени, кончались текущія занятія, то до 6-ти часовъ вечера я занимался своими дѣлами. Въ противномъ случаѣ, тотчасъ послѣ обѣда опять возникала служебная работа. Въ 6 часовъ приносилась почта. Я вскрывалъ ее всегда самъ, дѣлалъ помѣтки и резолюціи. Вечеромъ я бывалъ въ театрѣ и клубѣ, но оставался тамъ не

долѣе 11-ти часовъ. Часто ночью, при возвращеніи домой, я заѣзжалъ въ тюрьму или больницу, а то и въ другія казенныя учрежденія. Словомъ, я велъ свои обязанности такъ, чтобы у меня нигдѣ не было никакихъ упущеній, и чтобы на моемъ письменномъ столѣ къ утру не оставалось ни одной неисполненной бумаги. Во всякое время дня я принималъ гг. служащихъ съ экстренными дѣлами, а также и просителей. Для послѣднихъ былъ открытъ пріемъ и въ праздничные дни.

Расположеніе города Владиміра въ центрѣ губерніи и близость уѣздныхъ городовъ давали полную возможность слѣдить за порядкомъ и успѣшнымъ теченіемъ дѣлъ въ уѣздахъ. Я не дѣлалъ ревизій съ толпою чиновниковъ, но имѣлъ подъ рукою свѣдѣнія объ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстахъ. Я отправлялся безъ предупрежденій на ревизіи, особенно туда, гдѣ замѣчалась медленность, упущенія или невѣрное направленіе дѣлъ. Такимъ образомъ, меня ожидали всегда и вездѣ, дѣла шли быстрѣе, число жалобъ уменьшалось.

Не буду описывать тревогъ и волненій при моихъ неожиданныхъ посѣщеніяхъ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ. Они доходили до комизма и порождали не мало анекдотовъ [1]). Не могу не вспомнить первыхъ впечатлѣній, вынесенныхъ мною по прибытіи въ г. Владиміръ. Меня безпокоила совершенно новая для меня служебная и частная обстановка. Мнѣ казалось, что я какъ бы былъ выставленъ на судъ всѣхъ. Впрочемъ, это трудное положеніе облегчилось словомъ архіерея, сказаннымъ въ соборѣ, въ моемъ присутствіи, предъ молебномъ. Объяснивъ, что чувства христіанской любви должны связывать начальствующаго съ подчиненными и вести ихъ къ пользѣ общественной, преосвященный присовокупилъ, что «всемилостивѣйшее назначеніе къ намъ новаго губернатора есть уже залогъ достоинствъ, которыя обязываютъ насъ любить и уважать его. Помолимся же, чтобы на всѣхъ дѣлахъ его, для блага губерніи, почило благословеніе Божіе». Позже явился ко мнѣ графъ В. П. Зубовъ, владѣвшій большимъ имѣніемъ въ губерніи и проживавшій въ Москвѣ. Онъ ободрилъ выраженіемъ, что дѣйствіями моими восхищены благоразумныя лица.

При объѣздахъ моихъ провинціи я всегда посѣщалъ храмы Божіи, если въ нихъ совершалось богослуженіе, и по выходѣ изъ церкви толковалъ съ народомъ, какъ говорится, о его житьѣ-бытьѣ. Я также не пропускалъ случаевъ говорить съ мужичками

---

[1]) Напримѣръ: прибывъ утромъ прямо въ земскій судъ одного изъ уѣздовъ, я засталъ секретаря съ просителями въ присутственной комнатѣ въ халатѣ и сдѣлалъ ему замѣчаніе. Изъ этого сочинили, что когда секретарь былъ спрошенъ: до глубины ли души я распекъ его? онъ отвѣчалъ: не знаю, душа тогда была въ пяткахъ.

при остановкахъ на станціяхъ и на сходкахъ, бывавшихъ въ селеніяхъ. Такъ, вникая въ нужды и изучая бытъ деревни, я утвердился въ убѣжденіи, что русскій человѣкъ соединяетъ въ себѣ столько добрыхъ качествъ, что при управленіи, основанномъ на правдѣ и любви, вѣка не поколеблютъ преданности его государю и родинѣ.

Еще предъ отъѣздомъ изъ С.-Петербурга, министръ внутреннихъ дѣлъ обратилъ мое вниманіе на тяжебное дѣло купца Зубова со вдовою купчихою Барановою. Черезъ эту тяжбу была закрыта въ г. Александровѣ бумагопрядильная фабрика, стоящая болѣе милліона и дававшая средства къ жизни тысячамъ рабочихъ.

Прибывъ на ревизію въ г. Александровъ, я послѣ молебна въ соборѣ пригласилъ ѣхать со мною къ г-жѣ Барановой купца Зубова, состоявшаго тогда градскимъ головою. Озадаченный Зубовъ объяснилъ мнѣ, что онъ съ Барановою во враждѣ.

— Поэтому-то я и приглашаю васъ къ ней, чтобы кончить вредную ссору,—замѣтилъ я.

Объ импровизированной встрѣчѣ враговъ говорить не буду.

Почетный гражданинъ Барановъ, изучившій фабричное производство, вступилъ въ компанію съ зятемъ своимъ Зубовымъ. Они сообща устроили фабрику, которая шла весьма удовлетворительно. По смерти Баранова, ему наслѣдовалъ старшій сынъ съ матерью; они-то и возбудили затрудненія и тяжбы. Чиновники изъ корыстолюбивыхъ видовъ поддерживали вражду. Я засталъ фабрику закрытою и опечатанною во время самаго разгара работъ.

Разсмотрѣвъ подробно расчеты и жалобы обѣихъ сторонъ, я пришелъ къ убѣжденію, что дѣло можетъ быть окончено только мировымъ порядкомъ, по жребію, и съ согласія на то Барановой и Зубова. Я предложилъ имъ прибыть во Владиміръ. По пріѣздѣ ихъ, мною созваны были предсѣдатели подлежащихъ палатъ, прокуроръ и жандармскій штабъ-офицеръ. При ихъ участіи разсматривались всѣ расчеты по фабрикѣ. Затѣмъ, Барановъ и Зубовъ выбирали жребій. Фабрика досталась Барановой, а Зубову она обязалась уплатить, кажется, около 350 тысячъ рублей. Все это было тутъ же закончено, и поданы отъ обѣихъ сторонъ мировыя прошенія въ тѣ мѣста, гдѣ производились дѣла по жалобамъ. Тяжба, тянувшаяся годы, окончилась въ нѣсколько дней.

До меня дошли слухи, будто бы Баранова узнала, что она съ Зубовымъ можетъ поднести мнѣ на память за успѣшное окончаніе дѣла. Чтобы предупредить толки, я далъ знать тяжущимся, что, исполнивъ свою обязанность, я только желаю, чтобы они жили въ мирѣ и согласіи, а я ни отъ кого никакихъ приношеній не приму. Вношу этотъ случай въ мои записки потому, что впослѣдствіи, будучи губернаторомъ въ г. Житомірѣ и отстроивая временный соборъ на жертвуемыя деньги, я неожиданно получилъ

съ приказчикомъ отъ Барановой и Зубова полное облаченіе и всю церковную утварь, въ пріобрѣтеніи которыхъ весьма затруднялся. Бывшіе враги писали мнѣ и просили меня принять это пожертвованіе для храма, мною воздвигаемаго, какъ благодарность Богу за прекращеніе многолѣтней ссоры. Такъ чудесно оправдалась пословица: русскій человѣкъ добро помнитъ.

Чрезъ нѣсколько недѣль послѣ моего пріѣзда прибыла во Владиміръ моя семья. Вспоминаю, что съ нею домашняя и даже служебная жизнь моя облегчилась. Жена въ короткое время снискала общую любовь и уваженіе; старшая дочь Адель обратила вниманіе на бѣдныхъ и страждущихъ; двѣ младшія помогали ей.

Убѣдясь въ настоятельной надобности заведенія порядка и чистоты въ городѣ, я началъ работы арестантскою ротою съ устройства мостовыхъ, городскаго сада и горы при спускѣ къ рѣкѣ. На вершинѣ горы я перестроилъ бесѣдку въ павильонъ и создалъ изъ него лѣтнее помѣщеніе для клуба. Въ срединѣ горы, на большомъ уступѣ, была расчищена площадь для народныхъ гуляній по праздникамъ.

Продолжая заботы объ улучшеніи города въ санитарномъ отношеніи, въ которомъ безпорядки доходили до того, что внутри гостиннаго двора и на торговой площади свозились нечистоты, я предложилъ купечеству распланировать эти мѣста. Городской голова Козловъ оказалъ полную готовность помогать личными средствами къ возрожденію Владиміра, лишь бы дума была избавлена отъ убыточныхъ посѣщеній чиновничества, то вымогавшаго, то грозившаго преданіемъ суду городскихъ представителей.

Поручивъ чиновнику особыхъ порученій обревизовать думу, а также слѣдить за ходомъ ея дѣлъ, я отстранилъ этимъ мѣстныхъ комерсантовъ отъ корыстныхъ визитовъ господъ служащихъ. Работы по городу пошли быстро. Вмѣстѣ съ мощеніемъ улицъ, съ очисткою дворовъ и площадей, возникали базарныя лавки. При ихъ открытіи происходило архіерейское богослуженіе, а потомъ было на базарныхъ бульварахъ угощеніе для народа [1]). Преосвященный, обращаясь къ жителямъ и хозяйкамъ, сказалъ:

— Теперь уже нѣтъ затрудненій самимъ вамъ, если не покупать, то при прогулкахъ узнавать цѣны продающихся здѣсь, на базарѣ, продуктовъ. Черезъ личную покупку вы избавитесь отъ излишнихъ расходовъ, въ которые вводила васъ прислуга. Вы избавите ее вмѣстѣ съ тѣмъ отъ нравственнаго упадка, а съэкономленныя деньги обратите на пользу бѣдныхъ братій нашихъ.

---

[1]) При этомъ угощеніи, по недостатку прислуги, къ удивленію публики, были назначены для услугъ при столахъ нѣсколько человѣкъ арестантской роты; они исполнили свое дѣло хорошо, усердно и возвратились домой совершенно благополучно.

Замѣтивъ, при разсмотрѣніи смѣтъ строительной комиссіи, что на исправленіе сравнительно новаго полицейскаго дома исчислено 4.360 рублей серебромъ изъ городскихъ суммъ, я лично удостовѣрился, что крыша дома покрыта старымъ желѣзомъ и давала сильную течь; каланча, не скрѣпленная желѣзомъ, шаталась отъ вѣтра. Я пригласилъ гг. членовъ, свидѣтельствовавшихъ упомянутыя зданія, подрядчика купца И. и объявилъ имъ, что не отпущу ни гроша на исправленіе рушащихся строеній, а представлю министру о назначеніи особыхъ техниковъ для освидѣтельствованія такъ неудачно воздвигнутыхъ строеній. Я предложилъ имъ подумать о послѣдствіяхъ мною сказаннаго и дать мнѣ отвѣтъ. Въ тотъ же день, вечеромъ, зять купца И. явился ко мнѣ съ просьбою о дозволеніи исправить зданія. Черезъ два мѣсяца исправленіе было кончено и освидѣтельствовано въ моемъ присутствіи.

Это происшествіе разъяснило мои недоразумѣнія, почему во Владимірѣ, городѣ относительно не богатомъ и не большомъ, были личности, нажившія состоянія, не выѣзжая, такъ сказать, за городскую черту. Я сталъ лично присутствовать на торгахъ по казеннымъ подрядамъ.

Какъ-то были объявлены торги въ казенной палатѣ на поставку въ присутственныя зданія дровъ, а въ палатѣ государственныхъ имуществъ—на продажу на срубъ лѣсовъ съ разрѣшенія министерства. При этихъ торгахъ цѣна за дрова была объявлена нѣсколько ниже предшествовавшаго года, а за лѣсъ ничтожная. Поставщики дровъ и покупатели лѣса были люди между собою свои. Сообразивъ все приведенное, я торги на продажу лѣса не утвердилъ и полагалъ донести объ этомъ министру. Послѣ торговъ явился ко мнѣ покупатель лѣсовъ съ предложеніемъ прибавить цѣну. Я пригласилъ спеціалистовъ и добросовѣстныхъ лицъ, поручилъ имъ сдѣлать подробное исчисленіе стоимости лѣса и, съ значительнымъ повышеніемъ цѣны въ пользу казны, съ согласія г. министра, кончилъ дѣло.

Осматривая ремонтныя работы въ больницѣ приказа, я нашелъ, что вмѣсто смазки и залитія черныхъ половъ известкою съ плотно уложеннымъ кирпичемъ употреблялся сухой мусоръ; подъ полами было устроено помѣщеніе для продуктовъ, въ числѣ которыхъ находилась и квашенная капуста. Кладовая надъ погребомъ была занята разнымъ хламомъ. Приказавъ подрядчику разобрать всѣ полы и сдѣлать надлежащую смазку, я арестовалъ производителя работъ и напомнилъ больничному начальству, что чистый воздухъ и теплый полъ для больныхъ есть необходимыя условія къ ихъ выздоровленію.

Такимъ образомъ, преслѣдуя посягательства, ведущія къ ущербу казны, я, къ искреннему сожалѣнію, терялъ надежду къ дости-

женію успѣха въ водвореніи законныхъ и правдивыхъ отношеній гг. помѣщиковъ къ крестьянамъ. Я часто получалъ жалобы отъ послѣднихъ особенно на мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, которые дозволяли себѣ совершать вопіющія притѣсненія.

Просьбы крѣпостныхъ отправлялись мною, по принятому порядку, для разслѣдованія къ гг. предводителямъ и кончались, большею частью, обвиненіемъ неповинныхъ крестьянъ. Объясненія мои съ губернскимъ предводителемъ дворянства не имѣли никакихъ результатовъ. Онъ былъ добрый и умный старикъ, но проникнутый идеями безусловной защиты членовъ своего сословія. Предводитель не могъ убѣдиться даже въ правѣ губернатора взыскивать съ исправниковъ за упущенія по службѣ, такъ какъ они выбирались дворянами.

Для примѣра приведу слѣдующій случай. Получивъ письмо отъ помѣщицы М., что съ химическаго завода, устроеннаго на рѣчкѣ, протекающей къ ея деревнѣ, спускаютси нечистоты, отъ которыхъ у крестьянъ проявились болѣзни, я командировалъ члена врачебной управы удостовѣриться на мѣстѣ въ справедливости жалобы г-жи М. Дѣйствительность подтвердила жалобу. Тогда я предписалъ исправнику лично наблюсти, чтобы нечистоты были удалены отъ рѣчки. Не смотря на сказанное, черезъ нѣкоторое время я получилъ письмо отъ г-жи М., въ которомъ значилось, что нечистоты попрежнему отравляютъ ея имѣніе. Я неожиданно выѣхалъ въ уѣздъ, захвативъ исправника съ собою, и рано утромъ очутился на заводскомъ берегу. Передо мною плавали сѣрозеленоватые круги, образовавшіеся въ водѣ отъ остатковъ, спускаемыхъ съ завода по жолобу, секретно устроенному подъ поломъ. Другой жолобъ былъ проведенъ на дворъ въ особый прудъ. Я подвергъ взысканію исправника и возбудилъ противъ себя протесты со стороны губернскаго предводителя. Однако послѣ этого происшествія мнѣ не пришлось болѣе наказывать господъ исправниковъ.

5-го сентября 1852 года мною было получено лестное письмо отъ графа Перовскаго. Оставляя министерство, онъ счелъ самою пріятною для себя обязанностью принести мнѣ искреннѣйшую благодарность за то усердіе и дѣятельность, которыя я, по его словамъ, оказывалъ ему, какъ его сотрудникъ. Упомянутая благодарность меня радовала главнымъ образомъ потому, что оправдывала систему моего управленія губерніею. Графъ вообще не былъ щедръ на похвалы.

Вскорѣ до меня дошло частное извѣстіе о переводѣ въ другую губернію, а въ декабрѣ 1852 года я былъ вызванъ по высочайшему повелѣнію въ С.-Петербургъ. Здѣсь, вновь назначенный министромъ, генералъ-адъютантъ Бибиковъ, объявилъ мнѣ о предназначеніи меня губернаторомъ на Волынь.

Въ докладѣ государю императору обо мнѣ значилось: «Зная

по личному убѣжденію, что мѣстныя обстоятельства и характеръ населенія Волынской губерніи требуютъ отъ губернатора особенной твердости и дѣятельности, министръ полагаетъ перемѣстить въ оную меня, какъ лице, соединяющее въ себѣ достоинства, необходимыя для управленія, и которыя не столь нужны въ великороссійскихъ губерніяхъ». Никакія мои убѣжденія объ оставленіи меня во Владимірѣ не имѣли успѣха.

Не буду описывать прощальныхъ обѣдовъ со спичами и слезами, бывавшихъ обыкновенно при отъѣздахъ губернаторовъ [1]). Для того, чтобы всѣ сословія могли участвовать въ моихъ проводахъ, благородное собраніе устроило маскарадъ. Я не видѣлъ въ немъ конца изъявленіямъ сожалѣнія о разставаніи. Пробывъ въ собраніи около часу, я едва могъ выйти изъ него, такъ тѣсно окружала меня толпа. На другой день многіе изъ жителей и служащихъ провожали меня до границы губерніи; народъ на станціяхъ и въ попутныхъ селеніяхъ по ночамъ освѣщалъ дорогу, посылая мнѣ благословенія за мое попеченіе о его благѣ [2]).

Уже въ Житомірѣ я получилъ два цѣнныхъ письма, выражавшихъ чувства глубочайшаго сожалѣнія объ оставленіи мною Владиміра. Одно изъ нихъ было отъ архіепископа Іустина, другое отъ восьмидесятилѣтняго старца, архимандрита Боголюбскаго монастыря, Ѳеофила. Послѣдній, между прочимъ, писалъ: «Бѣдный и жалкій старецъ городъ Владиміръ долго будетъ сѣтовать, что промыслъ Божій не судилъ ему пользоваться вашимъ неусыпнымъ попеченіемъ. Вы были доступны поутру рано и вечеромъ поздно, малому и великому, вельможѣ и простолюдину».

При представленіи моемъ въ Петербургѣ государю императору Николаю Павловичу я удостоился услышать слѣдующее:

— Я совершенно доволенъ твоимъ управленіемъ Владимірскою губерніею; продолжай служить такъ и въ Волынской; надѣюсь, что ты сумѣешь правдою и честію вселить тамъ преданность и любовь къ престолу и отечеству.

Изъ дворца я отправился къ министру внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютанту Бибикову. Этотъ государственный дѣятель, отличавшійся энергичнымъ характеромъ, высказалъ увѣренность, что я буду управлять Волынскою губерніею съ умѣньемъ, и предложилъ писать ему въ собственныя руки, если встрѣчу затрудненія

---

[1]) Въ старое доброе время, когда губернаторы рѣдко смѣнялись, относительно прощальныхъ обѣдовъ со спичами говорили: «ѣсть хочется и плакать хочется, а губернаторъ все сидитъ на своемъ креслѣ».

[2]) Не могу не прибавить, что и прощаніе мое съ арестантскою ротою было не обыкновенно. Арестанты, занятые постоянно въ городѣ за плату, работали за обоюднымъ поручительствомъ, безъ конвоя. Не было ни одного случая побѣга. Ѣли они сытно, содержались чисто. Мудрено ли, что по свойству русскаго человѣка арестанты за довѣріе и попеченіе о нихъ провожали меня со слезами.

въ краѣ, совершенно мнѣ неизвѣстномъ. Я доложилъ, что, примѣняясь къ всемилостивѣйшимъ словамъ, мною слышаннымъ, считалъ бы соотвѣтственнымъ испросить возвращеніе, сосланному административнымъ порядкомъ въ Воронежъ, бывшему волынскому губернскому предводителю, Ледоховскому. Это произвело бы хорошее впечатлѣніе на волынское дворянство. Министръ поручилъ мнѣ повѣрить на мѣстѣ обстоятельства дѣла и войти о немъ съ особымъ представленіемъ. На замѣчаніе мое, что губернаторскій домъ въ Житомірѣ ветхъ и не меблированъ, генералъ Бибиковъ отвѣтилъ:

— По осмотрѣ дома пришлите мнѣ записку, и все будетъ исполнено. Черезъ годъ ожидаю васъ въ Петербургъ и предоставляю лично сказать мнѣ: довольны ли вы Бибиковымъ?

Съ такими успокоительными обѣщаніями г. министра я отправился съ семействомъ въ Житоміръ. Въ первомъ по пути городѣ Волынской губерніи, Овручѣ, при обозрѣніи уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ, мною найдены замѣчательная медленность и безпорядокъ въ производствѣ дѣлъ. Меня поразило, что въ камерѣ, надъ дверью которой была доска съ надписью «дворянская», содержалось за конокрадство нѣсколько лицъ изъ отыскивающихъ шляхетство. Я приказалъ доставить мнѣ подробныя выписки изъ этихъ дѣлъ, какъ выдающихся изъ ряда обыкновенныхъ.

По прибытіи въ Житоміръ, я пробылъ въ немъ всего нѣсколько часовъ и отправился въ Кіевъ представиться генералъ-губернатору, князю Васильчикову, высокоблагородному человѣку, съ величавымъ характеромъ. Онъ встрѣтилъ меня внимательно, подробно объяснилъ особенныя условія, въ которыхъ находилась Волынская губернія, бывшая когда-то въ его управленіи. На другой день утромъ я возвратился уже въ Житоміръ.

При первомъ разсмотрѣніи мѣстныхъ дѣлъ мною обращено было невольно вниманіе на то, что въ Волынской губерніи состояло подъ надзоромъ полиціи до пятидесяти дворянъ.

Въ уѣздахъ я нашелъ мало отраднаго. Отношенія къ населенію большинства мѣстной администраціи были безтактны. Видно было, что чиновники не пользовались надлежащимъ довѣріемъ населенія и тянули дѣлопроизводство умышленно долго. Напротивъ, въ дворянствѣ замѣтна была порядочность безъ заносчивости, а въ предводителяхъ и готовность содѣйствовать поддержанію порядка и спокойствія.

Присматриваясь къ народу, я пришелъ къ убѣжденію, что волынцы набожны, послушны властямъ, терпѣливы въ недостаткахъ, но промышленная дѣятельность ихъ гибнетъ подъ вліяніемъ евреевъ, исполненныхъ своекорыстія и религіознаго фанатизма. Почва въ губерніи плодородна, климатъ благопріятенъ для жизни человѣка.

По собраннымъ свѣдѣніямъ о г. Ледоховскомъ оказалось, что еще до избранія его губернскимъ предводителемъ были получаемы

отъ мѣстнаго начальства свѣдѣнія объ его неблагонадежности въ политическомъ отношеніи. Однако, въ представители дворянства онъ, все-таки, попалъ, но, обладая большимъ состояніемъ, по слабости характера, подчинялся безсознательно мнѣніямъ окружающихъ людей. Онъ позволялъ себѣ толковать за и противъ правительства, совершенно пассивно относясь къ своимъ обязанностямъ. Такимъ образомъ, службою своею онъ приносилъ болѣе вреда, чѣмъ пользы. Начальство края вынуждено было отправить его въ Воронежъ, а вмѣсто его назначить предводителя Кременецкаго уѣзда, камеръ-юнкера Свейковскаго, пользовавшагося общимъ уваженіемъ. Основываясь на удостовѣреніи его и другихъ благонадежныхъ лицъ, я ходатайствовалъ о возвращеніи г. Ледоховскаго въ губернію. Ходатайство было удовлетворено.

Вообще, вникая въ сущность губернскихъ дѣлъ, я пришелъ къ убѣжденію, что служебная переписка усложнялась отъ произвольныхъ дѣйствій земскихъ чиновниковъ, которые, подъ видомъ наблюденія за политическимъ настроеніемъ населенія, скрывали отъ высшей власти нарушенія инвентарныхъ правилъ помѣщиками, облагая ихъ за это податью въ свою пользу.

Получивъ донесеніе одного изъ исправниковъ, что помѣщикъ, графъ В., состоящій подъ надзоромъ полиціи, отлучился изъ имѣнія, и неизвѣстно, гдѣ находится, я пригласилъ губернскаго предводителя для объясненія этого казуса. Онъ прибылъ ко мнѣ съ лицомъ, котораго назвалъ:

— Помѣщикъ, графъ В.!

На замѣчаніе мое графу, что мнѣ непріятно начинать съ нимъ знакомство упрекомъ въ нарушеніи порядка, онъ просилъ дозволенія разсказать мнѣ всю правду. По принятому обычаю, состоящіе подъ надзоромъ полиціи господа на поѣздки изъ уѣзда испрашиваютъ записками разрѣшенія исправниковъ съ приложеніемъ отъ пяти до десяти рублей. Пріѣхавъ въ уѣздный городъ, и онъ отправилъ записку съ десятью рублями, но, прождавъ долго билета, рѣшился ѣхать безъ него и довести дѣло до моего свѣдѣнія. Я потребовалъ исправника.

Вслѣдъ за симъ получено было донесеніе другого исправника о томъ, что находящійся подъ надзоромъ помѣщикъ П. дозволяетъ себѣ дерзко судить о правительствѣ, не слушается увѣщаній и поноситъ его, исправника, бранными словами. Я послалъ чиновника особыхъ порученій произвести секретное дознаніе.

Первый исправникъ откровенно объяснилъ, какъ о дѣлѣ самомъ обыкновенномъ, что получилъ отъ графа В. десять рублей, но, по множеству хлопотъ, забылъ совершенно о поѣздкѣ графа. По изслѣдованію въ другомъ уѣздѣ оказалось, что у дворянина П. съ исправникомъ была обоюдная ссора за то, что послѣдній настоятельно требовалъ такъ называемыя инвентарныя деньги, которыхъ

П. уплатить не могъ. Обоимъ исправникамъ я сдѣлалъ строжайшіе выговоры и прекратилъ со стороны ихъ всякіе поборы съ поднадзорнаго помѣщества.

Между тѣмъ, начало съѣзжаться на выборы дворянство. Губернскій предводитель объяснилъ мнѣ, что дворяне ропщутъ на притѣсненія предсѣдателя одной изъ палатъ, г. М. Я отвѣчалъ, что при всемъ довѣріи къ словамъ его не могу, по мѣсту, занимаемому господиномъ М., безъ доказательствъ объясняться съ нимъ по упомянутому нареканію. Предводитель представилъ мнѣ подробныя свѣдѣнія о притѣсненіяхъ, которыя привели меня къ личному объясненію съ предсѣдателемъ М.

— Съ сожалѣніемъ, я долженъ сказать вамъ,—обратился я къ предсѣдателю,—что между собравшимся дворянствомъ слышны жалобы, что вы при рѣшеніи дѣлъ совершаете притѣсненія.

— Откровенно доложу, — отвѣчалъ г. М., — что въ дѣлахъ тяжебныхъ я стараюсь примирять тяжущихся и не отвергаю благодарностей.

— Позвольте мнѣ остановить васъ, — замѣтилъ я. — Изъ того, что вы объяснили, я вижу, что мы съ вами не сходимся въ мнѣніяхъ. Мы здѣсь должны быть представителями правды и чести, а объясненныя вами условія не подходятъ подъ эти понятія. Вы служите поводомъ къ обиднымъ для служащихъ нареканіямъ.

— Въ такомъ случаѣ дозвольте мнѣ ѣхать къ генералъ-губернатору,—произнесъ г. М.

— Можете.

Мы разстались. Въ тотъ же день по эстафетѣ я послалъ князю письмо съ объясненіемъ. Охотникъ до легкой наживы, г. М. былъ переведенъ въ другую губернію.

Я произнесъ предъ дворянствомъ рѣчь, и въ ней разъяснилъ важность дарованнаго права выборовъ. Рѣчь я заключилъ словами:

— Пора вамъ, господа, въ силу историческихъ условій, съ чувствами вѣрноподданнической преданности, идти твердымъ шагомъ по пути, указанному нашимъ славнымъ государемъ. Въ этомъ, и только въ этомъ—ваше счастіе и благоденствіе.

Дворяне внимательно выслушали меня, выборы начались и продолжались совершенно спокойно.

Пріѣхавшій на выборы, г. Ледоховскій представился мнѣ въ формѣ губернскаго предводителя дворянства. Я объявилъ ему, что монархъ нашъ, по милосердію своему, дозволилъ ему только возвратиться въ губернію, и предложилъ перемѣнить мундиръ на обыкновенный дворянскій. Г. Ледоховскій не заставилъ меня повторить ему замѣчаніе. Позже дошли до меня слухи, что между нѣкоторыми дворянами зашла рѣчь объ избраніи названнаго помѣщика вновь губернскимъ предводителемъ. Наканунѣ выборовъ на эту должность г. П., за званнымъ ужиномъ поднявъ бокалъ, далъ

слово «гонору» сказать о выборѣ Ледоховскаго горячую рѣчь въ собраніи. Я приказалъ полицеймейстеру пригласить ко мнѣ г. П. рано утромъ, на другой день.

Хорошо помню сконфуженную фигуру г. П. Онъ вошелъ въ мой кабинетъ и остановился у самыхъ дверей. Я встрѣтилъ его словами:

— Вчера вы дали слово «гонору» сказать въ собраніи рѣчь о выборѣ г. Ледоховскаго губернскимъ предводителемъ. Сообразили ли вы, что это будетъ несвоевременно и неумѣстно? Я съ своей стороны даю вамъ честное слово русскаго человѣка, что вы этой рѣчи не произнесете. При самомъ ея началѣ жандармы васъ выведутъ изъ собранія, а тройка будетъ готова для отправленія васъ въ Кіевъ.

— Позвольте мнѣ оффиціально заболѣть,—проговорилъ г. П.

— Это дѣло ваше,—отвѣчалъ я.—Прощайте.

Помѣщикъ П. немедленно отправился въ свою усадьбу, а губернскимъ предводителемъ былъ единогласно выбранъ камеръ-юнкеръ Свейковскій, искренній приверженецъ царя и Россіи.

По окончаніи выборовъ дворянство дало обѣдъ. Тостъ за здоровье государя былъ принятъ восторженно и единодушно. На мои слова, что я забочусь о благоденствіи губерніи, раздались крики: «всему вѣримъ, все видимъ!».

Подробное знакомство съ мѣстными условіями сравнительно въ короткое время выяснило мнѣ ярко общественный характеръ населенія. Молва подтвердила, что исправники имѣютъ значительные доходы отъ разныхъ незаконныхъ поборовъ; что увеличеніе числа чиновниковъ земской полиціи безъ приличнаго содержанія, для наблюденія за политическимъ настроеніемъ населенія, не достигаетъ цѣли; что постройка храмовъ Божіихъ подрядчиками-евреями на счетъ помѣщиковъ-католиковъ только увеличила недоимки на губерніи. Наконецъ, считаю долгомъ совѣсти заявить, что изученіе мною инвентарныхъ правилъ, казавшихся тогда монументальнымъ произведеніемъ къ благоустройству края, убѣдило меня, что они не приносили ожидаемой пользы. Помѣщики видѣли въ нихъ недовѣріе правительства, ближайшіе блюстители-исправники нашли въ нарушеніи этихъ правилъ доходную для себя статью.

Хотя я имѣлъ въ виду, что инвентарная система воспослѣдовала въ эпоху управленія Юго-Западнымъ краемъ генералъ-адъютанта Бибикова, но руководствуясь разрѣшеніемъ того же Бибикова, какъ министра, писать ему въ собственныя руки, я составилъ особую записку о найденномъ мною состояніи губерніи и повезъ ее на разсмотрѣніе генералъ-губернатору въ Кіевъ.

Князь Васильчиковъ благодарилъ меня за успѣхи управленія и собравшемуся въ пріемной обществу, между прочимъ, сказалъ:

— Меня удивляетъ Волынская губернія. Переписке данъ такой

толчекъ, что я получаю требуемыя свѣдѣнія скорѣе, чѣмъ изъ Кіевской, въ которой живу. Этого я не могъ добиться, управляя Волынскою губерніею. О другихъ дѣлахъ губернатора я говорить не буду; они совершаются предъ вашими глазами.

Послѣ обѣда я зянялся съ княземъ дѣлами и прочиталъ ему мою записку министру. Благородный князь замѣтилъ:

— Неоффиціально я съ вами согласенъ, но вы возбудите противъ себя неудовольствіе министра.

Такъ и случилось. Генералъ Бибиковъ отвѣчалъ мнѣ собственноручнымъ письмомъ, въ которомъ выразилъ увѣреніе, что при дальнѣйшемъ управленіи губерніею опытъ убѣдитъ меня въ пользѣ инвентарныхъ введеній. Кредитъ мой въ министерствѣ подорвался.

Желаніе мое устроить городъ и возбудить въ немъ жизнь истекало отчасти изъ того, чтобы удержать дворянство на мѣстѣ. А то его стремленіе къ Варшавѣ почти равнялось стремленію магометанъ къ Меккѣ. Между тѣмъ, всѣ жизненные интересы помѣщиковъ были въ Житомірѣ. Дѣти ихъ воспитывались въ мѣстной гимназіи и въ женскомъ училищѣ; въ своемъ же городѣ они сбывали и деревенскія произведенія.

Устроивъ вечера для общества въ отдѣланномъ мною клубѣ, я открылъ для публики, не имѣвшей городского сада, свой губернаторскій садъ. Въ то же время я занялся постройкой православнаго собора и театра. Соборъ еще до меня передѣлывался изъ католическаго костела. Къ несчастію, пристроивавшаяся къ нему колокольня, выведенная болѣе 10-ти саженъ вышины, обрушилась. Архіерейское служеніе совершалось въ частномъ еврейскомъ домѣ. Этотъ фактъ производилъ на меня грустное впечатлѣніе. Онъ подрывалъ величіе моего отечества. Поэтому я съ благословенія преосвященнаго составилъ планъ на постройку деревяннаго собора и представилъ его на утвержденіе. Но, не теряя времени, я приступилъ къ первоначальнымъ работамъ съ надеждою на помощь Божію и при участіи тюремныхъ арестантовъ.

Назначенная по высочайшему повелѣнію коммиссія, для изслѣдованія крушенія каменной колокольни, потребовала отъ подрядчика еврея Розенкранца разрыть огромную массу щебня подъ самой колокольней. Розенкранцъ объяснилъ мнѣ, что за работу эту требуютъ съ него около 4.000 рублей, съ обязательствомъ ее окончить не ранѣе двухъ мѣсяцевъ. Тогда я предложилъ ему внести городскому головѣ на устройство города 2.000 рублей, отдать кирпичъ изъ разрушившейся колокольни и улучшить пищу тѣхъ тюремныхъ арестантовъ, которыхъ я прикажу вывести къ нему на работу. Подрядчикъ изъявилъ согласіе. Работа была кончена въ три недѣли. На постройку временного собора оказался капиталъ и кирпичъ для его фундамента. Лѣсъ былъ взятъ изъ городскихъ

дачъ. Чрезъ десять мѣсяцевъ въ Житомірѣ былъ воздвигнутъ Божій храмъ, осѣнившій своимъ крестомъ далекую окрестность ополяченнаго края. Соборъ освящалъ мѣстный преосвященный Арсеній.

Что касается до пожертвованій на устройство города, то первый примѣръ къ этому подалъ почтенный старецъ-помѣщикъ, отставной польской службы генералъ Корженевскій. Онъ имѣлъ большое состояніе и проживалъ въ своемъ имѣніи, Коднѣ, въ 70-ти верстахъ отъ Житомира. Не выѣзжая никуда по старости лѣтъ, онъ прислалъ ко мнѣ, съ своимъ управляющимъ, поздравительное письмо съ Св. Пасхою.

На третій день праздника я поѣхалъ поздравить генерала Корженевскаго. Заслуженный старикъ ожидалъ меня на подъѣздѣ. За завтракомъ, послѣ разговоровъ о грустномъ положеніи города Житомира, зашла рѣчь о прошломъ генерала. Онъ прочиталъ мнѣ свой формуляръ и сдѣлалъ удареніе на своемъ участіи въ историческомъ посольствѣ къ императрицѣ Екатеринѣ. Вскорѣ, послѣ отъѣзда моего изъ имѣнія Корженевскаго, я получилъ отъ него благодарственное письмо за посѣщеніе, съ приложеніемъ копіи съ формуляра и 3.000 рублей въ мое распоряженіе на пользу города. Принявъ пожертвованіе съ особою благодарностью, я назначилъ часть изъ этой суммы на устройство бульвара въ Житомірѣ и назвалъ его именемъ генерала Корженевскаго.

Въ постройкѣ театра мнѣ помогъ князь Сангушко, владѣлецъ города Заславля, доставившій съ своихъ заводовъ и фабрикъ желѣзныя принадлежности, сукно на обивку ложъ и всей мебели.

Съ чувствомъ искренняго благоговѣнія вношу въ эти записки отрадное воспоминаніе о проѣздѣ въ 1853 году чрезъ городъ Житоміръ въ Брестскій кадетскій корпусъ наслѣдника цесаревича, въ Бозѣ почившаго государя Александра II. Его сопровождали начальникъ штаба генералъ-адъютантъ Ростовцевъ и адъютантъ, впослѣдствіи министръ императорскаго двора, графъ Адлербергъ. Его высочество удостоилъ у меня обѣдать и оказалъ моему семейству неизгладимо благосклонное вниманіе. Я успѣлъ доложить наслѣднику цесаревичу объ искреннемъ и правдивомъ настроеніи мѣстнаго дворянства и народа. На границѣ Волыни онъ милостиво мнѣ выразилъ, что проѣздъ по губерніи миновалъ для него, какъ пріятный сонъ.

Въ томъ же 1853 году, когда постройки въ городѣ были въ самомъ разгарѣ, пріѣзжалъ въ Житоміръ для осмотра вновь устроеннаго шоссе отъ города Кіева до Новоградволынска главноуправлявшій путями сообщенія, генералъ-адъютантъ графъ Клейнмихель. По испытанному мною и прежде вниманію его ко мнѣ, графъ много помогъ успѣху въ постройкѣ житомірскаго собора, губернаторскаго дома и театра.

Съ началомъ Крымской кампаніи, во время слѣдованія подъ Севастополь чрезъ губернію гренадерскаго и 2-го пѣхотнаго корпусовъ, усиленная дѣятельность едва не стоила мнѣ жизни. Гренадерскій корпусъ шелъ на городъ Владиміръ-Волынскій, а 2-й пѣхотный на городъ Ковель. Въ обоихъ корпусахъ свирѣпствовали холера и тифъ; войска ежедневно оставляли въ означенныхъ городахъ до 20-ти человѣкъ. Подъ помѣщенія больныхъ были заняты многіе обывательскіе дома. По ночамъ я переѣзжалъ изъ одного города въ другой, на разстояніи семидесяти верстъ. Днемъ устроивалъ больныхъ, собравъ изъ уѣздовъ даже вольно-практикующихъ докторовъ.

Фельдмаршалъ князь Паскевичъ при проѣздѣ въ Луцкъ чрезъ городъ Ковель, гдѣ я встрѣтилъ его, осматривалъ помѣщенія больныхъ, остался доволенъ моими распоряженіями и сказалъ:

— Сдѣлано все, что можно.

Изъ Ковеля я сопровождалъ фельдмаршала до города Луцка, гдѣ онъ, осмотрѣвъ проходившія войска, возвратился въ Варшаву. Совершенно утомленный, я едва доѣхалъ до города Дубно. Здѣсь я нашелъ полный безпорядокъ въ больницѣ, наполненной нижними чинами. Докторъ еврей изъ боязни холеры не посѣщалъ больныхъ. Однако, я заставилъ его не только лѣчить, но и устраивать больныхъ вмѣстѣ съ прислугою. Эти хлопоты подѣйствовали на меня такъ сильно, что, добравшись до города Острога, я слегъ и, только благодаря заботливости вице-губернатора графа Келлера, кой-какъ доѣхалъ до Житоміра. Тифъ сломилъ меня и продержалъ двѣ недѣли въ постелѣ. Князь Васильчиковъ прислалъ главнаго доктора Цецурина, который призналъ мое положеніе самымъ труднымъ.

По случаю болѣзни моей прибыла изъ Висбадена старшая дочь моя Адель, гдѣ она лѣчилась съ женою моею и дочерью Лидіею. Неожиданное свиданіе съ нею оживило меня. Черезъ нѣсколько дней я такъ поправился, что просилъ Адель возвратиться къ матери и даже самъ проводилъ ее до первой станціи. Но Богу угодно было послать намъ неожиданное испытаніе. Дочь ѣхала къ умирающему отцу, а въ Висбаденѣ не нашла въ живыхъ сестру Лидію, скончавшуюся скоропостижно отъ разрыва сердца.

Князь Васильчиковъ прислалъ мнѣ лестное письмо, въ которомъ высказалъ, что постоянно слѣдилъ за ходомъ тяжкой моей болѣзни и съ удовольствіемъ увидѣлъ, что здоровье мое возстановляется. Князь просилъ поберечь себя.

Только въ концѣ іюля я вступилъ въ управленіе губерніею, а въ срединѣ сентября, совершенно неожиданно для меня, послѣдовалъ высочайшій приказъ о назначеніи меня губернаторомъ въ Москву. И тутъ незабвенный князь Васильчиковъ не оставилъ меня своимъ вниманіемъ. Онъ писалъ, что лишается во мнѣ дѣятельнаго сотрудника, что его сожалѣнія раздѣляетъ и вся Волынская губернія.

Окидывая взглядомъ службу свою на Волыни, продолжавшуюся три съ половиною года, я только успѣлъ сдѣлать слѣдующее: построить православный соборъ, два дома при немъ для причта, богадѣльню на 30 кроватей имени княгини Васильчиковой, губернаторскій домъ, каменный театръ, мостъ чрезъ рѣку Тетеревъ, передѣлать благородное собраніе, шоссировать главныя улицы, возвести на площади лавки съ съѣстными припасами.

Трудно было мнѣ разставаться съ Волынскою губернію, требовавшею отъ меня, по особому свойству населенія, географическому положенію и современнымъ тогда событіямъ, особой энергіи и усиленныхъ трудовъ. Я пережилъ въ ней не легкое время, когда сомнительное положеніе сопредѣльной Австріи вызвало наше правительство поставить край на военное положеніе. Хотя движеніе подольскихъ жителей чрезъ Волынь, возбужденное опасеніями вторженія австрійскихъ войскъ, могло бы вызвать въ ней волненія, но, благодаря Бога, Волынская губернія осталась повсемѣстно спокойною. Кромѣ того, при мнѣ были четыре рекрутскихъ набора, которые по изворотливости еврейскаго населенія доставили администраціи много затрудненій. Довольно сказать, что изъ указа, дозволявшаго представлять въ рекруты лицъ, не имѣвшихъ паспортовъ, евреи сдѣлали торговлю людьми. Наконецъ, по случаю открывшейся Севастопольской кампаніи и объявленія Волынской губерніи на военномъ положеніи, на меня возлагались порученія: въ январѣ 1856 года собрать къ 10-му марта и доставить въ Брестъ 15 тысячъ четвертей овса и 60 тысячъ пудовъ сѣна. Все это было закуплено ранѣе срока и съ сохраненіемъ интересовъ казны.

Житомірцы, почтивъ меня сердечными проводами, изъявили желаніе, чтобы имя мое навсегда осталось между ними. И вотъ образовалась въ Житомірѣ улица «Синельниковская», напоминающая живымъ людямъ о моихъ посильныхъ услугахъ на пользу и понынѣ дорогой для меня Волыни.

Н. П. Синельниковъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА Н. П. СИНЕЛЬНИКОВА [1].

IV.

Московскій военный генералъ-губернаторъ графъ А. А. Закревскій. — Поѣздка въ Петербургъ.—Представленіе государю императору Александру Николаевичу.—Разговоръ съ княземъ Алексѣемъ Ѳеодоровичемъ Орловымъ.—Натянутыя отношенія съ графомъ Закревскимъ.—Приготовленія къ коронаціи. — Возня съ продовольствіемъ прибывшихъ въ Москву войскъ. — Пріѣздъ государя. — Болѣзни въ войскахъ. — Странное поведеніе графа. — Обѣдъ въ манежѣ и въ Кремлевскомъ дворцѣ.—Министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Ланской.—Личныя непріятности. — Неожиданный переводъ губернаторомъ въ Воронежъ. — Дѣло по переправѣ чрезъ Оку подъ Серпуховымъ. — Воронежская губернія въ эпоху моего назначенія ея начальникомъ. — Мѣстныя дѣлишки. — Хлѣбная стачка торговцевъ. — Столкновенія съ дворянствомъ. — Губернскій предводитель князь Гагаринъ. — Его вмѣшательство въ мои распоряженія.—Жалобы на меня въ Петербургъ. — Постройка моста въ Воронежѣ. — Памятникъ Петру Великому. — Мои другіе труды на пользу города и губерніи. — Подготовительныя мѣры къ великому освобожденію крестьянъ. — Дѣйствія князя Гагарина по освободительной реформѣ. — Назначеніе генералъ-интендантомъ первой арміи. — Пріемъ государемъ императоромъ. — Его милости.

ТРУДНО ИЗБРАТЬ три губерніи, которыя бы въ такой степени были разнообразны по обстановкѣ и управленію, какъ губерніи: Владимірская, Волынская и Московская.

Московскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ графъ Закревскій, былъ человѣкъ суроваго вида. Высокій, сухой, съ гордо поднятой головою, онъ властно говорилъ и смотрѣлъ. При первомъ свиданіи онъ объявилъ мнѣ, что, будто бы, ходатайствовалъ о назначеніи меня въ Москву потому, что во Владимірской губерніи я оставилъ по себѣ память дѣятельнаго администратора. Послѣ объясненій о прошлой и предстоящей службѣ я былъ представленъ графинѣ

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIX, стр. 380.

въ ея комнатахъ. Отъ вліянія той жизни, которая тогда происходила въ генералъ-губернаторскомъ семействѣ, я старался гарантировать свою личную обстановку. Поэтому приглашенія на вечера по четвергамъ къ графинѣ, въ 11-ть часовъ, я счелъ нужнымъ отклонить. Я заявилъ, что, будучи преданъ служебному долгу, считаю обязанностью бывать на субботнихъ вечерахъ графа, какъ оффиціальныхъ. Что же касается относительно вечеровъ графини, то они для меня неудобны, какъ мѣшающіе моимъ должностнымъ занятіямъ. Эта ягода не нашего поля, выражалась обо мнѣ супруга графа Арсенія Андреевича.

Покойная жена моя оставалась за границею съ дочерью Аделью, гдѣ также была съ мужемъ другая дочь Ларисса. Сыновья—Анатоль былъ переведенъ въ московскій кадетскій корпусъ; Виктора прикомандировали къ гвардейской конной артиллеріи.

Вскорѣ я отправился въ Петербургъ. Его величество, между прочимъ, изволилъ благодарить меня за управленіе Волынскою губерніею и за устройство города Житоміра. Потомъ я представился князю А. Ѳ. Орлову, какъ предсѣдателю государственнаго совѣта. Онъ всегда оказывалъ мнѣ вниманіе и теперь объяснилъ, что государь во время пути изъ Крыма отзывался о моихъ дѣйствіяхъ, какъ губернатора, съ большою похвалою. Въ бытность въ Москвѣ, узнавъ, что графъ Закревскій хочетъ просить о смѣнѣ гражданскаго губернатора, императоръ совѣтовалъ ему представить меня, какъ могущаго принести пользу при предстоящей коронаціи; въ особенности потому, что предполагалось привести въ старую столицу гвардію.

Такъ объяснилась причина совершенно неожиданнаго моего перевода изъ Житоміра. Графъ Закревскій былъ поставленъ почти въ обязательное положеніе обо мнѣ ходатайствовать. Я лишался лестной для меня обстановки, которою пользовался при управленіи Волынскою губерніею, подъ начальствомъ генералъ-губернатора, благороднѣйшаго князя Васильчикова. Онъ словомъ и дѣломъ свято охранялъ девизъ покойнаго отца своего: «Жизнь царю, честь никому».

Московское дворянство почтило меня представленіемъ въ залѣ своего собранія. Купечество, замѣтивъ, что въ губернаторскомъ домѣ внутренняя обстановка пришла въ ветхость, просило дозволить обновить мое помѣщеніе къ предстоящей коронаціи. Съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ городская дума привела въ исполненіе свое желаніе.

Кромѣ управленія губерніею съ присутственными мѣстами, мнѣ подчинены были: больницы чернорабочихъ, учрежденныя въ разныхъ частяхъ города на 1.600 человѣкъ, дума съ городскимъ хозяйствомъ и особый комитетъ по санитарной части, обязанный принимать мѣры къ прекращенію сильно развитой тогда въ Москвѣ сифилитической болѣзни.

При обзорѣ мѣстныхъ учрежденій, я нашелъ ихъ въ надлежащемъ порядкѣ. Только въ городской думѣ мнѣ встрѣтились затрудненія въ правильности движенія суммъ. Больницы чернорабочихъ содержались весьма неудовлетворительно.

Чтобы отстранить отъ себя всякія нареканія, распускаемыя умышленно въ Москвѣ, я почти чуждался общества и выѣзжалъ только по службѣ и рѣдко къ частнымъ лицамъ и роднымъ. По субботамъ, впрочемъ, я присутствовалъ на вечерахъ у графа и иногда въ англійскомъ клубѣ, какъ почетный старшина. При всей осторожности моей, я, однако, подвергался намекамъ то въ сочувствіи славянофиламъ [1]), то въ невѣрномъ взглядѣ на дѣла уголовной палаты. Не буду занимать мѣста въ этихъ запискахъ подробнымъ объясненіемъ подобныхъ странностей, доказывавшихъ, что я былъ въ Бѣлокаменной, какъ говорится, не ко двору. Я переносилъ все терпѣливо изъ уваженія къ званію и преклоннымъ лѣтамъ графа. По совѣсти сказать, я любилъ его; онъ былъ добрый человѣкъ. Обстоятельства его жизни сложились такъ, что и человѣку съ болѣе практическимъ характеромъ и разумною силою воли трудно бы было отстранить себя отъ сплетенъ. Присущія старческимъ годамъ убѣжденія, что мы чѣмъ старѣе, тѣмъ совершеннѣе, имѣли и на него грустное вліяніе.

При ревизіи губерніи втеченіе зимы я не нашелъ въ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстахъ особо выдающихся безпорядковъ. Только въ одномъ изъ земскихъ судовъ я засталъ секретаря, составляющаго статистическія свѣдѣнія о настоящемъ урожаѣ по вѣдомостямъ прошлаго года.

— Развѣ вы не требуете этихъ свѣдѣній отъ становыхъ приставовъ? — спросилъ я.

— Требуемъ, ваше превосходительство, — отвѣчалъ чиновникъ, — но рѣдко получаемъ отвѣты. Да и кто же можетъ провѣрить цифры становыхъ? — прибавилъ онъ наивно.

Вотъ изъ какихъ данныхъ составлялись въ былое время свѣдѣнія объ урожаяхъ и пр.

Народъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существовали фабрики, казался болѣе развитымъ, но и болѣе придерживающимся разгуловъ, губящихъ результаты его трудовъ.

Между тѣмъ, прошли шумные праздники, мясоѣдъ и бурная московская масляница со встрѣчами и проводами севастопольскихъ героевъ, при выдающемся участіи почетнаго гражданина Кокорева. Для меня открылось обширное поле административной дѣятельности.

[1]) Увидавъ въ домѣ моемъ прислугу въ русскихъ костюмахъ, переходящую ко мнѣ еще въ гор. Владимірѣ отъ графа П. И. Апраксина, графъ Закревскій серьезно замѣтилъ: «Москва—не Житомиръ!».

По случаю предстоявшей коронаціи высочайше повелѣно было войска гвардіи изъ сѣверо-западнаго края направить въ Москву и расположить пѣхоту лагеремъ на Ходынскомъ полѣ, а кавалерію, большею частью, въ городѣ. Получивъ приглашеніе провіантскаго департамента открыть цѣны на перевозку провіанта и овса съ вокзала желѣзной дороги въ остоженскій провіантскій магазинъ, я вызвалъ подрядчиковъ по перевозкѣ тяжестей. Послѣдніе заявили, что хотя современныя цѣны они объявить могутъ, но когда начнется съѣздъ на коронацію, и увеличится потребность въ лошадяхъ, тогда и цѣны возвысятся. Сообщивъ объ этомъ департаменту, я присовокупилъ, что, по моему мнѣнію, въ перевозкѣ, которая введетъ казну въ значительныя издержки, не предстоитъ никакой надобности. Пѣхота и кавалерія могутъ принимать провіантъ непосредственно изъ-подъ навѣсовъ желѣзной дороги и перевозить его въ лагерь и магазинъ на собственныхъ подъемныхъ лошадяхъ.

Позже былъ командированъ департаментомъ чиновникъ для открытія цѣнъ на сѣно и солому. Онъ представилъ на мое утвержденіе цѣны на сѣно по 65 коп., а на солому около 25 коп. за пудъ. Я объявилъ, что такихъ цѣнъ утвердить не могу, и пригласилъ гг. предводителей и исправниковъ Бронницкаго и Подольскаго уѣздовъ, какъ изобилующихъ сѣномъ и ближайшихъ къ Москвѣ.

Предводитель Бронницкаго уѣзда, г. Максимовъ, заявилъ, что онъ берется заготовить съ доставкою и сплавомъ въ Москву сѣно не свыше 28 коп. и солому по 10 или 12 коп. за пудъ. Справедливость заявленія Максимова подтвердили подольскій предводитель и мѣстные исправники. Такъ какъ при пріемѣ сѣна натурою могли встрѣтиться затрудненія со стороны войскъ, то я предположилъ при сдачѣ сѣна считать полтора пуда за пудъ и солому около 15 коп. Если же войска будутъ принимать сѣно натурою пудъ за пудъ, то остальныя 14 коп. съ пуда будутъ имъ отпускаться въ добавокъ; затѣмъ, если они возьмутъ продовольствіе на свое попеченіе, то имъ отпустится полностью по 42 коп. за пудъ. Такимъ образомъ, въ пользу казны осталось отъ цѣнъ, объявленныхъ провіантскимъ чиновникомъ на сѣно и солому, и отъ отмѣны перевозки на хлѣбъ болѣе ста тысячъ рублей.

Не менѣе подрядчиковъ хотѣлъ поживиться на поднятіи цѣнъ на фуражъ бывшій тогда оберъ-полицеймейстеромъ въ Москвѣ генералъ Тимашевъ-Берингъ, находившійся подъ особымъ покровительствомъ графа Закревскаго. Онъ попросту просилъ меня увеличить цѣны на продовольствіе пожарныхъ лошадей. Я отвѣчалъ ему, что фуражныя пожарныя деньги ассигнуются городскою думою заблаговременно, и что фуражъ у полиціи долженъ быть уже давно заготовленъ. Военный генералъ-губернаторъ остался очень недоволенъ моими дѣйствіями.

Позже на меня пала обязанность устройства гвардейскаго ла-

геря. Къ графу Закревскому пріѣхалъ представиться передъ отъѣздомъ въ Петербургъ начальникъ штаба гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ, генералъ-адъютантъ графъ Барановъ, и, между прочимъ, объявилъ, что устройство лагерныхъ строеній отдано купцу Тарасову за 250 тысячъ рублей. Присутствуя при разговорѣ графа съ генералъ-губернаторомъ въ его кабинетѣ, я невольно выразилъ, что лагерныя зданія, какъ мнѣ кажется, по опыту Красносельскаго лагеря, могутъ быть устроены гораздо дешевле. Дня чрезъ три послѣ упомянутаго событія мнѣ было доставлено письмо графа Баранова съ капитаномъ гвардейскаго генеральнаго штаба Шидловскимъ, бывшимъ потомъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ. Въ письмѣ говорилось о томъ, что память о моей полезной дѣятельности хранится въ гвардейскихъ войскахъ, и что я имъ окажу новую крупную услугу, если приму на себя заботы къ удешевленію стоимости постройки Ходынскаго лагеря.

Я пригласилъ городскаго голову съ купечествомъ, занимающимся подрядами по разнымъ сооруженіямъ. Разсмотрѣвъ планы строеній, привезенные капитаномъ Шидловскимъ, подрядчики просили дать имъ нѣсколько часовъ на составленіе примѣрныхъ смѣтъ. Прибывъ ко мнѣ на другой день рано утромъ, они объявили, что, по ихъ соображенію, постройка лагеря будетъ стоить около 200 тысячъ рублей. Объ этомъ я немедленно извѣстилъ графа Баранова и получилъ отъ него отвѣтъ, что главнокомандующій изъявляетъ мнѣ искреннюю благодарность за содѣйствіе, и предоставляетъ устроить, по моимъ условіямъ, лагерь 1-й и 2-й гвардейскихъ дивизій; устройство лагеря для другихъ частей войскъ и госпитальныхъ бараковъ оставлено за Тарасовымъ, заготовившимъ уже матеріалы и сдѣлавшимъ уступки съ первоначально назначенныхъ цѣнъ.

Въ Бозѣ почившая императрица Марія Александровна во время коронаціи избрала себѣ мѣсто для пребыванія въ селѣ Останкинѣ. Для удобнаго проѣзда ея изъ этого села въ Москву пришлось шоссировать дорогу отъ Шереметьевскаго имѣнія вплоть до Петровскаго парка.

Въ Москвѣ государь въ присутствіи графа Закревскаго изволилъ спросить меня:

— Устроишь ли ты какое либо развлеченіе для гг. офицеровъ въ лагерѣ, по примѣру Краснаго Села?

Я доложилъ:

— При всей своей готовности исполнить желаніе вашего величества, я не могу изыскать средства, по недавнему сюда прибытію.

Графъ Закревскій объяснилъ, что средства будутъ. На меня легла обязанность создать въ лагерѣ павильонъ для танцовальныхъ вечеровъ. Онъ состоялъ изъ залы, по образцу московскаго собранія,

съ гостинными и уборными комнатами, столовою и проч. Чтобы опредѣлить размѣръ помѣщеній, довольно сказать, что, по свѣдѣніямъ полиціи, на съѣздахъ, во время присутствія въ Москвѣ высочайшей фамиліи, бывало до пяти сотъ экипажей, и тѣсноты не было. Павильонъ обошелся около 30 тысячъ рублей. Въ немъ назначались собранія по два раза въ недѣлю; до наступленія коронаціи онъ былъ единственнымъ мѣстомъ сборища для московской, петербургской и съѣхавшейся со всей Россіи почетной публики. Въ заключеніе замѣчу, что государь прослѣдовалъ отъ станціи Химки въ Петровскій дворецъ вечеромъ и въ экипажахъ. На протяженіи четырнадцати верстъ была устроена изящная иллюминація.

Громадный, дружный наплывъ войскъ въ древней столицѣ не могъ не отозваться на здоровьи солдатъ и городскихъ жителей. Появились заразныя болѣзни, требовавшія отъ администраціи принятія энергическихъ мѣръ. Я составилъ объ этомъ докладъ графу Закревскому, но онъ на немъ сдѣлалъ знаменательную надпись: «не нужно». Слухи о болѣзни въ войскахъ чрезъ лейбъ-медика Енохина достигли до императора. Государь, въ присутствіи моемъ и военнаго генералъ-губернатора, замѣтилъ о печальномъ явленіи оберъ-полицеймейстеру. Но и послѣ такого факта графъ Закревскій оставался равнодушнымъ къ гигіеническимъ условіямъ Москвы. Когда же я настоятельно заговорилъ ему объ исполненіи высочайшей воли, онъ махнулъ рукою и произнесъ съ неудовольствіемъ:

— Дѣлайте, что хотите.

Своими дѣйствіями, какъ представитель высшей власти, графъ способствовалъ упадку своего авторитета среди московскаго общества. Послѣ коронаціи столичное купечество рѣшило дать обѣдъ монарху и ассигновало на это сто тысячъ рублей. Обѣдъ долженъ былъ происходить въ манежѣ, у Александровскаго сада. Наканунѣ торжественнаго дня, графъ Закревскій пожелалъ осмотрѣть сдѣланныя приготовленія къ обѣду. Я сопровождалъ генералъ-губернатора. При входѣ въ манежъ графъ былъ встрѣченъ городскимъ головою Колесовымъ и именитымъ купечествомъ. Едва отвѣтивъ на ихъ поклонъ, генералъ, указывая на купечество, сказалъ

— Это что?

Голова доложилъ:

— Распорядители обѣда, ваше сіятельство.

Генералъ-губернаторъ сурово замѣтилъ:

— Мѣсто распорядителей на кухнѣ!

Какъ ни странно, но графъ не хотѣлъ, чтобы кто нибудь изъ мѣстнаго купечества присутствовалъ на обѣдѣ, даваемомъ мѣстнымъ же купечествомъ своему государю. Едва мнѣ удалось испросить дозволеніе допустить къ обѣду двадцать лицъ, избранныхъ отъ торговаго люда.

Я не буду говорить о томъ неблагопріятномъ впечатлѣніи, которое вынесъ нашъ благодушный императоръ отъ отсутствія на купеческомъ обѣдѣ самихъ хозяевъ. Отдавая имъ обѣдъ въ большомъ Кремлевскомъ дворцѣ, онъ не соизволилъ на него пригласить надменнаго графа. Изъ сказаннаго понятно, какъ я при каждомъ удобномъ случаѣ старался вырваться изъ Москвы на провинціальный просторъ. Случай мнѣ представился. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Сергѣй Степановичъ Ланской, во время коронаціи квартировалъ въ моемъ губернаторскомъ домѣ. Моя семья помѣщалась во флигелѣ. Часто бывая у министра, я имѣлъ возможность узнать близко этого замѣчательнаго человѣка. Много въ моей жизни я видѣлъ людей высокопоставленныхъ, имѣлъ съ ними частныя и служебныя отношенія, но ни въ комъ не видалъ такой теплоты души и вниманія къ нуждамъ каждаго, какъ въ графѣ Ланскомъ. Не мнѣ судить о немъ, какъ о дѣятелѣ государственномъ, но кто изъ людей образованныхъ не знаетъ изъ историческихъ данныхъ, какое широкое и свѣтлое участіе принималъ Сергѣй Степановичъ въ великой реформѣ освобожденія крестьянъ?

Узнавъ отъ министра, что въ Нижнемъ Новгородѣ освободилось губернаторское мѣсто, я просилъ о назначеніи меня туда губернаторомъ. Однако, по докладѣ графа о томъ, что я могу быть полезенъ Нижнему Новгороду по устройству ярмарки, государь отозвался, что я и въ Москвѣ приношу пользу, что графъ Закревскій мною очень доволенъ. Мнѣ оставалось до времени терпѣть и ожидать новой губернаторской вакансіи. О ней я узналъ совершенно случайно. Дѣло было такъ. Въ одну изъ субботъ я, по обыкновенію, явился на вечеръ къ графу Закревскому. Поздоровавшись со мною, графъ сказалъ, что съ нами будетъ играть новый партнеръ—сенаторъ, князь Долгорукій, только что пріѣхавшій изъ Воронежа, гдѣ онъ былъ губернаторомъ. Не подавая виду, что эта новость произвела на меня сильное впечатлѣніе, я воспользовался первымъ случаемъ, чтобы потихоньку съѣздить домой для отправки телеграммы министру Ланскому. Я просилъ въ ней о переводѣ меня губернаторомъ въ Воронежъ. Сановный хозяинъ замѣтилъ мое внезапное исчезновеніе и не воздержался, чтобы не спросить: гдѣ я былъ? Я не скрылъ ничего. Графъ вспыльчиво воскликнулъ:

— Этому не бывать! Я пошлю чиновника съ письмомъ къ министру.

Вопреки желанію московскаго военнаго генералъ-губернатора, я вскорѣ былъ высочайше утвержденъ начальникомъ Воронежской губерніи. Графъ Закревскій себя выдержалъ и устроилъ мнѣ оффиціальный обѣдъ. Отъ остальной обстановки проводовъ я укрылся и неожиданно выѣхалъ изъ Москвы къ новому своему назначенію Благодаря своей подневольной зависимости, я ничего не могъ сдѣлать для Московской губерніи хорошаго и полезнаго. Въ одномъ

случаѣ мнѣ представилась возможность подавить злоупотребленіе, сдѣланное въ городѣ Серпуховѣ, но и тутъ надо мною самимъ хотѣли произвести дознаніе. Осенью, въ 1856 году, рѣка подъ Серпуховымъ вслѣдствіе непостоянной погоды останавливалась и расходилась нѣсколько разъ. Въ это время тронулись уже обозы на харьковскую ярмарку. Въ Москвѣ разнесся слухъ, что въ городѣ Серпуховѣ за переправу обозовъ чрезъ рѣку берутъ большую плату. Командированный мною чиновникъ донесъ, что онъ засталъ въ харчевнѣ, у самой переправы, сидѣвшихъ за чайнымъ столомъ, двухъ солдатъ путей сообщенія изъ евреевъ. Они, по показанію извозчиковъ, не устраивая казеннаго спуска, выдавали за деньги билеты на пропускъ подводъ по частному спуску. Командированный чиновникъ объяснилъ, что переправа имъ возстановлена.

Вскорѣ за этимъ настала оттепель, за нею морозы, и опять возникли слухи въ народѣ о поборахъ на Окѣ въ Серпуховѣ. Тогда я отправился лично на переправу. На берегу рѣки стояло множество подводъ; цѣны на фуражъ въ городѣ возвысились. Казенный спускъ былъ снятъ; передъ нимъ была довольно большая прорубь, а въ сторонѣ находился частный спускъ, отъ котораго и чернѣлся слѣдъ по льду. Офицеръ путей сообщенія объяснилъ, что казенный спускъ снятъ потому, что переправлявшійся вчера возъ провалился и съ трудомъ спасенъ; отъ этого и образовалась прорубь. Кѣмъ устроенъ частный спускъ, онъ не знаетъ. Въ окружавшей толпѣ возчиковъ слышанъ былъ ропотъ на то, что частный спускъ сооруженъ солдатами, и что по нему пропускаютъ только за плату что прорубь предъ казеннымъ спускомъ устроили также солдаты а самый ледъ совсѣмъ надеженъ.

Я приказалъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ по слѣду прорубить ледъ. Удостовѣрившись въ его крѣпости, я пустилъ на рѣку прежде порожнія повозки, затѣмъ возы одиночные, потомъ троичные и оставался на Окѣ, пока не переправились всѣ обозы на другую сторону. По возвращеніи въ Москву, мною представлена были секретная записка въ собственныя руки графу. Въ ней объяснивъ подробно обстоятельства дѣла, я просилъ о перемѣнѣ офицера, завѣдывающаго переправою. Генералъ-губернаторъ по этой негласной запискѣ предписалъ произвести гласное слѣдствіе, а виновнаго офицера оставилъ при исполненіи своихъ обязанностей.

Находя, что такое распоряженіе явилось какъ бы недовѣріемъ высшей власти къ моимъ дѣйствіямъ и служило подрывомъ моей собственной власти, я испросилъ себѣ отпускъ и отправился въ Петербургъ для личнаго доклада Серпуховскаго дѣла министру внутреннихъ дѣлъ. Оно имъ рѣшено во имя справедливости и было моимъ послѣднимъ столкновеніемъ съ графомъ Закревскимъ, какъ администраторомъ. Послѣ моего отъѣзда изъ Москвы онъ недолго въ ней и самъ остался. Слабый въ сьоей семьѣ, онъ не устоялъ на

высотѣ долга, когда его дочь, графиня Нессельроде, захотѣла выйти замужъ отъ живаго мужа за князя Друцкого-Соколинскаго. Графъ былъ уволенъ и проживалъ послѣдніе годы жизни въ своемъ подмосковномъ имѣніи.

Управленіе тремя губерніями съ полнымъ желаніемъ принести посильную пользу хотя и давало мнѣ надежду на успѣшное веденіе дѣлъ и въ четвертой, такъ сказать, родственной мнѣ [1]) Воронежской губерніи, но, къ сожалѣнію, я былъ оффиціально предупрежденъ объ ея нѣкоторыхъ особенностяхъ, требовавшихъ отъ меня большой осторожности въ дѣйствіяхъ.

Въ мѣстномъ интеллигентномъ обществѣ оказалось нѣсколько личностей, имѣвшихъ сношенія съ нашими заграничными эмигрантами и возмущавшихъ жителей противъ правительственныхъ распоряженій. Въ виду наступавшей великой освободительной эпохи я понималъ, что власть слѣдовало держать крѣпко въ рукахъ, и потому вынуждаемъ былъ по временамъ прибѣгать къ суровымъ мѣрамъ. Такъ, одного злостнаго писателя мнѣ пришлось совсѣмъ удалить изъ губерніи.

Пріѣхавъ въ Воронежъ по утру, въ воскресенье, когда меня не ждали, я отправился въ соборъ и послѣ обѣдни посѣтилъ архіерея. Пожарная команда была найдена мною въ исправности, а осмотрѣнный торговый базаръ, съ мясными рядами, въ полномъ безпорядкѣ. Я приказалъ наклеить на видныхъ мѣстахъ статьи закона о съѣстной торговлѣ и о взысканіяхъ за его неисполненіе.

При представленіи дворянства, служащихъ и купечества, я объявилъ полную надежду, что всѣ классы общества будутъ содѣйствовать мнѣ въ поддержаніи благоустройства губерніи. Назначивъ пріемъ по экстреннымъ дѣламъ службы, а также и просителей, во всякое время, я въ управленіи подчиненными мнѣ частями слѣдовалъ тому порядку, который былъ заведенъ мною въ другихъ мѣстностяхъ.

Замѣчательно, что въ Воронежѣ частыя жалобы изъ средняго сословія доказали нравственный упадокъ семейной жизни, изъ которой исходитъ наше общественное благополучіе.

Приведу примѣры жалобъ, бывшихъ въ началѣ моего управленія.

Среди дня явилась ко мнѣ сильно встревоженная молодая женщина, объявивъ, что въ отсутствіе мужа ея, чиновника, ворвались къ ней въ квартиру чиновникъ съ купцомъ и безъ всякаго повода съ ея стороны начали безобразничать. Полицеймейстеръ тотчасъ же изслѣдовалъ это происшествіе и привелъ ко мнѣ виновныхъ. Оказалось, что купецъ съ чиновникомъ, покончивъ выгодную для нихъ сдѣлку на поставку дровъ въ казну, выпили лишнее и,

---

[1]) Родъ Сипельниковыхъ происходитъ отъ дѣтей боярскихъ Воронежской губерніи.

проходя по улицѣ, вломились въ первый попавшійся домъ къ женщинѣ безукоризненнаго поведенія. Чиновникъ сознался въ своей винѣ и былъ отправленъ на гауптвахту, но купецъ понесъ такой вздоръ, который привелъ меня къ заключенію, что онъ помѣшался. Онъ былъ отправленъ на испытаніе въ больницу. Старшій докторъ объяснилъ мнѣ, что купецъ отъ невоздержной жизни былъ близокъ къ воспаленію мозга. Его начали лѣчить. По исцѣленіи купецъ явился ко мнѣ послѣ обѣдни съ семействомъ и благодарностью. Сдѣлавъ приличное внушеніе, я приказалъ ему, вмѣстѣ съ освобожденнымъ отъ ареста чиновникомъ, извиниться передъ обиженною ими женщиною.

Пріѣхала ко мнѣ какъ-то вдова старушка изъ богатой купеческой семьи съ жалобою на сына. Послѣдній, будучи женатъ на умной и скромной дѣвушкѣ, связался съ солдаткою изъ Тамбова. На убѣжденія мои, что это дѣло не мое, а духовнаго начальства, старушка со слезами увѣряла, что только я и могу спасти ея семейство отъ сраму. Нечего было дѣлать. Я поручилъ полицеймейстеру секретное дознаніе, чрезъ которое объяснилось, что связь дѣйствительно существуетъ, но что солдатка проживаетъ безъ паспорта. Она была отправлена по этапу на родину, а блудному сыну былъ воспрещенъ выѣздъ изъ города безъ моего дозволенія.

Чтобы записки мои о тогдашней нашей губернской жизни не приняли вида сборника сплетенъ, я замѣчу, что, когда еще не было суда скораго и гласнаго, личный разборъ жалобъ, хотя и отнималъ у меня много дѣловыхъ часовъ, но приносилъ и не малую пользу мѣстному обществу.

Вскорѣ послѣ разсказанныхъ происшествій воронежскіе торговцы сдѣлали стачку и произвольно увеличили цѣны на хлѣбъ. Узнавъ объ этомъ, я пригласилъ городскаго голову и торговыхъ депутатовъ и вмѣстѣ съ полиціей поручилъ имъ привести въ извѣстность: сколько свезено хлѣба собственно для продажи въ городѣ и почемъ онъ обошелся въ покупкѣ? Затѣмъ, я вызвалъ ближайшихъ къ городу помѣщиковъ, въ томъ числѣ отставного генерала С., имѣвшаго большіе запасы хлѣба. Они назначили очень умѣренныя цѣны на свой хлѣбъ и заявили желаніе вывезти его въ городскіе лабазы. На другой день явились ко мнѣ съ потребованными свѣдѣніями и почтенные торговцы. Чувствуя, что имъ не придется меня обмануть, они высказали готовность отпускать хлѣбъ по существовавшимъ прежде цѣнамъ. Напомнивъ имъ законъ о стачкахъ, я отпустилъ ихъ съ миромъ и предупрежденіемъ не пускаться впредь на подобныя пробы.

Нерѣдко являлись ко мнѣ крестьяне съ жалобами на помѣщиковъ, заставляющихъ ихъ работать на барщинѣ болѣе опредѣленныхъ закономъ дней въ недѣлю, не исключая воскресеній и праздниковъ. Особенно были вопіющія жалобы на одного изъ уѣзд-

ныхъ предводителей П., который въ виду слуховъ о готовящейся реформѣ отбиралъ себѣ разработанную крестьянами землю и переселялъ ихъ на голый песокъ. Я отсылалъ просьбы крестьянъ и ихъ самихъ къ губернскому предводителю, а г. П. пригласилъ къ себѣ для объясненій. Вмѣсто сознанія въ неправотѣ своихъ дѣйствій, онъ протестовалъ противъ моихъ замѣчаній и заявилъ, что если дать крестьянамъ поводъ къ жалобамъ, то помѣщики не въ состояніи будутъ управлять имѣніями. Я замѣтилъ собесѣднику, что на первый случай отправилъ жаловавшихся крестьянъ къ губернскому предводителю, но, если жалобы повторятся, то предпишу произвести законное слѣдствіе. Затѣмъ, я составилъ секретный циркуляръ гг. предводителямъ 26 іюля 1857 г. и обратилъ ихъ вниманіе на строгое соблюденіе помѣщиками закономъ обозначенныхъ обязанностей къ крестьянамъ. Я намекнулъ въ циркулярѣ, что дворяне должны разумно приготовляться къ созидаемому правительствомъ освободительному акту. Копія съ циркуляра была мною представлена министру внутреннихъ дѣлъ.

Статсъ-секретарь Ланской отвѣчалъ, что онъ читалъ съ удовольствіемъ копію съ моего циркуляра, и что убѣжденія мои онъ вполнѣ раздѣляетъ и надѣется, что при такомъ взглядѣ моемъ на крѣпостное право всѣ возникающія между владѣльцами и крестьянами недоразумѣнія будутъ въ самомъ началѣ прекращаться.

Однако, не такъ глядѣлъ на права помѣщиковъ воронежскій губернскій предводитель князь Гагаринъ. Онъ прислалъ мнѣ длинное посланіе и въ немъ наставлялъ, какъ слѣдуетъ управлять губерніею. Я отвѣчалъ князю краткимъ письмомъ, что былъ бы чрезвычайно ему благодаренъ за совѣты, если бы не получилъ предварительно письма министра, одобряющаго мои распоряженія. При этомъ я приложилъ копію съ письма министра и выразилъ увѣренность, что князь будетъ способствовать мнѣ къ водворенію въ губерніи того порядка, на которомъ зиждется общее благоденствіе.

Въ то же время я частно былъ извѣщенъ, что предводитель П., отправившійся съ моего дозволенія въ Петербургъ, обратился съ жалобами на мои притязательныя, по его мнѣнію, дѣйствія, къ одному воронежскому помѣщику, князю А. С. Меншикову, высоко стоявшему въ государственной іерархіи. Когда послѣдній посѣтилъ министра, то статсъ-секретарь Ланской, предупрежденный моимъ письмомъ, просто и ясно объяснилъ князю о продѣлкахъ П. Сей господинъ возвратился въ губернію весьма недовольнымъ своею поѣздкою и на послѣдовавшихъ вскорѣ дворянскихъ выборахъ въ предводители не попалъ.

Присущія почти повсемѣстно затрудненія и злоупотребленія на дорогахъ при переправахъ чрезъ рѣки, гдѣ нѣтъ постоянныхъ мостовъ, особенно тяготили гор. Воронежъ, отдѣленный рѣкою почти

отъ десяти уѣздовъ своей губерніи. Я предложилъ еще въ началѣ моего управленія городской думѣ составить проектъ на устройство постояннаго моста, обѣщая ей дѣятельную помощь къ удешевленію его постройки.

Городская дума съ полнымъ сочувствіемъ отнеслась къ этому предположенію, но по неимѣнію средствъ предполагала обратиться за пожертвованіями къ жителямъ губерніи. Къ счастью, дѣло обошлось безъ этой общественной помощи. По представленію моему деньги были отпущены министерствомъ заимообразно, а 19 марта слѣдующаго года ожидаемый съ нетерпѣніемъ воронежцами мостъ Шпренгелевой системы, болѣе 100 саж. длины, съ часовнею на срединѣ во имя святителя Митрофанія, былъ освященъ и открытъ для зарѣчныхъ сообщеній.

Разскажу здѣсь, кстати, какимъ образомъ я напалъ на мысль о немедленномъ сооруженіи въ Воронежѣ памятника Петру Великому. Какъ извѣстно изъ историческихъ данныхъ, этотъ необыкновенный труженикъ созидалъ здѣсь флотъ для покоренія Азова. Преданія о немъ и до сихъ поръ еще живы среди жителей Воронежской губерніи. При освидѣтельствованіи суммъ приказа общественнаго призрѣнія я нашелъ до 1.500 рублей денегъ, оставшихся отъ пожертвованій на устройство въ городѣ Воронежѣ памятника императору Петру I. Разсмотрѣнная переписка привела меня къ убѣжденію, что неисполнившееся намѣреніе о постановкѣ памятника преобразователю Россіи, обѣщавшее въ началѣ полный успѣхъ, лежитъ укоромъ на мѣстныхъ обитателяхъ.

Не теряя времени, я избралъ для памятника мѣсто на городской площади, названной Петровскою, и составилъ рисунокъ памятника. Онъ былъ представленъ мною чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ на высочайшее благоусмотрѣніе. Между тѣмъ, арестантская рота, подъ моимъ руководствомъ, распланировала площадь, развела на ней садъ и сложила для памятника прочный бутъ. Я командировалъ въ Павловскій уѣздъ особаго спеціалиста для изслѣдованія годности мѣстнаго гранита для пьедестала подъ мощную фигуру безсмертнаго императора. Государь Александръ Николаевичъ не только соизволилъ утвердить мой рисунокъ памятника, но и пожаловалъ на него изъ собственныхъ суммъ 2.500 рублей. Заказанная бронзовая фигура изобразила великаго монарха въ формѣ его времени, стоящаго на пьедесталѣ и держащаго одною рукою якорь, а другою указывающаго на Азовъ. Выписанные мастера обтесали для пьедестала привезенный камень, вѣсящій до 5 тысячъ пудовъ. Камень былъ доставленъ въ городъ на устроенномъ суднѣ по р. Дону до устья р. Воронежа, а 14 верстъ везенъ на каткахъ народомъ, отказавшимся отъ платы за свои труды изъ благоговѣйной памяти къ мощному преобразователю Россіи.

Посвящая все свое время на благо губерніи, я, по принятому

порядку, часто выѣзжалъ на ревизіи уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ безъ предупрежденій, особенно въ началѣ моего управленія. Нерѣдко мнѣ приходилось накрывать продѣлки чиновничества и ухищренія торговцевъ.

При объѣздахъ обратили мое вниманіе значительныя порубки казенныхъ лѣсовъ; были участки, въ которыхъ опушки оставались цѣлы, а средины вырублены. Изъ дѣлъ палаты государственныхъ имуществъ я видѣлъ, что испрашивалось разрѣшеніе провести чрезъ лѣсъ дорогу, а вырубалось для этого цѣлое поле. Замѣтилъ я, что и въ день св. Троицы истреблялись молодыя деревья въ страшномъ количествѣ. Подтвердивъ объ охраненіи лѣсовъ подлежащему начальству, я требовалъ, чтобы и въ день св. Троицы были употребляемы народомъ лишь вѣтки съ деревьевъ.

Часть Воронежа, расположенная на гребнѣ и скатѣ горы къ рѣкѣ, послѣ дождей скоро осушалась; но другая часть, не имѣя стока, мѣстами была почти непроходима. По совѣщаніи съ техниками, я предположилъ прорыть каналъ вокругъ затопленной мѣстности, а воду спустить въ рѣку ниже города. Лишь только началась эта работа, какъ явились жертвователи: на улучшеніе пищи трудящимся арестантамъ и на устройство мостовъ чрезъ роющійся каналъ. Чтобы вызвать болѣе пожертвованій и польстить людскому самолюбію, я назвалъ одинъ мостъ именемъ жертвователя и этимъ вызвалъ новые значительные вклады на общественную пользу.

Не останавливаясь ни предъ какими затрудненіями, я, съ разрѣшенія министра Ланскаго, соединилъ два корпуса губернскихъ присутственныхъ мѣстъ въ одно зданіе и тѣмъ сократилъ расходы казны на наемъ помѣщеній въ частныхъ домахъ.

Полицейскія части были распространены, и устроены при нихъ для пожарныхъ инструментовъ теплые сараи по образцу столичныхъ.

Губернаторскій домъ, со всѣми пристройками и садомъ, былъ приведенъ, безъ всякихъ лишнихъ украшеній, въ тотъ порядокъ, который доступенъ каждому хозяину.

Къ дому дворянскаго собранія прибавлено помѣщеніе для дворянскаго клуба, прежде имѣвшаго пріютъ въ частномъ домѣ. Въ залѣ дворянства пристроены просторные хоры.

Для помѣщенія пріюта куплены и соединены между собою два частныхъ дома.

На торговой площади воздвигнуты торговыя палатки для продажи печенаго хлѣба и названы Михайловскими, по имени жертвователя.

Устроены купальни на рѣкѣ, бульвары на главныхъ улицахъ города, съ посадкою деревьевъ; нѣсколько улицъ перемощены и раздѣланы со сносомъ домовъ.

Эти улучшенія и новизны были совершены съ помощію аре-

стантской роты, пожертвованій частныхъ лицъ и виннаго откупщика.

Я былъ всегда того убѣжденія, что театръ не только доставляетъ удовольствіе обществу, но и служитъ его высокимъ нравственнымъ потребностямъ. Поэтому я реставрировалъ въ Воронежѣ какъ зимній, такъ и лѣтній театры, пріискивалъ даровитыхъ артистовъ, учредилъ директорство изъ трехъ лицъ. Въ представленіяхъ участвовали и пріѣзжавшіе артисты императорскихъ театровъ.

Эпоха, въ которой мнѣ выпало на долю столько потрудиться въ Воронежской губерніи, совпадала съ осторожными приготовительными работами къ великому акту освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ. Послѣдніе, составляя главный контингентъ сельскаго населенія губерніи и въ множествѣ принадлежа богатѣйшимъ и вліятельнымъ въ государствѣ лицамъ, уже начинали кой-гдѣ волноваться. Для подавленія въ деревняхъ проявлявшихся бурныхъ наклонностей, могущихъ повлечь открытые бунты, приходилось принимать въ самомъ началѣ безпорядковъ экстренныя и суровыя мѣры. Такъ, въ городѣ Острогожскѣ крестьяне и мѣщане, подъ видомъ недовольства откупомъ, разбили два питейныхъ дома и храбро противодѣйствовали высланному противъ нихъ конвою. Я лично подавилъ мятежъ на мѣстѣ и немедленно произвелъ слѣдствіе, судъ и наказаніе виновнымъ. Слухъ объ этомъ фактѣ быстро разошелся по уѣздамъ и послужилъ уздою въ будущемъ для народныхъ страстей. Съ дворянствомъ, не сочувствовавшимъ грядущей эмансипаціи, я принялъ систему бороться посредствомъ воздѣйствія на его нравственную сторону, затрогивая его благороднѣйшія мысли и чувства. Къ счастію, время великой реформы совпало съ мѣстными дворянскими выборами. При представленіи мнѣ дворянства, я высказалъ всю важность предстоящихъ выборовъ по случаю ожидаемаго преобразованія. Я присовокупилъ, «что то довѣріе, съ которымъ всемилостивѣйшій государь обращается къ дворянству, какъ къ просвѣщенному и передовому сословію, налагаетъ на него священную обязанность содѣйствовать дѣлу историческаго значенія. Съ Божіей помощью, говорилъ я, мы переживаемъ эпоху, которую будутъ благословлять послѣдующія поколѣнія Россіи». Рѣчь архіерея въ соборѣ, въ свою очередь, такъ сильно повліяла на дворянство, что большинство слушали ее со слезами на глазахъ. За то упрямые и сильные крѣпостники подняли іезуитскую и томительную борьбу противъ административныхъ мѣропріятій.

По составленіи губернскаго комитета, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя князя Гагарина, эта борьба высказалась въ рельефныхъ формахъ. Въ первомъ журналѣ была сдѣлана оцѣнка усадебной земли, кажется, по 500 рублей за десятину. Получивъ этотъ журналъ, я просилъ князя пригласить ко мнѣ, по его

усмотрѣнію, нѣкоторыхъ членовъ комитета, чтобы обсудить неоффиціально тѣ пункты журнала, которые могутъ навлечь нареканіе на постановленіе комитета. Послѣ объясненій, данныхъ въ собраніи членами, предводитель взялъ журналъ какъ бы для исправленія. Черезъ день онъ привезъ журналъ ко мнѣ, перемѣнивъ только его редакцію. Тогда объяснивъ комитету всю неправильность его выводовъ, я представилъ журналъ и копію съ моего предложенія министру внутреннихъ дѣлъ.

Князь Гагаринъ, конечно, сознавалъ, что въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ освобожденіе крестьянъ, назадъ идти было невозможно, и видѣлъ, что благоразумные дворяне готовы были слѣдовать не за нимъ, а по указанію правительства. Но онъ и его партія, къ сожалѣнію, оставались при своихъ убѣжденіяхъ. При такихъ обстоятельствахъ открылись упомянутые выше выборы. Не легкая участь пала на меня, чтобы уладить ихъ ко благу губерніи и великаго дѣла. Я рѣшился обратиться съ просьбою къ предводителю воронежскаго уѣзда, совѣстному судьѣ Сомову [1]), во всѣхъ отношеніяхъ достойнѣйшему человѣку, и просить его согласиться на баллотировку кандидатомъ въ губернскіе предводители.

На выборахъ князь Гагаринъ и его приверженцы дозволили себѣ такія отступленія отъ закона, что мнѣ пришлось конфиденціально написать графу Ланскому о всѣхъ продѣлкахъ князя и о томъ, что, если онъ, неправильно выбранный, будетъ вновь утвержденъ губернскимъ предводителемъ, то я не ручаюсь за спокойствіе губерніи. Государь соизволилъ утвердить воронежскимъ предводителемъ Сомова, и комитетскія работы по освобожденію крестьянъ пошли успѣшно, согласно благимъ указаніямъ правительства.

Мнѣ не привелось дождаться въ Воронежѣ манифеста объ освобожденіи крестьянъ, какъ награды за свое посильное участіе въ величайшей реформѣ. Отъ 3-го іюня 1859 года я получилъ письмо отъ военнаго министра съ предложеніемъ мѣста генералъ-интенданта первой арміи. Мои уклоненія отъ этой должности и ссылка на больные глаза не помогли. Я вызванъ былъ въ Петербургъ и имѣлъ счастіе представляться императору въ Красномъ Селѣ 29 іюля 1859 года. Не буду объяснять подробностей всемилостивѣйшаго пріема, но вотъ что я написалъ министру внутреннихъ дѣлъ, послѣ представленія [2]): «Не съ земнымъ, съ ангельскимъ добродушіемъ принялъ меня государь, объявивъ желаніе, чтобы я занялъ должность генералъ-интенданта. Что же я могъ на это сказать ему? Я только просилъ о снисхожденіи къ моимъ ошибкамъ

[1]) Впослѣдствіи сенаторъ.

[2]) Губернаторы были обязаны объ объясненіяхъ своихъ при высочайшихъ пріемахъ доводить до свѣдѣнія г. министра.

по незнанію дѣла, ручаясь, что злонамѣренныхъ ошибокъ не сдѣлаю».

— Чего же ты опасаешься?—изволилъ спросить меня государь.

Тогда я рѣшился объяснить, что опасаюсь личностей, занимающихъ вліятельныя должности по службѣ и имѣющихъ свои виды на дѣла интендантскія. Государь обѣщалъ написать намѣстнику царства Польскаго князю Горчакову, что поручаетъ меня лично его вниманію.

Я былъ тронутъ до слезъ пріемомъ монарха. По выходѣ изъ его кабинета, почтенный старецъ генералъ-адъютантъ Н. А. Сухозанетъ спросилъ меня:

— Ну, на что вы рѣшились? И что вамъ пожаловалъ государь?

— Будьте снисходительны ко мнѣ,—отвѣчалъ я,—служу государю не изъ личныхъ расчетовъ. Онъ мнѣ ничего не пожаловалъ, и я ни о чемъ не просилъ.

— Такъ я буду просить,—отвѣчалъ благороднѣйшій военный министръ и приказалъ мнѣ его ожидать.

Вышедши изъ кабинета его величества послѣ доклада, онъ объявилъ, что мнѣ всемилостивѣйше пожалованъ орденъ св. Владиміра 2-й степени.

Такъ мнѣ не суждено было быть дальнѣйшимъ дѣятелемъ великой реформы освобожденія крестьянъ и кончить устройство въ Воронежѣ памятника императору Петру I-му. Онъ былъ открытъ 10-го августа 1860 года [1]).

Въ заключеніе этой главы считаю нужнымъ замѣтить, что, слѣдуя правилу: поощрять словомъ и дѣломъ достойныхъ сослуживцевъ, и стараясь предупреждать проступки по службѣ, я во все время управленія моего четырьмя губерніями не предалъ суду ни одного чиновника и ни одного человѣка не запятналъ такъ, чтобы онъ лишился надежды въ будущемъ быть полезнымъ государству. Я испыталъ на опытѣ, что многіе изъ подвергавшихся нравственнымъ и административнымъ взысканіямъ исправлялись и дѣлались благонадежными гражданами.

Н. П. Синельниковъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

[1]) Подробное описаніе памятника и торжества при его освященіи было напечатано въ свое время во многихъ газетахъ.

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА СИНЕЛЬНИКОВА [1].

V.

Напутствіе въ царство Польское, данное мнѣ государемъ императоромъ. — Торопливость со стороны военнаго министра. — Главнокомандующій князь Горчаковъ.—Недружелюбный пріемъ въ Варшавѣ войсковымъ начальствомъ.—Интендантскія дѣла.—Борьба съ скрытыми злоупотребленіями.—Броженіе умовъ въ Польшѣ. — Заготовка провіанта за предѣлами царства Польскаго. — Мнѣніе главнокомандующаго о первыхъ волненіяхъ въ Варшавѣ. — Его характеръ. — Начавшіеся безпорядки въ Варшавѣ. — Бездѣйствіе нашихъ войскъ. — Дерзость мятежниковъ. — Военный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ князя Горчакова.— Его странная рѣчь.—Моя докладная записка о мѣрахъ къ уменьшенію уличныхъ безпорядковъ. — Доклады у князя. — Примѣръ его нерѣшительности. — Новый главнокомандующій генералъ-адъютантъ Сухозанетъ.—Его разговоръ со мною.— Его нравственная утомленность. — Мои заботы по устройству православнаго собора въ Варшавѣ.—Намѣстникъ генералъ-адъютантъ Ламбертъ. — Усиленіе безпорядковъ въ Варшавѣ. — Объявленіе города на военномъ положеніи. — Аресты въ костелахъ. — Смерть генерала Герштенцвейга.— Отъѣздъ графа Ламберта за границу.—Намѣстникъ графъ Лидерсъ и его слабость къ интендантскимъ дѣятелямъ Севастопольской эпохи.— Покушеніе поляковъ на его жизнь. — Намѣстничество великаго князя Константина Николаевича. — Преступленіе Ярошинскаго. — Разсортированіе интендантства арміи. — Выѣздъ изъ Варшавы.—Остановка меня подъ Брестомъ бандою повстанцевъ. — Пріѣздъ въ Петербургъ. — Аудіенція у государя императора. — Сенаторство. — Временный отдыхъ.

ЛЯ ПРИНЕСЕНІЯ благодарности за пожалованный мнѣ орденъ св. Владиміра второй степени, я имѣлъ счастіе представляться государю императору и удостоился отъ него изъявленія увѣренности, что «усердіе мое все превозможетъ». Эти монаршія слова имѣли въ описываемую эпоху большое значеніе. Царство Польское исподоволь и втихомолку подготовляло то историческое возстаніе, которому суждено было взволновать всю Европу. Военный министръ такъ торопилъ меня отъѣздомъ въ Варшаву, что не далъ мнѣ времени заѣхать въ Воронежъ за семействомъ и даже ознакомиться въ провіантскомъ департаментѣ со способами заготовленія войсковаго продовольствія.

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LIX, стр. 721.

Въ Варшавѣ я былъ принятъ главнокомандующимъ генералъ-адъютантомъ княземъ Горчаковымъ внимательно. Онъ представлялъ собою государственнаго человѣка умнаго, просвѣщеннаго, но не имѣющаго твердаго характера. Князь объяснилъ мнѣ виды относительно продовольствія войскъ и присовокупилъ, что мнѣ предстоитъ не легкая обязанность по наблюденію за дѣйствіями подчиненныхъ; что всякое неосторожное довѣріе съ моей стороны можетъ повредить пользамъ казны. По правдѣ сказать, меня изумило это недовѣріе главнаго начальника края къ цѣлой корпораціи гг. служащихъ по интендантскому вѣдомству.

Пріемъ начальника главнаго штаба генералъ-адъютанта графа Коцебу и лицъ, занимавшихъ высшія должности, также не сдѣлалъ на меня отраднаго впечатлѣнія. Предмѣстникъ мой, генералъ Мельниковъ, былъ въ отпуску. Имѣя въ виду предупрежденіе князя о служащихъ, я былъ поставленъ дѣйствительно въ затруднительное положеніе. А между тѣмъ мнѣ подали уже составленную вѣдомость о цѣнахъ на фуражное довольствіе войскъ для поднесенія ея на утвержденіе главнокомандующаго.

Разсмотрѣвъ дѣла прошлыхъ лѣтъ о производствѣ торговъ на поставки провіанта и фуража, особенно за время управленія покойнаго фельдмаршала князя Паскевича, я нашелъ въ его распоряженіяхъ много поучительнаго. Такъ, достойна вниманія идея заготовленія провіанта безъ посредства подрядчиковъ. 20-го ноября 1854 года было сообщено отъ дежурнаго генерала генералъ-интенданту Погодину, что фельдмаршалу угодно знать: «Не выгоднѣе ли крестьянамъ продавать свой хлѣбъ прямо правительству, чѣмъ сбывать его по цѣнѣ, какую имъ назначатъ подрядчики?».

Ознакомясь съ способами довольствія и провѣривъ въ заготовленной вѣдомости цѣны на фуражъ, я представилъ докладъ главнокомандующему. Онъ утвердилъ вѣдомость безъ измѣненій. Однако, кому не извѣстно, что фуражныя цѣны, какъ бы удовлетворительны ни были, всегда кажутся недостаточными ближайшимъ войсковымъ начальникамъ и возбуждаютъ въ нихъ разнообразное неудовольствіе. На меня посыпались жалобы начальнику главнаго штаба.

Въ тотъ же день вечеромъ, князь, будучи въ театрѣ и пригласивъ меня къ себѣ въ ложу, гдѣ былъ и графъ Коцебу, спросилъ:

— Возьметъ ли на свою отвѣтственность варшавскій оберъ-провіантмейстеръ продовольствіе войскъ фуражемъ въ его раіонѣ по утвержденнымъ цѣнамъ?

— Обязанъ взять, — доложилъ я. — Цѣны эти открыты имъ.

— Слѣдовательно дѣло кончено. — сказалъ князь.

Тотчасъ же, оставивъ театръ, я вызвалъ оберъ-провіантмейстера. Утромъ онъ привезъ ко мнѣ подрядчика съ залогомъ, принимающаго на себя заготовленіе фуража по утвержденнымъ цѣнамъ, съ условіемъ, чтобы, для разрѣшенія недоумѣній при сдачѣ фуража, были назначены посредники.

Князь разрѣшилъ передать продовольствіе фуражемъ подрядчику. Узнавъ объ этомъ событіи, всѣ войсковые начальники просили меня дозволить имъ взять на себя продовольствіе лошадей по тѣмъ цѣнамъ, которыя имъ прежде казались столь невыгодными. Такъ удачно сдѣланъ былъ мною первый шагъ на интендантскомъ поприщѣ въ пользу казны.

Въ сентябрѣ я отправился для обозрѣнія провіантскихъ магазиновъ, входившихъ въ составъ первой арміи. Поставка хлѣба въ магазины, на основаніи условій съ подрядчиками въ царствѣ Польскомъ, производилась частію мѣсячными пропорціями. Меня удивило, что провіантъ въ магазинахъ былъ хорошъ, а при пробѣ хлѣба въ войскахъ чувствовался хрустъ, и видно было присутствіе отрубей. Войска на хлѣбъ не жаловались. По разслѣдованіи упомянутаго обстоятельства, оказалось, что подрядчики евреи доставляли въ магазины, на случай освидѣтельствованія, хлѣбъ годный. Онъ хранился въ казенныхъ амбарахъ до извѣстнаго времени, а на текущее довольствіе ставился прямо въ войска хлѣбъ далеко неудовлетворительный. Въ новогеоргіевскихъ магазинахъ я нашелъ часть муки изъ крѣпостнаго запаса затхлою.

Объ открытыхъ злоупотребленіяхъ я доложилъ князю и объяснилъ, что о возстановленіи законнаго порядка въ поставкѣ хлѣба мною будутъ приняты строгія мѣры. Для опредѣленія способа сдабриванія запаса въ Новогеоргіевскихъ магазинахъ просилъ назначить особую коммиссію.

Между тѣмъ, чтобы не навлечь на себя неудовольствія главнокомандующаго за невниманіе къ его замѣчанію о дурномъ составѣ интендантскихъ дѣятелей, я ходатайствовалъ о переводѣ въ интендантство служившихъ со мною въ Волынской губерніи честныхъ и способныхъ чиновниковъ: Аренса и Аратовскаго. Они служили со мною на скользкомъ поприщѣ съ полнымъ усердіемъ и находятся нынѣ въ отставкѣ тайными совѣтниками.

Наступило время торговъ на поставку провіанта. Цѣны, открытыя оберъ-провіантмейстерами, были одобрены губернаторами и повѣрены особо командированными чиновниками. Въ глазахъ подрядчиковъ онѣ оказались невыгодными. Торги не состоялись. Никакія убѣжденія присутствія дѣлу не помогли.

Узнавъ отъ меня о результатѣ торговъ и о необходимости прибѣгнуть, по бывшимъ примѣрамъ при фельдмаршалѣ Паскевичѣ, къ комиссіонерскому заготовленію, князь отвѣчалъ:

— Мы не можемъ дѣлать то, что дѣлалъ фельдмаршалъ. Надобно назначить новые торги.

Только въ виду моего объясненія о начинающемся враждебномъ настроеніи края и о трудностяхъ заготовки провіанта, если будетъ упущено къ тому время, главнокомандующій согласился на комиссіонерскій способъ покупки войсковаго хлѣба.

Едва ли гдѣ встрѣчались такія затрудненія на торгахъ, какъ въ царствѣ Польскомъ. Въ немъ и въ спокойное время колебаніе цѣнъ возбуждалось искусственно, не безъ особаго покровительства болѣе или менѣе вліятельныхъ лицъ.

Эти горькія строки не есть плодъ фантазіи.

Кому не извѣстно, къ чему способенъ своекорыстный умъ еврея въ виду наживы? Съ другой стороны, къ чему этотъ посредникъ, наживающій отъ казны десятки тысячъ, когда есть возможность пріобрѣтать хлѣбъ изъ рукъ производителей способомъ комиссіонерскаго заготовленія? Въ царствѣ и гражданское начальство подчинено съ войсками одной власти. Поэтому оно могло быть привлечено къ наблюденію за правильностію покупки интендантскаго хлѣба. Многіе мѣстные помѣщики, въ виду глухого броженія умовъ, уже уклонялись отъ продажи въ армію провіанта, а такъ называемыя польскія агрономическія общества, подъ видомъ покровительства сельскому хозяйству, принимали всевозможныя таинственныя мѣры къ тому, чтобы русскія войска оставить безъ довольствія.

Все сказанное заставило меня дѣйствовать быстро. Убѣдившись, что въ предѣлахъ царства мнѣ не придется добыть хлѣба по выгоднымъ цѣнамъ, я, съ разрѣшенія высшаго начальства, лично отправился въ Кіевскую и Черниговскую губерніи. Закупивъ въ нихъ нужное количество провіанта, при участіи мѣстнаго гражданскаго начальства, я отправилъ его на особыхъ судахъ въ предѣлы Польскаго края.

По пріѣздѣ въ Варшаву мною доложено было князю объ успѣхѣ совершенной мною операціи, а также и о томъ, что намъ слѣдуетъ быть готовымъ къ неожиданнымъ событіямъ. Главнокомандующій на это замѣтилъ, «что онъ остается при убѣжденіи, что возникающіе безпорядки есть дѣло ничтожныхъ партій, и что онъ не желаетъ стѣснять чѣмъ либо агрономическія общества, столь полезныя для края».

Я не могъ не уважать князя Горчакова, какъ человѣка, пользовавшагося полнымъ довѣріемъ государя императора, какъ представителя высшей власти въ царствѣ. Тѣмъ не менѣе, я зналъ, что онъ, проведя лучшіе годы своей службы въ званіи начальника главнаго штаба арміи подъ постояннымъ начальствомъ фельдмаршала Паскевича, утратилъ самостоятельность и энергію. При старческихъ недугахъ, онъ принялъ на себя непосильныя обязанности управлять Польскимъ краемъ. Онъ отвергалъ методъ управленія покойнаго фельдмаршала, находя его несвоевременнымъ, но онъ не создалъ и новаго метода. Ложная мысль о томъ, что онъ пользуется популярностію въ народѣ, едва ли не свела его въ могилу.

Я не буду вдаваться въ подробности тогдашнихъ происшествій, а объясню только ихъ результаты. Кто изъ насъ, русскихъ, не скорбѣлъ душою, видя бездѣйствіе нашихъ войскъ, выводимыхъ

на площади и улицы, чтобы молча смотрѣть на бѣснующихся кругомъ мятежниковъ? Они, совершая безпорядки, издѣвались надъ нами. Ихъ дерзость была поразительна. Предъ княземъ предстала особая депутація и объявила, что она не ручается за спокойствіе города, если вмѣсто полиціи не будетъ учреждена охрана изъ жителей. На Замковой площади, среди бунтующаго народа, явился главнокомандующій верхомъ и обратился къ толпѣ съ словами: «Зачѣмъ вы пришли? Ступайте домой!». Раздались голоса: «Ступай самъ домой, въ Россію, мы дома!».

Только послѣ этого безобразнаго факта отдано было солдатамъ приказаніе стрѣлять. На мѣстѣ осталось, какъ говорили, убитыми и раненными до семидесяти пяти человѣкъ. Толпа мгновенно разбѣжалась, и въ Варшавѣ воцарилась мертвая тишина. Потомъ видя, что власть вновь погрузилась въ сонъ, революціонныя движенія на улицахъ участились до того, что сдѣлались какъ бы обыденнымъ явленіемъ. Князь собралъ военный совѣтъ и обратился къ присутствующимъ съ слѣдующими словами:

— Я знаю, что многіе изъ васъ желаютъ объявленія города на военномъ положеніи, но я нахожу это невозможнымъ. У насъ нѣтъ достаточно войска. Кромѣ того, при военномъ положеніи и правый и виноватый подвергаются одинаковымъ стѣсненіямъ. Слѣдовательно, мы должны, строго наблюдая за порядкомъ, терпѣливо выжидать окончанія недоразумѣній. Послѣднія, я надѣюсь, скоро прекратятся.

Послѣ объясненій съ нѣкоторыми генералами на ту же тему начальникъ края раскланялся и вышелъ. Я не выдержалъ и сказалъ генералу Мерхелевичу:

— Зачѣмъ наше собраніе названо совѣтомъ, когда совѣта ни у кого не спрашивали?

На это стоявшій рядомъ со мною генералъ Хрулевъ замѣтилъ:

— Почему же вы не говорили въ совѣтѣ?

— Я полагалъ такъ поступать неумѣстнымъ, когда молчали тѣ, которые старше меня,—отвѣтилъ я.

На другой день я лично представилъ князю собственноручную записку, въ которой выразилъ мнѣніе, что, если, по недостатку войскъ, нельзя объявить городъ Варшаву на военномъ положеніи, то кажется возможнымъ усилить варшавскую полицію черезъ прикомандированіе къ ней благонадежныхъ нижнихъ чиновъ съ надлежащимъ числомъ гг. офицеровъ. Уличная стража должна быть разставлена на улицахъ такъ, чтобы на каждаго городоваго изъ поляковъ было два русскихъ солдата, подъ видомъ изученія полицейскихъ пріемовъ, а въ сущности для наблюденія за дѣйствіями самого поляка. Черезъ такой порядокъ прекратились бы, по крайней мѣрѣ, частыя сборища на площадяхъ, ведущія къ открытымъ

манифестаціямъ. Князь принялъ и прочиталъ мою записку съ примѣтнымъ неудовольствіемъ. Потомъ онъ спросилъ:

— Подумали ли вы о томъ, что будетъ стоить городу содержаніе этихъ командъ, и гдѣ взять деньги?

Я доложилъ, что безпорядки въ Варшавѣ, какъ извѣстно, уже отзываются во всемъ царствѣ. Въ случаѣ дальнѣйшаго распространенія, они могутъ повести къ болѣе серьезнымъ издержкамъ для ихъ прекращенія.

— Ну, это предсказаніе сбыться не можетъ,—отвѣчалъ князь. Затѣмъ, онъ положилъ мою записку на столъ и сдѣлалъ знакъ рукою, что моя аудіенція окончилась.

Однако, послѣ нѣсколькихъ дней, когда безпорядки усилились, было сдѣлано распоряженіе о прикомандированіи къ полиціи чиновъ изъ слабыхъ по фронту. Впослѣдствіи, когда уже никакая полицейская власть не могла прекратить революціонныхъ взрывовъ, въ составъ варшавской полиціи прислана была команда изъ Петербурга. Грустно было видѣть, что предупредительныя мѣры обращались въ послѣдовательныя тогда, когда на самомъ дѣлѣ уже самой дѣйствительностью вызывались напряженія государственныхъ силъ.

Мое служебное положеніе, при огромныхъ операціяхъ интендантства, простиравшихся, при увеличенномъ числѣ войскъ, на суммы болѣе 20 милліоновъ рублей въ годъ, требовало особеннаго вниманія и осторожности. Около князя были личности, покушавшіяся, какъ говорится, въ мутной водѣ ловить рыбу. Главнокомандующій, озабоченный возбужденнымъ настроеніемъ края, больной, работалъ до изнеможенія. Онъ затруднялся въ своихъ распоряженіяхъ. Случалось, что во время докладовъ моихъ князь составлялъ записки о другихъ дѣлахъ. Если въ докладахъ моихъ были вещи болѣе серьезныя, я останавливался, чтобы дать начальнику время кончить свои записки. Князь обыкновенно приказывалъ не задерживать доклада, а самъ продолжалъ писать. Однажды, кончивъ свои замѣтки, онъ объявилъ, что полагаетъ передвинуть одну дивизію пѣхоты съ артиллеріею, для которой и слѣдуетъ заготовить продовольствіе на четыре мѣсяца. Я доложилъ, что затрудненій въ этомъ заготовленіи не предвидится, но что для казны будетъ выгоднѣе, если дозволятъ распорядиться покупкою хлѣба прежде, чѣмъ войска тронутся съ мѣста.

— Такъ дѣлайте же ваши распоряженія,— приказалъ князь.

Предъ самымъ отправленіемъ нарочныхъ съ предписаніями о покупкѣ хлѣба, я былъ потребованъ во дворецъ для того, чтобы выслушать отмѣну упомянутаго распоряженія.

Среди разгара разнообразныхъ уличныхъ манифестацій, 20-го мая 1861 года, прибылъ временно главнокомандующій арміею, бывшій военный министръ, генералъ-адъютантъ Сухозанетъ.

При общемъ пріемѣ, обращаясь ко мнѣ, онъ сказалъ:

— Я пробовалъ вашъ хлѣбъ въ войскахъ и за обѣдомъ у Брестскаго коменданта. Это такой хлѣбъ, что хоть къ царю на столъ.

Послѣ пріема генералъ позвалъ меня въ кабинетъ. Между нами произошелъ слѣдующій разговоръ:

— По всему, что я видѣлъ и слышалъ,—началъ главнокомандующій,— вы вполнѣ оправдали высочайшее довѣріе. Ни одинъ изъ предмѣстниковъ вашихъ не пользовался такими отзывами о безукоризненной и энергической дѣятельности. Для генералъ-интенданта это весьма важно. При такихъ условіяхъ достигнута та польза, которую вы сдѣлали. Позвольте спросить васъ: какъ вы обезпечены? Есть у васъ земля или аренда?

— Я получаю содержаніе,—отвѣчалъ я,—совершенно обезпечивающее меня и семью. Буду служить до смерти. Надѣюсь, что государь не оставитъ меня безъ средствъ къ жизни.

— Все это прекрасно,— перебилъ генералъ Сухозанетъ,— но, распоряжаясь казенными милліонами честно и добросовѣстно, вы должны быть обезпечены въ примѣръ другимъ. Предоставьте мнѣ быть ходатаемъ за васъ предъ государемъ.

Помолчавъ немного, благороднѣйшій начальникъ продолжалъ:

— А знаете ли, почему вы не были награждены вмѣстѣ съ прочими? За вмѣшательство въ дѣла, до васъ не касающіяся.

— Этого никакъ нельзя было ожидать,— отвѣчалъ я.— Князь всегда внимательно ко мнѣ относился, но не былъ доволенъ моею запискою объ устройствѣ полиціи.

— Ну, вотъ она и повредила вамъ.

Я объяснилъ генералу Сухозанету исторію въ военномъ совѣтѣ. Онъ выслушалъ и добавилъ:

— Успокойтесь; все это поправится; продолжайте только служить такъ, какъ вы служите.

Я замѣтилъ уже выше, что не былъ сторонникомъ распоряженій князя относительно системы усмиренія возстанія въ царствѣ Польскомъ. Когда уличные безпорядки въ Варшавѣ стали доходить до крайности, когда страдали наши войска, а въ заграничной печати насъ же клеймили варварами, я растерялся въ своихъ соображеніяхъ. Я твердо рѣшился ни съ кѣмъ не разсуждать. Только случаи, ведшіе ко вреду службы, доводились мною до свѣдѣнія высшаго начальства. Такъ, когда по требованію, собравшейся въ первый разъ на Замковой площади, толпы приказано было войска уводить съ улицы въ казармы, поляки громко хохотали. Фланговый унтеръ-офицеръ, повернувшись по командѣ, произнесъ:

— Насъ прежде на подобныя посмѣшища не выводили.

Съ полною осторожностію я передалъ означенныя слова командовавшему корпусомъ генералу Хрулеву. И очень можетъ быть, что онъ довелъ ихъ до свѣдѣнія начальника края.

Вотъ всѣ мои проступки, которыми я могъ навлечь на себя неудовольствіе князя. Я воздержался объяснить генералу Сухозанету о тѣхъ пыткахъ, которыя выносилъ, охраняя казну. Я видѣлъ, что онъ и безъ того изнемогалъ подъ бременемъ своей власти. Не разъ генералъ прослушивалъ мои доклады, полулежа въ креслѣ, съ закрытыми глазами, утомленный нравственными потрясеніями. При болѣе сложныхъ докладахъ онъ говорилъ:

— Пожалуйста, безъ коментаріевъ; я знаю, что у васъ дѣла идутъ чисто.

Грустно вспомнить управленіе этого почтеннаго старца. Онъ прибылъ въ Варшаву подъ вліяніемъ той обаятельной обстановки, которою пользовался покойный фельдмаршалъ, и не могъ освоиться съ настоящимъ положеніемъ.

Еще до пріѣзда моего въ Варшаву было предположено реставрировать мѣстный православный соборъ на доброхотныя приношенія, по неимѣнію церковныхъ суммъ. Пожертвованій было собрано недостаточно. Представители возмущенія распространяли прискорбные слухи о нашемъ духовенствѣ и о православныхъ служащихъ, будто бы не радѣющихъ къ храму Божію.

Варшавскій архіепископъ Іоанникій глубоко скорбѣлъ о нарушеніяхъ велелѣпія, проявлявшихся даже при совершеніи божественныхъ служеній; онъ огорчался и безпорядками по веденію соборнаго хозяйства. Въ виду поступковъ протоіерея собора Н., не соотвѣтствовавшихъ его званію, преосвященный просилъ меня принять на себя попечительство и устройство собора.

Хотя обязанность эта и усложняла трудныя мои занятія по интендантству, но я охотно принялъ предложеніе архіепископа. Мнѣ было разрѣшено, въ случаѣ недостатка пожертвованныхъ денегъ, позаимствовать ихъ изъ экономическихъ суммъ интендантства, лишь бы не останавливать реставраціи русскаго храма.

Изъ уваженія къ сану бывшаго настоятеля собора, отца Н., не буду поднимать завѣсы съ его произвольныхъ дѣйствій по управленію соборной администраціей. При открытіи ихъ онъ ссылался на дозволенія покойнаго фельдмаршала, хотя фактовъ на то не представилъ. Я не былъ слѣдователемъ, но я былъ обязанъ разсмотрѣть отчетности прошлыхъ лѣтъ, чтобы опредѣлить средства къ содержанію храма на будущее время. Протоіерей Н., не смотря на свои безусловныя упущенія, по пріѣздѣ впослѣдствіи въ царство въ качествѣ намѣстника великаго князя Константина Николаевича, представилъ ему жалобу на архіерея и на меня. Онъ писалъ, что мы учиняли ему притѣсненія. Тогда высокопреосвященный вынужденъ былъ довести до свѣдѣнія его высочества о всѣхъ фактически подтвержденныхъ, противозаконныхъ предпріятіяхъ отца протоіерея. Послѣдній былъ переведенъ въ Черниговскую губернію въ распоряженіе мѣстнаго архіерея.

По окончаніи реставраціи собора я удостоился признательности святѣйшаго синода.

Все время своего управленія генералъ Сухозанетъ не измѣнялъ ко мнѣ довѣренности. Его преемникъ, генералъ-адъютантъ графъ Ламбертъ, вступивъ 11-го августа 1861 года въ командованіе арміею, объявилъ, что послѣ отзыва его предмѣстника онъ совершенно увѣренъ въ правильности моихъ дѣйствій, и поэтому слагаетъ съ себя заботу наблюденія за ходомъ операцій интендантства. 23-го августа, по представленію генерала Сухозанета, я былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

Поляки, подстрекаемые заграничными агитаторами, не хотѣли понять милости къ нимъ государя, оказанной въ назначеніи намѣстникомъ графа Ламберта, пользовавшагося особеннымъ царскимъ довѣріемъ. Уличныя манифестаціи усилились.

При самомъ прибытіи въ Варшаву, графъ увидѣлъ крайне напряженное состояніе населенія, требующее для введенія порядка мѣръ скорыхъ и строгихъ. Кромѣ совѣщаній съ служащими, онъ приглашалъ главное католическое духовенство, членовъ делегацій, избранныхъ изъ партій бѣлыхъ, и редакторовъ газетъ. Хотя послѣ совѣщаній съ этими лицами временно повѣяло отрадною надеждою на умиротвореніе края, но партія красныхъ не шла ни на какіе компромиссы. Она ускорила движеніе возстанія, отозвавшагося на всѣхъ окраинахъ царства.

Въ процессіи при похоронахъ митрополита Фіалковскаго совершились явленія, доходившія до крайней дерзости противу власти. Дамы и ученики разныхъ училищъ несли, вмѣсто церковныхъ хоругвій, знамена, на которыхъ были написаны съ одной стороны образа, а на другой—соединеніе гербовъ царства Польскаго съ княжествомъ Литовскимъ. Русскіе ордена, дарованные покойному, на церемоніи отсутствовали. Кромѣ того, подъ предлогомъ участія при погребеніи, были собраны крестьяне изъ разныхъ польскихъ губерній, и имъ вожаками возстанія данъ былъ обѣдъ въ Европейской гостинницѣ. Здѣсь произносились гласно и безнаказанно самыя возмутительныя политическія рѣчи.

Упомянутые факты привели намѣстника къ необходимости объявить городъ 14-го октября 1861 года на военномъ положеніи. Только что войска заняли назначенныя мѣста, какъ мятежныя толпы собрались въ костелахъ, и въ нихъ раздались революціонные гимны. Тогда приказано было воинскимъ командамъ безъ оружія открыть костелы Свентоянскій и Бернардинскій, арестовывать мятежниковъ и отправлять ихъ въ цитадель. Эти жалкія полумѣры повели за собою катастрофу, страшно поразившую русскихъ и увеличившую злорадство крамольниковъ.

Варшавскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Герштенцвейгъ, внезапно застрѣлился. Это былъ человѣкъ сильнаго ха-

рактера, стоявшій за крутыя мѣры въ подавленіи поднятаго возстанія. Его таинственная кончина какъ бы уяснила судьбы Божіи, ведшія послѣдовательно насъ отъ одной неудачи къ другой. Думалось, что графъ Ламбертъ, владѣя умомъ государственнымъ, а генералъ Герштенцвейгъ—умомъ тонкимъ и изворотливымъ, пойдутъ рука объ руку въ дѣлѣ защиты русскихъ интересовъ въ краѣ, потрясенномъ революціей. Однако, оказалось, что оба они не могли дѣйствовать безъ страха, не боясь упрека.

Графъ Ламбертъ, въ котораго поляки стрѣляли, выѣхалъ за границу. Послѣ него нѣкоторое время опять управлялъ краемъ генералъ Сухозанетъ. Лишь 27-го октября вступилъ намѣстникомъ царства графъ Лидерсъ. Онъ имѣлъ странную снисходительность къ слабостямъ интендантскихъ чиновниковъ. Мое положеніе при немъ сдѣлалось неудобнымъ. Въ Варшаву прибыли севастопольскіе заготовители продовольствія, участники несчастнаго управленія интендантствомъ крымской арміи генерала Затлера. При одномъ изъ моихъ докладовъ графъ выразилъ мнѣ желаніе, чтобы я принялъ севастопольскихъ дѣятелей на службу въ интендантство, какъ людей опытныхъ и полезныхъ. Я просилъ намѣстника, по неимѣнію вакансій, дать мнѣ повелѣніе на зачисленіе этихъ почетныхъ чиновниковъ сверхъ штата. Повелѣнія, конечно, я не получилъ, а непріятностей навлекъ на себя много.

Докладъ мой о заготовленіи провіанта на 1862-й годъ комиссіонерскимъ способомъ, по случаю высокихъ цѣнъ, объявленныхъ подрядчиками на торгахъ, утвержденъ не былъ. Мнѣ даже былъ сдѣланъ вопросъ: на какомъ основаніи были тронуты запасы въ новогеоргіевскихъ магазинахъ? Я представилъ докладъ мой съ резолюціею генерала Коцебу и объяснилъ, что заготовленный въ Малороссіи хлѣбъ прибылъ весь и хранится въ магазинахъ. Не вдаваясь въ подробности всѣхъ чинимыхъ мнѣ въ то время колкостей, скажу вообще, что во все управленіе графа Лидерса я не пользовался полнымъ его довѣріемъ. Съ пріѣздомъ въ Польшу названнаго генерала казалось, что возстаніе какъ бы начало успокоиваться. Уличныя манифестаціи почти прекратились, а продолжались только революціонные гимны въ костелахъ. Населеніе носило трауръ съ разными эмблемами. Но вскорѣ партія красныхъ съ ожесточеніемъ принялась за подпольную работу; возобновились покушенія на убійства; появились подметныя письма и началось подготовленіе къ кровавому возстанію.

По конфирмаціи графа Лидерса были разстрѣляны три офицера нашихъ войскъ, принадлежавшіе по рожденію къ польской національности и замѣшанные въ мятежѣ. Революціонный комитетъ подослалъ убійцу, который ранилъ графа изъ пистолета въ затылокъ, во время прогулки его въ Саксонскомъ саду. Преступникъ скрылся въ толпѣ. Графъ сильно страдалъ отъ раны, повредившей

ему челюсть и зубы. Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ заниматься дѣлами.

Въ концѣ мая была получена телеграмма о назначеніи намѣстникомъ царства великаго князя Константина Николаевича, а маркиза Вельепольскаго начальникомъ гражданскаго управленія.

Не успѣлъ его высочество прибыть въ Варшаву, какъ мы были потрясены страшнымъ событіемъ. Какой-то Ярошинскій стрѣлялъ въ великаго князя, когда онъ выходилъ изъ театра и садился въ коляску. Благодаря Бога, его высочество былъ раненъ слегка въ руку. Ярошинскій задержанъ на мѣстѣ преступленія. Онъ судился гласнымъ судомъ и приговоренъ къ повѣшенію.

Со вступленіемъ августѣйшаго главнокомандующаго занятія интендантства усложнились. Оставалось много дѣлъ по поставкамъ прежнихъ лѣтъ, хотя и утвержденныхъ законно главнокомандующими, но вслѣдствіе жалобъ подрядчиковъ въ сенатъ дѣла должны были быть внесены, на основаніи устава объ управленія арміею, вновь на окончательное рѣшеніе великаго князя.

1-го января 1863 года интендантство 1-й арміи раздѣлилось на три окружныя интендантства: варшавское, кіевское и виленское. Чиновники для нихъ были отправлены заблаговременно. Военный министръ, еще 9-го ноября 1862 года, сообщилъ мнѣ, что ходатайство мое о награжденіи чиновниковъ интендантства удостоено самаго благосклоннаго вниманія его императорскаго величества. Министръ поручилъ мнѣ лично наблюсти за открытіемъ новыхъ интендантствъ и направленіемъ дѣлъ. 1-го января я отправился въ Вильно и, прослѣдивъ тамъ производство дѣлъ уже въ мѣстномъ интендантствѣ, возвратился въ Варшаву, чтобы окончательно провѣрить и здѣсь направленіе дѣлъ. Потомъ чрезъ Кіевъ я хотѣлъ проѣхать въ Петербургъ.

10-го января 1863 года, въ день начала кроваваго возстанія, я представился, по случаю отъѣзда, великому князю. Въ приказѣ по войскамъ его высочество выразилъ мнѣ свою полную и совершенную признательность за особенно усердную и полезную мою службу въ званіи генералъ-интенданта 1-й арміи.

Я отправился въ Кіевъ, взявъ съ собою слѣдуемыя брестскому оберъ-провіантмейстеру около 30 тысячъ рублей. При мнѣ находились чиновникъ и два жандарма. Они помѣщались въ особой повозкѣ, сзади дормеза. Кредитные билеты лежали у меня въ сидѣньи, а серебро, около тысячи рублей, въ кожанныхъ мѣшкахъ въ повозкѣ. Но разсказу о томъ, что случилось со мною въ дорогѣ, я предпошлю маленькое объясненіе.

Служебное положеніе мое отстраняло меня отъ обязанности прекращать уличные безпорядки мятежниковъ. Впрочемъ, я не пропускалъ ни одного удобнаго случая, чтобы не напоминать полякамъ, что они своими поступками губятъ себя и свою отчизну. Съ ви-

домъ полнаго участія собиравшіяся около меня кучки слушателей въ Красинскомъ саду выслушивали мои рѣчи и расходились спокойно. Кромѣ того, поляки знали меня по управленію Волынскою губерніею, помѣщики которой пріѣзжали часто въ Варшаву и разсказывали о моихъ въ ней дѣйствіяхъ. Наконецъ, мои отношенія къ служившимъ въ интендантствѣ полякамъ никогда не носили на себѣ характера непріязни, но были въ высшей степени справедливы. Все приведенное несомнѣнно имѣло вліяніе на то, что мною сейчасъ будетъ передаваться.

Простившись на второй станціи съ провожавшими меня сослуживцами и перемѣнивъ лошадей въ городѣ Бялѣ, я крѣпко заснулъ. Былъ я разбуженъ какимъ-то страннымъ шумомъ около часу ночи въ глухомъ лѣсу, не доѣхавъ четырехъ верстъ до станціи Залѣсье. Я еще не успѣлъ оправиться отъ сна, какъ чиновникъ и человѣкъ мой, открывъ дверцы дормеза, объявили, что на насъ напали разбойники. Съ чиновникомъ отъ страха сдѣлалось дурно, и онъ упалъ [1]).

Шумъ снаружи продолжался отъ того, что повстанцы отнимали у жандармовъ оружіе. Я вышелъ изъ дормеза, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Раздался крикъ: «къ каретѣ!». Ко мнѣ подошелъ молодой человѣкъ съ револьверомъ въ рукѣ и спросилъ:

— Яка годность пана? Кто вы?

Я назвалъ свою бывшую должность и свою фамилію. Повстанецъ отошелъ отъ меня на нѣсколько шаговъ и закричалъ толпѣ: «Прошу панове до мня!». Нѣсколько минутъ между мятежниками продолжалось совѣщаніе. Затѣмъ, ко мнѣ подошелъ старикъ въ польскомъ костюмѣ, обвѣшанный оружіемъ, и вѣжливо предложилъ мнѣ сѣсть въ экипажъ. Онъ объявилъ, что банда никакой непріятности (шкоды) мнѣ не сдѣлаетъ. Пожелавъ счастливой дороги и всякаго добра, онъ велѣлъ назначить верховыхъ для охраненія меня отъ покушеній остальныхъ людей шайки.

Не буду объяснять подробно, что было говорено въ бандѣ предъ отъѣздомъ моимъ. Замѣчу только одно выраженіе, болѣе другихъ повторявшееся. Вотъ оно:

— Намъ отъ пана генерала ничего не нужно; пусть государь знаетъ, что мы честныхъ русскихъ людей уважать умѣемъ.

Такъ, по милости Божіей, я избѣжалъ опасности и при этомъ сохранилъ казенныя деньги. Онѣ были сданы мною въ цѣлости оберъ-провіантмейстеру, въ присутствіи брестскаго коменданта генерала Штадена.

Въ Брестѣ я узналъ, что остановившая меня банда въ преды-

---

[1]) Подробности эти, кажущіяся излишними, вношу потому, что впослѣдствіи получилъ свѣдѣнія, будто бы чиновникъ разсказывалъ, что его рѣчи къ повстанцамъ способствовали къ охраненію меня и казенныхъ денегъ.

сущую ночь напала на артиллерійскій паркъ въ м. Кондѣ, истязала барабанщика, бившаго тревогу, переранила нѣсколько нижнихъ чиновъ, разбила казенный ящикъ и ограбила деньги. Позже она отправилась чрезъ станцію Залѣсье къ городу Бялѣ, гдѣ и встрѣтила случайно меня.

Въ иностранныхъ газетахъ было напечатано, что остановившая меня шайка повстанцевъ благополучно меня пропустила, но отобрала находившіяся при мнѣ казенныя деньги. Мои варшавскіе благопріятели сочиняли тоже разныя сплетни, одна другой нелѣпѣе, что видно и изъ письма ко мнѣ архіепископа Іоанникія. Онъ, между прочимъ, сообщалъ, «что въ Варшавѣ ходили непріятные слухи объ этой встрѣчѣ; всѣ знающіе и почитающіе меня были весьма встревожены; что въ случившемся со мною событіи нельзя не видѣть знаменія особенной милости Божіей».

Изъ Бреста я отправился чрезъ Бобруйскъ въ Кіевъ и, кончивъ тамъ служебныя дѣла, прибылъ чрезъ Москву въ Петербургъ.

Государь императоръ изволилъ принять меня вмѣстѣ съ прочими представляющимися весьма милостиво. Обратившись ко мнѣ, онъ сказалъ:

— А ты попался шайкѣ? Очень радъ, что счастливо отдѣлался. Тебя и враги уважаютъ.

Кончивъ общій пріемъ, монархъ приказалъ мнѣ идти за нимъ въ кабинетъ и разсказать, какъ и что было во время возмущенія въ Варшавѣ. Я объяснилъ его величеству только то, чему былъ свидѣтель, или что зналъ фактически. Отъ себя я не дозволилъ никакихъ коментаріевъ. По окончаній моихъ объясненій, государь благодарилъ меня за службу и присовокупилъ:

— Относительно устройства твоихъ дѣлъ ты можешь узнать отъ военнаго министра.

Я осмѣлился просить о назначеніи меня сенаторомъ. Государь съ улыбкою произнесъ:

— Посмотри на себя; ты кажешься еще молодымъ человѣкомъ. Съ твоею энергіею и опытностью ты можешь принести пользу по административнымъ должностямъ.

Я доложилъ, что физически я здоровъ, но отъ вынесенныхъ колебаній по службѣ утратилъ энергію, почему и опасаюсь должностей постоянныхъ. Государь благосклонно промолвилъ:

— Сенаторомъ ты будешь, а тамъ посмотримъ.

Я просилъ военнаго министра, генералъ-адъютанта Милютина, объ увольненіи меня на нѣкоторое время для поправленія здоровья въ Одессу, гдѣ тогда жила, по возвращеніи изъ-за границы, у дочери Лариссы, покойная жена моя. Я получилъ разрѣшеніе на временный отдыхъ.

Н. П. Синельниковъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА Н. П. СИНЕЛЬНИКОВА [1].

VI.

Неожиданное полученіе мною мѣста презуса военнаго суда въ Одессѣ надъ госпитальными чинами крымской арміи.—Пріемъ комиссіи и подсудимыхъ лицъ.—Несчастный старецъ генералъ-маіоръ Остроградскій.—Сущность госпитальныхъ преступленій.—Окончаніе суда.—Судьба генерала Остроградскаго.—Высочайшая конфирмація.—Министръ внутреннихъ дѣлъ Петръ Александровичъ Валуевъ.—Мое управленіе арестантскими ротами съ званіемъ главноначальствующаго.—Разговоръ съ государемъ. — Работы политическихъ арестантовъ на желѣзныхъ дорогахъ.—Организація рабочихъ ротъ.—Мѣры къ поддержанію духовной жизни въ преступникахъ.—Ихъ разсказы.—Мое ходатайство о ихъ прощеніи.—Аудіенція у государя въ Царскомъ Селѣ.—Поѣздка въ Варшаву и свиданіе съ намѣстникомъ графомъ Бергомъ.—Блестящіе результаты поѣздки.—Дальнѣйшія милости государя къ политическимъ арестантамъ.—Удивительная черта оригинальной честности въ русскомъ преступникѣ.—Тушеніе пожара безконвойными арестантами.—Новый министръ внутреннихъ дѣлъ генералъ-адъютантъ Тимашевъ.—Его холодное отношеніе къ дѣлу арестантскихъ ротъ. — Грустные примѣры. — Мои проекты къ уменьшенію сельскихъ пожаровъ. — Особое порученіе, данное мнѣ въ Бозѣ почившею императрицею Маріей Александровной. — Поѣздка въ голодныя губерніи.—Ея результатъ.—Кончина жены.—Принятіе генералъ-губернаторства Восточной Сибири.

ПРЕДЪ ОТЪѢЗДОМЪ въ Одессу военный министръ предложилъ мнѣ, если дозволитъ мое здоровье, присутствовать, съ правомъ его голоса, въ комиссіи военнаго суда, учрежденной въ Одессѣ надъ лицами, обвиняемыми въ злоупотребленіяхъ по содержанію госпиталей крымской арміи [2].

Мнѣ была вручена для прочтенія довольно объемистая переписка. По разсмотрѣніи ея я нашелъ, что дѣлопроизводитель комиссіи, г. Радко, состоявшій прежде при генералъ-адъютантѣ, князѣ Васильчиковѣ, принималъ на себя въ нѣкоторыхъ случаяхъ роль ру-

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LX, стр. 45.

[2] Презусомъ комиссіи былъ генералъ-лейтенантъ Рербергъ.

ководителя. Чрезъ это и возбудилась полемика, надѣлавшая хлопотъ министерству.

При возвращеніи министру записки, я изъявилъ опасеніе, что не сумѣю оправдать его довѣрія; что объясненныя затрудненія происходятъ отъ присутствія въ комиссіи лица, не опредѣленнаго закономъ. Генералъ-адъютантъ Милютинъ обѣщалъ поручить генералъ-аудитору составить проектъ высочайшаго повелѣнія, который предварительно будетъ присланъ мнѣ. На слѣдующій день на мою квартиру явился фельдъегерь отъ министра и съ телеграммою изъ Одессы, что президъ комиссіи генералъ Рербергъ скоропостижно умеръ. Министръ пригласилъ меня къ себѣ. Я нашелъ въ его пріемной генералъ-аудитора Философова. Министръ, принявъ насъ, обратился къ нему съ объясненіемъ, что онъ затрудняется въ избраніи президъ вмѣсто генерала Рерберга. Тогда я, имѣя въ виду желаніе генерала Милютина поручить мнѣ самое дѣло, доложилъ, что надѣюсь въ званіи президъ принести болѣе пользы дѣлу, но прошу дать право, при первомъ нарушеніи законнаго порядка кѣмъ бы то ни было, удалить нарушителя изъ комиссіи. На этомъ основаніи составлено мнѣ было предписаніе 30-го марта 1863 года, за № 1701-мъ.

При представленіи государь изволилъ встрѣтить меня словами:

— Ты собирался отдыхать въ Одессѣ послѣ усиленныхъ занятій и взялъ на себя обязанности не менѣе трудныя. Благодарю тебя за этотъ подвигъ.

Подавъ мнѣ державную руку, императоръ присовокупилъ:

— Увѣренъ вполнѣ, что дѣло кончишь успѣшно и справедливо.

Дѣйствительно, тяжелые труды и нравственныя испытанія ожидали меня въ Одессѣ. Состоящихъ подъ судомъ было около двадцати человѣкъ. Въ ихъ числѣ находился исправлявшій должность директора госпиталей, генералъ-маіоръ Остроградскій. Подсудимые содержались въ Одесскомъ карантинѣ, а генералъ Остроградскій жилъ на квартирѣ.

По прибытіи въ Одессу я принялъ членовъ комиссіи военнаго суда, а потомъ подсудимыхъ. На пріемѣ, между прочимъ, объяснилось, что три выписки изъ дѣла: одна около 700 листовъ, другая до 400 и третья около 150-ти листовъ, вчернѣ готовы. Такое обстоятельство дало мнѣ надежду на скорое окончаніе дѣла. Я поручилъ дѣлопроизводителю Радко прочитать въ присутствіи комиссіи предписаніе министра и составить по нему журналъ. Затѣмъ я напомнилъ гг. членамъ ихъ обязанности, а генерала Остроградскаго пригласилъ въ кабинетъ. Почтенный, удрученный несчастіемъ старецъ бросился на колѣни и со слезами просилъ положить конецъ незаслуженной имъ горькой участи. Я успокоилъ его, на сколько было возможно. Въ комиссіи мною опредѣленъ былъ порядокъ нашимъ занятіямъ.

Такъ какъ на основаніи закона выписки должны читаться каждымъ подсудимымъ въ опредѣленный срокъ, на что требовалось весьма много времени, то для сокращенія его мною было введено чтеніе выписокъ въ комиссіи вслухъ рано утромъ. Каждый изъ подсудимыхъ, замѣтившій въ выпискѣ какую либо неточность съ его показаніями, могъ останавливать мое чтеніе и объяснять свои замѣчанія. Аудиторъ дѣлалъ справки въ дѣлахъ и къ утру слѣдующаго дня пріискивалъ тѣ показанія, которыя несогласны были съ выпискою. Новое засѣданіе начиналось съ объясненій подсудимыхъ по замѣткамъ и исправленій выписки. Прочитанное переписывалось, и такимъ образомъ работа продолжалась около трехъ мѣсяцевъ.

Описаніе въ подробности преступныхъ дѣйствій подсудимыхъ составило бы объемистую книгу. Поэтому объясню только нѣкоторыя изъ дѣлъ, въ особенности по Симферопольскому госпиталю, гдѣ больными былъ занимаемъ почти весь городъ. Распоряженій объ устройствѣ продовольствія и помѣщенія для раненыхъ предварительно сдѣлано не было.

Генералъ-адъютантъ князь Васильчиковъ, въ сопровожденіи чиновника Радко, при внезапномъ посѣщеніи госпитальныхъ кухонъ замѣтилъ, что въ большей части приготовлялась для больныхъ кашица изъ гречневыхъ крупъ. Съ овсяной крупой, предпочитаемой госпитальнымъ уставомъ полезнѣйшею для больныхъ, была варима кашица весьма въ незначительномъ количествѣ и въ маленькихъ котелкахъ. Госпитальное начальство о прибытіи князя не знало. По книгамъ, законно свидѣтельствованнымъ, былъ выведенъ расходъ на крупу овсяную, которая стоила почти вдвое дороже гречневой. Изъ переписки было видно, что поваровъ, готовившихъ госпитальную пищу, на лицо не оказалось. Въ тѣ дни, когда для больныхъ были приготовляемы бани, вѣники выводились по числу больныхъ, хотя раненые париться не могли. По недостатку въ краѣ лѣса, вѣники составляли значительный расходъ. Этотъ расходъ былъ законно засвидѣтельствованъ. Аптека не затруднялась выводить чудовищные на медикаменты счеты, также законно засвидѣтельствованные. Умершіе числились мѣсяцами на продовольствіи пищею и лѣкарствами.

При всѣхъ описанныхъ неурядицахъ, по крайней мѣрѣ, отрадно было то, что въ дѣлахъ не нашлось жалобъ отъ больныхъ на какія либо стѣсненія или недостатокъ въ продовольствіи. Зато вопіющія злоупотребленія нашлись относительно содержанія и ухода за ранеными при перевозкѣ ихъ изъ госпиталей первой линіи во вторую. Начальниками транспортовъ нерѣдко назначались отъ войскъ офицеры неблагонадежные. Между тѣмъ, имъ выдавались на руки значительныя суммы. Административнаго наблюденія за транспортомъ не было; не имѣлось шнуровыхъ книгъ у нѣкоторыхъ начальниковъ.

Означенные безпорядки доказывали стремленіе у виновныхъ къ расхищенію казны, но не были законно обслѣдованы въ свое время. Комиссія военнаго суда должна была прійти къ заключенію, что подсудимые, виновные болѣе или менѣе въ явномъ несоблюденіи казенныхъ интересовъ, не должны быть терпимы на службѣ.

Генералъ Остроградскій, тщетно старавшійся сохранить порядокъ въ подвѣдомственныхъ ему учрежденіяхъ и заботившійся главнымъ образомъ объ успокоеніи больныхъ и объ ихъ продовольствіи, виновенъ былъ въ томъ, что не обращалъ вниманія на денежныя отчетности чиновниковъ. Онъ полагалъ, что это составляетъ обязанность контроля.

Законченное дѣло было представлено военному министру; подсудимые освобождены изъ-подъ ареста съ подписками о невыѣздѣ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они изберутъ себѣ жительство.

Замѣчательна судьба генерала Остроградскаго. Проведя всю службу свою въ артилеріи, онъ стяжалъ себѣ репутацію честнаго, правдиваго дѣятеля и начальника. Упомянутыя рѣдкія достоинства и погубили его. Князь Горчаковъ потребовалъ, чтобы Остроградскій принялъ должность директора госпиталей. Никакія убѣжденія и просьбы не измѣнили воли главнокомандующаго. Генералъ Остроградскій, занявъ новую должность, неожиданно очутился подъ военнымъ судомъ. Надобно удивляться, какъ вынесъ этотъ безупречный слуга государю свое положеніе. Предъ вступленіемъ моимъ въ званіе презуса, онъ былъ близокъ къ сумасшествію.

Высочайшая конфирмація была слѣдующая: генерала Остроградскаго освободить отъ суда, не лишать правъ и преимуществъ, прежнею службою пріобрѣтенныхъ, и возвратить ему удержанное жалованье. Объ участи прочихъ подсудимыхъ я не помню.

Вскорѣ по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, комитетъ гг. министровъ, въ виду устройства польскихъ политическихъ преступниковъ, высланныхъ въ арестантскія роты, положилъ поручить мнѣ привести въ порядокъ это дѣло. Я отвѣчалъ, что охотно принимаю порученіе комитета, и поѣхалъ къ министру внутреннихъ дѣлъ.

Я зналъ прежде статсъ-секретаря, графа П. А. Валуева. Мы были одновременно губернаторами: онъ въ Ригѣ, я въ Москвѣ, и встрѣчались у графа Ланскаго. Не могу не вспомнить о томъ впечатлѣніи, которое произвелъ на меня Валуевъ при пріемѣ въ званіи министра. Съ величавой наружностью онъ умѣлъ соединять достоинство съ любезностью. Вспоминая со мною прошедшее, онъ смягчалъ настоящую мою отъ него зависимость.

По высочайшему повелѣнію я былъ назначенъ главноуправляющимъ всѣми арестантскими ротами въ Россіи 23 ноября 1863 года. Выпавшая на мою долю задача была не изъ легкихъ. Политическихъ преступниковъ изъ польскаго и сѣверо-западнаго края высылалось до ста человѣкъ въ недѣлю. При осмотрѣ моемъ оказа-

лось, что открытое въ городѣ Псковѣ депо, подъ которое было занято, кромѣ казеннаго зданія, нѣсколько частныхъ домовъ, было переполнено. По справкамъ въ министерствахъ военномъ и внутреннихъ дѣлъ было видно, что численность политическихъ преступниковъ, назначенныхъ въ арестантскія роты, далеко превышаетъ свободныя въ нихъ мѣста. Сдѣлавъ распоряженіе объ отправленіи изъ Пскова арестантовъ только въ губерніи, гдѣ имѣлись вакансіи, я представилъ графу Валуеву соображенія о размѣщеніи остальныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ по личному моему усмотрѣнію.

Вскорѣ статсъ-секретарь Валуевъ сообщилъ мнѣ, что государь императоръ высочайше разрѣшилъ занимать подъ арестантскія роты всѣ казенныя зданія во внутреннихъ городахъ, какія окажутся свободными. На устройство и постройку зданій въ мое распоряженіе былъ первоначально открытъ кредитъ въ десять тысячъ рублей.

По моему второму представленію вышло дозволеніе зачислять въ роты политическихъ преступниковъ и сдѣлать для нихъ слѣдующія льготы: не брить головъ, вмѣсто куртокъ, съ позорящими отмѣтками, строить пальто.

Заботясь объ участи ввѣренныхъ моему наблюденію арестантовъ, я опять себя немного разстроилъ, и это замѣтилъ государь. Когда я ему однажды представлялся, онъ соизволилъ произнести:

— Однако, я совѣтую тебѣ поберегать себя. Я замѣчаю, что ты похудѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ я тебя не видѣлъ.

На объясненіе мое, что я чувствую себя всегда хорошо, когда порученное мнѣ дѣло идетъ успѣшно, его величество съ улыбкою отвѣтилъ:

— Я позабочусь о твоемъ здоровьѣ, ты безъ дѣла не останешься.

Объѣздъ нѣсколькихъ губернскихъ городовъ привелъ меня къ убѣжденію, что приспособленіе особыхъ помѣщеній для арестантовъ въ небольшихъ сравнительно партіяхъ ввело бы казну въ значительныя издержки и разъединило бы надзоръ. Экономя въ издержкахъ, я назначалъ помѣщенія съ возможнымъ стѣсненіемъ только въ зданіяхъ ротъ. Впослѣдствіи узнавъ, что Титовскія казармы въ Москвѣ свободны, я занялъ ихъ арестантами. Во Владимірѣ также размѣщено было мною до 300 арестантовъ. Скопленіе послѣднихъ въ разныхъ центрахъ Россіи и ихъ бездѣятельность не могли не отражаться на ихъ нравственности. Мои разговоры съ губернскимъ начальствомъ о томъ, чтобы оно занимало арестантовъ работами въ городахъ, ни къ чему не привели. Служилое чиновничество отправляло свои обязанности чисто съ формальной стороны, а души и разума въ дѣло не клало. Видя, что дальнѣйшая бездѣятельность погубитъ много молодыхъ силъ, я рѣшился, по возможности, ихъ спасти и представилъ министру о необходимости вывода политическихъ преступниковъ на государ-

ственныя работы по устройству землянаго полотна желѣзныхъ дорогъ.

Не могу не внести въ эти записки благодарнаго воспоминанія о графѣ Валуевѣ, принявшемъ живое участіе въ устройствѣ упомянутаго дѣла. Немедленно онъ вошелъ въ сношеніе съ министромъ путей сообщенія о назначеніи участка для арестантскихъ работъ на строящихся казною желѣзныхъ дорогахъ. Мнѣ поручено составить проектъ правилъ о порядкѣ слѣдованія, помѣщенія, продовольствія работъ и пр. Все это было быстро исполнено, и на все послѣдовало высочайшее утвержденіе.

Участокъ для работъ былъ отведенъ на орловско-тульской дорогѣ. На работахъ участвовало болѣе двухъ тысячъ политическихъ преступниковъ и до 250-ти русскихъ арестантовъ. Сформировано было восемь рабочихъ ротъ. Для каждой изъ нихъ устроены бараки со всѣми хозяйственными помѣщеніями, лазаретами и пр. Объявлено распоряженіе о заготовленіи рабочихъ инструментовъ и продовольствія. Инспекторомъ, подъ моимъ вѣдѣніемъ, былъ назначенъ генералъ-маіоръ Штемпель, а завѣдывающимъ хозяйственною частію статскій совѣтникъ Вержбитскій. Наконецъ, министръ, во уваженіе тяжкихъ и сложныхъ занятій администраціи арестантскихъ ротъ, предписалъ отчеты о приходѣ и расходѣ суммъ ежемѣсячно представлять въ министерство для опубликованія въ «Правительственномъ Вѣстникѣ».

Государственныя работы начались въ маѣ мѣсяцѣ 1865 года Хотя устройство помѣщеній требовало усиленной дѣятельности, но несравненно болѣе потребовалось наблюденія для достиженія нравственнаго исправленія арестантовъ, какъ главной цѣли, преслѣдуемой правительствомъ.

Не буду объяснять затрудненій въ пріисканіи ротныхъ командировъ, которые бы вполнѣ соотвѣтствовали назначенію. Они, съ разрѣшенія министра, во время работъ были обезпечены особымъ содержаніемъ [1]). Надзиратели выбирались трезвые, честные и разумно понимавшіе свои обязанности [2]). Вся суть заключалась въ томъ, чтобы лица, близко стоящія къ арестантамъ, пользовались ихъ довѣріемъ и уваженіемъ. Употреблявшіеся въ арестантскихъ ротахъ руготня, толчки и кулачныя расправы были запрещены строго. О всякомъ случаѣ нарушенія порядка, какъ бы онъ ни казался ничтожнымъ, приказано было немедленно доводить до свѣдѣнія начальства. Случаи эти изслѣдовались съ полнымъ вниманіемъ. Къ счастію, они были рѣдки.

---

[1]) Ротнымъ командирамъ и помощникамъ производилось двойное жалованье одна половина отъ казны, другая изъ заработанныхъ денегъ. Отпускалась провизія по числу лицъ семейства.

[2]) Они нанимались изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ, преимущественно служившихъ въ гвардіи.

Пища приготовлялась поварами изъ арестантовъ.

Хотя политическіе преступники изъ привилегированныхъ сословій были освобождены отъ государственныхъ работъ, но многіе изъ нихъ просили назначенія на работу, не смотря на предупрежденія, что они не получатъ никакихъ льготъ. Эти лица примѣромъ своимъ какъ въ нравственномъ отношеніи, такъ и усердіемъ къ работамъ много способствовали успѣху затѣяннаго мною дѣла.

По прошествіи нѣкотораго времени, замѣтивъ, что чрезъ однообразныя тяжкія занятія въ средѣ арестантовъ стало проявляться равнодушіе къ работамъ, я вошелъ съ ходатайствомъ о скорѣйшемъ командированіи въ мое распоряженіе ксендзовъ. До ихъ пріѣзда я разрѣшилъ полякамъ въ свободное отъ работъ время устроивать каплицы. Между политическими преступниками нашлись не только мастеровые, но и художники. Упомянутая работа имѣла на всѣхъ благопріятное вліяніе. Часть людей занялась даже приготовленіемъ музыкальныхъ инструментовъ по неимѣнію органовъ. Появленіе ксендзовъ въ моемъ отрядѣ было цѣлымъ событіемъ полной радости. Начались набоженства. Физіономіи горячей молодежи просвѣтлѣли, улучшилось ея душевное настроеніе, а съ нимъ оживилась и работа.

Говоря по совѣсти, успѣхъ небывалаго и сложнаго дѣла оказался большой. Кроткая покорность политическихъ преступниковъ удивляла всѣхъ; окрестное населеніе, видя спокойное поведеніе поляковъ, оставило свои опасенія [1]).

Никто не можетъ упрекать правительство въ строгости мѣръ при прекращеніи общественныхъ безпорядковъ. Нельзя не согласиться, что при подобныхъ мѣрахъ страдаютъ личности неповинныя. Но что же дѣлать? Изъ разсказовъ арестантовъ ясно было, что ихъ вербовали въ банды именемъ ойчизны, и нерѣдко съ участіемъ ксендзовъ. Послѣдніе выходили къ собравшемуся народу съ крестомъ и евангеліемъ, обѣщая за поступленіе въ банду блаженство рая. Въ случаѣ отказа они сулили непослушнымъ висѣлицу и мученія ада. Понятно, какое гибельное вліяніе на населеніе имѣли подобныя мѣры католическаго духовенства. Многіе изъ привлеченныхъ такимъ образомъ въ банды при первой встрѣчѣ съ

---

[1]) Опасенія были распространены въ народѣ до того, что предъ прибытіемъ поляковъ на работы крестьяне ближайшихъ селеній ходили вокругъ ротныхъ зданій съ образами и молились объ избавленіи ихъ отъ бѣдъ и напастей. Какъ-то, проѣзжая по линіи со старымъ ямщикомъ, мы встрѣтили роту, шедшую на работы. Арестанты съ веселыми лицами останавливались и кланялись мнѣ. Старикъ обратился съ вопросомъ:

— Какіе же это арестанты?

— Поляки, — отвѣчалъ я.

— Поди же,—сказалъ старикъ,—говорили, что они жгутъ и грабятъ, а выходитъ, что они люди, какъ люди. Вишь, съ какими лицами встрѣчаютъ тебя, а идутъ-то вѣдь не на праздникъ.

войсками бросали оружіе и сдавались. Болѣе они ничего сдѣлать не могли.

Нѣкоторые изъ политическихъ преступниковъ, попавшихъ въ арестантскія роты, даже были и совсѣмъ невиновные. Такъ, про одного изъ нихъ сами товарищи разсказывали, что онъ задержанъ былъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Ѣхалъ онъ съ возомъ сѣна, а навстрѣчу ему шла партія плѣнныхъ повстанцевъ подъ начальствомъ унтеръ-офицера. Изъ партіи только что убѣжалъ арестантъ. Находчивый унтеръ-офицеръ, опасаясь отвѣтственности предъ начальствомъ за слабый надзоръ, безъ церемоніи присоединилъ къ своей командѣ встрѣчнаго крестьянина въ качествѣ повстанца. Впослѣдствіи онъ попалъ въ одну изъ рабочихъ ротъ, находившихся въ моемъ вѣдѣніи.

Слушая означенные разсказы польской молодежи, я не могъ оставаться къ нимъ равнодушнымъ; не могъ не сочувствовать видимому раскаянію нѣкоторыхъ преступниковъ. И вотъ, по прибытіи въ Петербургъ, предъ окончаніемъ работъ, я началъ хлопоты о прощеніи и возвращеніи на родину находившихся въ моемъ распоряженіи повстанцевъ, преимущественно сельскаго населенія [1]).

Государь милостиво отнесся къ моему ходатайству. Онъ принялъ меня въ Царскомъ Селѣ, въ кабинетѣ.

— Ты дѣлаешь чудеса,— произнесъ его величество при входѣ моемъ, подавъ руку.

Я осмѣлился объяснить, что не могу взять на себя оканчивающійся благополучно опытъ работъ, производимыхъ политическими преступниками; что это событіе могло совершиться только по особенному промыслу Божію. Затѣмъ я вкратцѣ изложилъ процессъ работъ и просилъ о всемилостивѣйшемъ прощеніи и возвращеніи на родину хотя части работавшихъ. Государь выслушалъ меня и послѣ нѣсколькихъ вопросовъ повелѣлъ мнѣ отправиться въ Варшаву доложить подробно обстоятельства дѣла намѣстнику царства, генералъ-адъютанту графу Бергу, и о его заключеніи передать докладную записку министру внутреннихъ дѣлъ.

Пріѣхавъ въ Варшаву, я адресовался къ генералъ-полицеймейстеру, генералъ-адъютанту Трепову, объяснивъ цѣль моего пріѣзда. Вскорѣ по возвращеніи въ отель я получилъ отъ него записку, въ которой говорилось, что графъ приметъ меня на другой день, въ девять часовъ утра.

Фельдмаршалъ Бергъ былъ человѣкъ тонкаго, дипломатическаго ума. Онъ наговорилъ много лестнаго о моей службѣ въ званіи генералъ-интенданта и выразилъ совершенное довѣріе къ моимъ объ-

---

[1]) На основаніи высочайше утвержденнаго мнѣнія комитета всѣ политическіе преступники, по окончаніи сроковъ заключенія въ арестантскихъ ротахъ, должны были быть сосланы въ Сибирь на поселеніе.

ясненіямъ по дѣлу политическихъ ссыльныхъ. Намѣстникъ поручилъ мнѣ представить государю императору, что онъ признаетъ даже полезнымъ для края возвращеніе тѣхъ изъ польскихъ преступниковъ, которые заявили полное раскаяніе.

Докладную записку о результатахъ моей поѣздки я немедленно представилъ министру. Онъ былъ весьма доволенъ отвѣтомъ графа.

По ходатайству моему высочайше повелѣно было уволить политическихъ преступниковъ на родину по составленнымъ мною спискамъ. Это всемилостивѣйшее прощеніе возбудило въ оставшихся польскихъ арестантахъ страстное усердіе къ работамъ. Въ 1866 году было выведено на работу до 3.000 человѣкъ и русскихъ до пятисотъ. Они раздѣлялись на 14 ротъ и жили на двухъ участкахъ— между Тулой и Орломъ и между Орломъ и Курскомъ.

Работы шли успѣшно. Поведеніе политическихъ ссыльныхъ было до того удовлетворительно, что въ срединѣ лѣта я нашелъ возможнымъ уменьшить на половину и безъ того ограниченный конвой. Въ послѣднее время преступники находились за круговымъ ручательствомъ безъ стражи.

Государь, по своему милосердію, вновь вернулъ изъ нихъ къ своимъ семействамъ около 1.500 человѣкъ.

Въ 1867 году было выведено на работу на участокъ Курско-Кіевской дороги до 1.700 человѣкъ, изъ нихъ политическихъ преступниковъ было до 800, прощено до 600 человѣкъ.

Добавлю здѣсь о такомъ явленіи, которому не имѣлось примѣра со времени учрежденія арестантскихъ ротъ въ Россіи.

Наканунѣ выступленія русско-курской арестантской роты на государственныя работы я прибылъ въ нее къ молебну. Предъ раздачею арестантамъ по чаркѣ водки, я выпилъ за здоровье государя императора и напомнилъ имъ объ исправленіи поведенія. Преступники единогласно обѣщали вести себя безукоризненно и убѣдительно просили дозволенія идти на работу безъ конвоя. Я объяснилъ, что это противозаконно и опасно для нихъ самихъ. Рота удостовѣрила честнымъ словомъ, что исполнитъ свое обѣщаніе. Слышался говоръ, что «мы не ударимъ лицемъ въ грязь противъ поляковъ, работавшихъ безъ конвоя». Сознавая вполнѣ, что пробудившееся въ виновномъ чувство самосознанія есть лучшій проводникъ къ его исправленію, я объявилъ, что вѣрю честному слову русскаго человѣка, и дозволяю работать безъ конвоя. Объ этомъ небываломъ случаѣ мною было телеграфировано министру. Онъ отвѣчалъ кратко, но знаменательно: «Радуюсь такому факту».

Съ пѣснями, но въ совершенномъ порядкѣ, на другой день утромъ, къ удивленію окрестныхъ жителей, арестанты отправились на работы въ составѣ до 300 человѣкъ подъ начальствомъ ротнаго командира и при однихъ надзирателяхъ.

Для работъ преступниковъ безъ конвоя мною были составлены

особыя правила. Въ нихъ было постановлено устроить круговую поруку по десяткамъ. Тѣмъ десяткамъ, изъ которыхъ не будетъ бѣжавшихъ и вообще происшествій, разрѣшено, по окончаніи мѣсяца, выдавать на руки часть изъ выработанныхъ денегъ, прежде платившихся конвою [1]). Въ ротахъ устроено чаепитіе, водка запрещена. Если въ теченіе извѣстнаго времени будетъ выполнено арестантами въ точности все требуемое правилами, то испросится сокращеніе сроковъ ихъ наказанія [2]). Въ случаѣ побѣга или происшествія десятокъ поступаетъ подъ конвой, работаетъ особо, не пользуясь никакими льготами, и пр.

Правила были объявлены ротамъ въ моемъ присутствіи, приняты съ благодарностью и крикомъ: «ура». Конвой былъ отпущенъ.

Такимъ порядкомъ шли работы на участкахъ: въ 1868 году на Курско-Харьковскомъ и въ 1870 году на Воронежско-Ростовскомъ.

Не могу не внести въ записки одного изъ многихъ случаевъ похвальнаго поведенія русскихъ арестантовъ. Въ 1868 году, въ осеннюю ночь, загорѣлись стога помѣщичьяго хлѣба. Это было не далеко отъ моей квартиры, въ селѣ Шумаковѣ, Курской губерніи. Бѣдствіе угрожало всему селу. Въ верстѣ отъ него была расположена харьковская арестантская рота. Я послалъ съ верховымъ приказаніе немедленно прибыть ей съ лопатами на пожаръ. Едва успѣлъ я сообразить, что слѣдуетъ предпринять для прекращенія огня, какъ рота прибѣжала вразсыпную въ числѣ 300 человѣкъ. Половинѣ изъ нихъ приказано растаскивать горящіе стога и засыпать ихъ землею [3]); другой половинѣ—вытаскивать изъ земли ростущія вблизи высокія конопли и прикрывать ими незагорѣвшіеся стога хлѣба и крыши домовъ, находившихся подъ вѣтромъ отъ пожара. Съ помощію Божіею, усердною до самоотверженія работою арестантовъ, пожаръ былъ быстро прекращенъ. Темная ночь и близость коноплей, въ которыхъ и среди дня трудно найти скрывшагося человѣка, возбудили опасенія въ ротномъ командирѣ. Онъ просилъ дозволенія построить арестантовъ и повѣрить.

— Никакой повѣрки не нужно,—сказалъ я громко.—Увѣренъ, что молодцы меня краснѣть не заставятъ. Пересчитайте ихъ у дверей при входѣ въ баракъ и мнѣ доложите.

При описанномъ случаѣ и круговая порука не могла имѣть своей силы. За тушеніе пожара мною дана была ротѣ денежная награда [4]).

---

[1]) За конвой уплачивалось войскамъ: каждому рядовому по 10 коп., унтеръ-офицерамъ по 20 коп., а гг. офицерамъ по рублю въ сутки.

[2]) По представленію моему министръ исходатайствовалъ, чтобы въ тѣхъ десяткахъ, гдѣ вышеозначенныя правила будутъ исполнены въ точности, считать день, проведенный на работѣ, за два.

[3]) Воды въ селѣ, кромѣ колодцевъ, не было.

[4]) Во время управленія моего губерніями я всегда бывалъ на пожарахъ.

Министръ путей сообщенія, осмотрѣвъ курско-кіевскій участокъ, поручилъ мнѣ увѣдомить статсъ-секретаря Валуева, что онъ лично убѣдился въ порядкѣ содержанія арестантовъ и отчетливомъ выполненіи ими работъ.

Со вступленіемъ въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ генералъ-адъютанта Тимашева, арестантскія роты перестали пользоваться вниманіемъ министерства. Генералъ Тимашевъ, при пріемѣ меня, въ октябрѣ 1868 года, съ отчетомъ о работахъ, прямо объявилъ, что по важнымъ занятіямъ, на него возложеннымъ, онъ предоставилъ директорамъ департаментовъ разсмотрѣніе подобныхъ дѣлъ.

Между тѣмъ, по требованію комитета министровъ, представленъ былъ мною въ томъ же году, при докладной запискѣ, отчетъ объ арестантскихъ работахъ. Изъ него видно, что по истеченіи четырехъ лѣтъ осталось наличными деньгами 75.912 р. 53 к., а съ присовокупленіемъ суммы отъ несодержанія арестантовъ въ мѣстныхъ ротахъ въ казнѣ образовалась экономія до 212 тысячъ рублей.

20-го апрѣля 1869 года я былъ всемилостивѣйше награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго за усердіе и труды по главному завѣдыванію арестантскими ротами.

Въ 1869 году арестанты не были выведены на государственныя работы, отчасти потому, что не было своевременно разрѣшено направленіе дороги.

Въ 1870 году, по желанію вліятельныхъ лицъ, убѣжденныхъ въ пользѣ арестантскихъ работъ [1]), я вынужденнымъ нашелся представить о назначеніи арестантовъ на работу.

Въ началѣ 1870 года министръ объявилъ мнѣ, чтобы всѣ издержки по командировкамъ, касающимся арестантскихъ ротъ, относились на заработанную ими плату, а 31-го августа министерство потребовало 10 тысячъ рублей будто бы для пополненія департаментскихъ суммъ.

Я не зналъ мотивовъ небывалаго требованія. За предшествовавшіе рабочіе періоды, остававшіяся деньги вмѣстѣ съ отчетами представлялись въ министерство и хранились въ немъ до востребованія на разные случаи, какъ-то: на случай неожиданнаго возвышенія цѣнъ на продукты и другія экстренныя надобности.

Въ 1870 году чрезъ арестантскія работы казна получила пользы болѣе 40 тысячъ рублей.

Не рѣдко случалось видѣть, что и не арестанты въ суматохѣ не упускали случая пользоваться чужимъ добромъ. Послѣ пожара въ селѣ Шумаковѣ жители, явившись ко мнѣ съ благодарностью за помощь, объявили, что у нихъ оказалось все цѣло до послѣдней нитки.

[1]) Особенно интересовался этимъ дѣломъ покойный генералъ-адъютантъ Чевкинъ, которому, согласно его желанію, я представлялъ копіи съ моихъ отчетовъ.

Въ концѣ концовъ невниманіе новаго начальства къ арестантскимъ работамъ выразилось въ томъ, что отчетъ за іюнь мѣсяцъ упомянутаго года былъ въ петербургскихъ канцеляріяхъ безслѣдно утерянъ.

Не могу не привести еще примѣра неудачи одного изъ моихъ представленій, обѣщавшаго несомнѣнную пользу. Еще въ 1868 году послѣдовало циркулярное предписаніе господина министра губернаторамъ о принятіи мѣръ противъ пожаровъ и устройства въ селеніяхъ пожарныхъ инструментовъ.

Имѣя въ виду доказанный опытомъ успѣхъ арестантскихъ работъ, я сообщилъ въ министерство, что было бы безусловно полезно занять арестантскія роты дѣланіемъ кирпича и черепицы для постройки каменныхъ домовъ въ селеніяхъ. Эта мѣра имѣла бы результатомъ то, что пожары не были бы бѣдствіемъ цѣлыхъ деревень. На мое представленіе министръ отвѣчалъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ мое мнѣніе. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ я писалъ директору департамента полиціи исполнительной, что строитель желѣзной дороги Поляковъ жертвуетъ 15 тысячъ рублей на заведеніе кирпичныхъ заводовъ въ трехъ губерніяхъ, по которымъ проходятъ желѣзныя дороги.

Возбужденное мною дѣло дальнѣйшаго хода не имѣло. Объ этомъ нельзя не сожалѣть. Наши сельскія деревянныя постройки находятся стѣна объ стѣну и крыты соломою. Нашъ крестьянинъ живетъ съ роднымъ «авось» въ головѣ. Стоитъ загорѣться одной избѣ съ подвѣтреннаго края, и прежде, чѣмъ кто успѣетъ добѣжать до пожарныхъ инструментовъ, вся деревня уже будетъ охвачена пламенемъ.

Упомянутый народный бичъ отражается и на домашней обстановкѣ крестьянина. Онъ увѣренъ, что, если Богъ не помилуетъ, то все, что бы ни завелъ онъ въ своемъ хозяйствѣ для удобства жизни, станетъ жертвою огня. Поэтому мужичекъ и живетъ въ своей избѣ, какъ на бивуакѣ, и послѣднюю копейку несетъ на выпивку.

Мнѣ кажется, что сельскіе пожары могутъ быть уменьшены отчасти распространеніемъ каменныхъ построекъ съ черепичными крышами. Ихъ можно располагать чрезъ нѣсколько домовъ по одной. На первое время постройки будутъ служить какъ бы брандмауерами между деревянными домами. Послѣдніе должны быть отдѣлены другъ отъ друга небольшимъ пространствомъ и посаженными деревьями.

Чтобы не прерывать воспоминаній объ арестантскихъ работахъ, я отступилъ отъ хронологическаго порядка въ описаніи моихъ служебныхъ занятій и не внесъ въ записки даннаго мнѣ секретнаго порученія въ Бозѣ почившей императрицей Маріей Александровной.

6-го февраля 1868 года я былъ потребованъ государемъ чрезъ генералъ-адъютанта Трепова. При входѣ моемъ въ кабинетъ, его величество соизволилъ объявить мнѣ:

— Императрица желаетъ поручить тебѣ устроить помощь бѣднымъ, пострадавшимъ отъ неурожая хлѣба. Можешь ли ты, при своихъ занятіяхъ, принять на себя это порученіе?

На мой отвѣтъ, что я почту особеннымъ счастіемъ исполнить волю государыни, императоръ приказалъ камердинеру узнать: угодно ли ея величеству принять насъ въ своемъ кабинетѣ, или прійти сюда?

Вскорѣ государыня пожаловала въ кабинетъ своего августѣйшаго супруга и осчастливила меня дозволеніемъ приложиться къ рукѣ [1]). Затѣмъ, въ милостивыхъ словахъ она выразила желаніе оказать денежную помощь въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ существуетъ недостатокъ въ хлѣбѣ. Она прибавила, что располагаетъ суммою въ 50 тысячъ рублей, которую и прикажетъ своему секретарю, тайному совѣтнику Морицу, выдать въ мое распоряженіе. Если же будетъ необходимо, то впослѣдствіи означенная сумма можетъ быть увеличена.

Императрица далѣе высказала мысль, чтобы бѣдные, кромѣ хлѣба, получали и горячую пищу, гдѣ возможно, по примѣру, какъ это дѣлается въ Петербургѣ; чтобы помощь ея оставалась тайною, и чтобы объ успѣхѣ порученія я лично докладывалъ ея величеству.

Я осмѣлился объяснить, что при современномъ положеніи печати тайну сохранить почти невозможно. Государь изволилъ произнесть:

— Мы увѣрены, что ты во всѣхъ отношеніяхъ разумно исполнишь наше порученіе.

Царь повелѣлъ мнѣ, по мѣрѣ объѣзда губерній, представлять лично ему записки о положеніи мѣстностей, пострадавшихъ отъ недостатка хлѣба.

Изъ донесеній губернаторовъ и свѣдѣній въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ оказалось, что голода, въ настоящемъ смыслѣ слова, не было, но недостатокъ въ хлѣбѣ ощущался преимущественно въ губерніяхъ: Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Витебской, Могилевской, Смоленской, Тульской и Курской.

Представивъ на другой день государынѣ императрицѣ докладъ мой и объяснивъ положеніе дѣла, я испросилъ соизволеніе на выдачу мнѣ только 25 тысячъ рублей, имѣя въ виду, что щедроты ея величества и, при строгомъ охраненіи тайны, найдутъ сочувствіе въ достаточныхъ жителяхъ. Въ тотъ же день я отправился въ Олонецкую губернію.

Въ первомъ попутномъ городѣ Олонцѣ я былъ свидѣтелемъ та-

---

[1]) Я имѣлъ счастіе быть извѣстнымъ лично ея величеству съ того времени, какъ въ Бозѣ почившій государь императоръ, будучи наслѣдникомъ, сталъ командовать гвардейскимъ корпусомъ. Случалось, что ея величество входила въ его кабинетъ, когда я бывалъ съ докладами. Будучи губернаторомъ въ Москвѣ, во время коронаціи, я удостоивался исполненіемъ порученій изъ ея суммъ помогать бѣднымъ совершенно секретно.

кихъ распоряженій администраціи, которыя не только могли увеличить страхъ жителей и толки въ газетахъ, но возбудить и въ правительствѣ опасенія въ дѣйствительномъ существованіи голода.

Бѣднѣйшая часть олонецкихъ обитателей, не имѣя достаточно своего хлѣба, обыкновенно зимою отправлялась съ семействами на своихъ подводахъ собирать его въ сосѣднія губерніи и пересушивать въ сухари. Они возвращались домой обезпеченными до новаго урожая. Начальство, сдѣлавъ распоряженіе о покупкѣ ржи для жителей, запретило имъ выѣзжать изъ предѣловъ губерніи. Я засталъ на олонецкой городской площади безпорядочную толпу, которую полиція усердно возвращала назадъ безъ всякой помощи. Далеко ли было до катастрофы отъ голода и холода на обратномъ пути?

Пригласивъ городскаго голову и объявивъ ему страшныя послѣдствія, могущія произойти въ народѣ отъ крайней нищеты, я предложилъ ему продать нужное количество хлѣба. Онъ вызвался пожертвовать 500 пудовъ муки, которую я приказалъ мѣстной воинской командѣ, съ участіемъ жителей, немедленно перепечь. Затѣмъ, подъ наблюденіемъ гг. исправника и городскаго головы хлѣбъ былъ розданъ нуждавшимся семействамъ.

Во время пути до Петрозаводска, вслѣдствіе дошедшихъ уже слуховъ о пособіяхъ въ г. Олонцѣ, бѣдняки стали осаждать меня на станціяхъ просьбами о помощи. Между ними были и такія лица, которыя послѣ убѣжденій мѣстнаго начальства сами сознавались, что они особенно не нуждаются. Такое обстоятельство вынудило меня быть осторожнымъ при личныхъ выдачахъ пособій.

Въ Петрозаводскѣ губернаторъ передалъ мнѣ свѣдѣнія, изъ которыхъ я убѣдился, что имѣющимися въ наличности запасами хлѣба и продовольственнымъ капиталомъ губернія будетъ предохранена отъ голода, и что помощь отъ правительства необходима только для будущихъ посѣвовъ. По просьбѣ моей былъ собранъ благотворительный комитетъ. Онъ опредѣлилъ размѣръ пособій по уѣздамъ, а въ городѣ увеличилъ уже устроенную столовую съ хлѣбомъ и горячею пищею.

Подобныя распоряженія для отвращенія голода были сдѣланы мною и въ Вологодской губерніи. При проѣздѣ чрезъ Петербургъ въ другія губерніи, мною были представлены лично записки государю императору и государынѣ императрицѣ съ правдивымъ изложеніемъ о всемъ видѣнномъ мною на сѣверѣ и о тѣхъ мѣрахъ, которыя приняты къ уменьшенію общественнаго бѣдствія начальствомъ и зажиточными жителями.

Удостоенный особенной благодарности ихъ величествъ, я въ тотъ же день отправился въ остальныя провинціи.

Главное условіе успѣха въ эпохи голодовокъ кроется въ быстромъ поданіи помощи страждущимъ. Руководствуясь этой идеей

еще въ Петрозаводскѣ, я объѣхалъ остальныя шесть губерній въ три недѣли. Отдыхалъ я только во время пути въ дорожныхъ экипажахъ.

31-го января 1869 года я имѣлъ счастіе поднести государынѣ докладъ съ результатами моей поѣздки. Изъ него видно, что изъ 25-ти тысячъ рублей было израсходовано 20.400 рублей. Частныя пожертвованія достигли 47,956 рублей 91 коп. На составившуюся такимъ образомъ сумму 68.356 рублей 91 коп. выдано бѣднѣйшимъ жителямъ болѣе милліона порцій.

Ея величество подробно разспрашивала о причинахъ недостатка хлѣба, особенно въ губерніяхъ, считающихся хлѣбородными, и всемилостивѣйше соизволила объявить благодарность предсѣдательствовавшимъ въ благотворительныхъ комитетахъ въ голодавшихъ губерніяхъ супругамъ губернаторовъ: А. П. Борознѣ, Л. Д. Лонгиновой, А. В. Шидловской, С. Д. Арсеньевой, Е. Я. Косаговской, и прочимъ лицамъ, принимавшимъ участіе въ облегченіи голода. 13-го марта получено было мною письмо отъ секретаря императрицы, выражающее мнѣ искреннюю признательность ея величества за столь успѣшное выполненіе порученія, возложеннаго на меня по особенному ея довѣрію.

Порученіе это оставило незабвенное воспоминаніе въ моемъ сердцѣ. Оно помогло перенести тяжелую потерю, ниспосланную мнѣ Провидѣніемъ. Жена моя, послѣ двухъ поѣздокъ за границу, не переставала страдать отъ боли въ спинной кости и скончалась 5-го сентября въ Баденѣ. Передъ кончиною она изъявила желаніе быть погребенною въ Петербургѣ. Послѣднія слова покойной, какъ видно изъ депеши сына нашего Анатолія, были обращены ко мнѣ. Хотя еще здѣшніе доктора, Экъ и Григоровичъ, предсказывали грустный исходъ ея болѣзни, но извѣстіе о смерти жены и друга, дѣлившаго со мною 40 лѣтъ горе и радость, подѣйствовало на меня весьма сильно. Никогда не забуду того состоянія, въ которое я впалъ. Когда привезенное въ Петербургъ тѣло покойной опустили въ могилу, то меня постигло полное онѣмѣніе. Я не сознавалъ ничего, происходившаго кругомъ меня. Дѣти мои: два сына и двѣ дочери, уже пристроенныя, жить со мною не могли. Грусть одиночества разрушала мое здоровье. Нравственныя муки дошли до того, что даже служебныя занятія казались мнѣ невыносимо тяжкими. Я не знаю, что было бы со мною далѣе, еслибъ не спасли меня два важныхъ обстоятельства: моя вторая женитьба и назначеніе генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири. Послѣднее состоялось 21-го января 1871 года.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Н. П. Синельниковъ.

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА Н. П. СИНЕЛЬНИКОВА[1].

VII.

Предварительное объясненіе къ этой главѣ записокъ. — Какъ произошло самое назначеніе меня генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири.—Разговоръ съ государемъ на Георгіевскомъ обѣдѣ въ Зимнемъ дворцѣ. — Генералъ Корсаковъ. — Бесѣды съ нимъ о минувшихъ судьбахъ Сибири. — Разговоры съ министрами.— Аудіенція у государя и его мысли о Восточной Сибири. — Вопросъ о ея раздѣленіи между военнымъ и морскимъ министерствами. — Неожиданная непріятность.—Великій князь Константинъ Николаевичъ.—Генералъ-адъютантъ Краббе.— Безполезныя хлопоты въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. — Переѣздъ въ Восточную Сибирь.—Въ какомъ состояніи я ее нашелъ.—Мои усилія къ улучшенію судьбы сибиряковъ.—Искусственный голодъ въ краѣ, созданный евреями.—Мои распоряженія къ его уничтоженію.—Допущеніе каторжниковъ къ работамъ на золотыхъ пріискахъ. — Мысли, которыми я руководствовался при организаціи этого дѣла. — Энергичныя мѣропріятія къ уменьшенію побѣговъ съ каторги. — Поѣздка на Амуръ. — Рядъ поучительныхъ картинъ. — Экономическое, военное, административное и нравственное состояніе Забайкалья, Амурской и Приморской областей. — Корейцы. — Заливъ Посьета, заливъ Находка. — Исторія съ ея колоніей.—Возвращеніе въ Иркутскъ.

ПИСАНІЮ послѣдней эпохи моей служебной дѣятельности, въ званіи генералъ-губернатора Восточной Сибири, я долженъ предпослать небольшое объясненіе. Главная цѣль этой части записокъ состоитъ въ томъ, чтобы выяснить бывшее экономическое состояніе одной изъ важнѣйшихъ отдаленныхъ окраинъ Россіи, и тѣ мѣры, которыя, по моему убѣжденію, были необходимы къ поднятію въ ней нравственности и благоденствія безъ затраты на то крупныхъ суммъ со стороны правительства. Къ сожалѣнію, мнѣ придется здѣсь коснуться нѣкоторыхъ противодѣйствій моимъ мѣропріятіямъ со стороны высшей петербургской администраціи.

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LX, стр. 373.

Самое назначеніе мое на новый постъ состоялось такъ: министръ внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютантъ Тимашевъ, объявилъ мнѣ, что генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, генералъ Корсаковъ, проситъ объ увольненіи его по болѣзни въ продолжительный отпускъ, и что государю императору благоугодно назначить вмѣст Корсакова меня. На неожиданное предложеніе я отвѣчалъ, что считаю недобросовѣстнымъ взять на себя обязанности начальника обширнаго края по преклоннымъ лѣтамъ [1]), часто повторяющимся недугамъ и глазнымъ страданіямъ. Управленіе же Восточною Сибирью требуетъ усиленной энергіи. Министръ напомнилъ мнѣ съ похвалою о моемъ губернаторствѣ въ четырехъ губерніяхъ, о завѣдываніи арестантскими ротами и пр. Отклонивъ похвальное о себѣ слово, я просилъ собесѣдника принять отъ меня письменное объясненіе по возбужденнымъ во мнѣ затрудненіямъ.

Предъ высочайшимъ выходомъ въ Зимнемъ дворцѣ, 26-го ноября, 1870 года, въ день празднованія св. Георгія, шефъ жандармовъ, генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ, подошелъ ко мнѣ съ словами:

— Вы отказываетесь отъ мѣста генералъ-губернатора?

Я повторилъ мысли, представленныя мною генералу Тимашеву. Графъ возразилъ:

— Государь императоръ, разсматривая генеральскій списокъ, остановился на васъ. Онъ сказалъ: болѣе назначить некого.

Я отвѣтилъ:

— Если вы, графъ, объявляете мнѣ это оффиціально, то, обязанный всѣмъ моимъ благосостояніемъ милости государя, я, не смотря на старость и болѣзни, считаю недобросовѣстнымъ отказываться отъ мѣста, имъ указываемаго.

Въ тотъ же день, послѣ обѣда, происходившаго во дворцѣ, при входѣ моемъ въ концертный залъ, императоръ, подозвавъ меня и милостиво подавъ руку, изволилъ произнести:

— Я радъ видѣть тебя здоровымъ. Надѣюсь, что ты будешь продолжать твою полезную дѣятельность на мѣстѣ, которое я назначу.

На благодарность мою за довѣріе его величество благосклонно прибавилъ:

— Благодарю тебя; я въ этомъ не сомнѣваюсь.

Приведенный разговоръ происходилъ въ присутствіи бывшихъ на обѣдѣ лицъ и, вѣроятно, послужилъ поводомъ къ появленію въ газетахъ извѣстія о назначеніи меня въ Восточную Сибирь гораздо раньше, чѣмъ состоялся о томъ высочайшій приказъ. Вскорѣ министръ внутреннихъ дѣлъ объявилъ мнѣ монаршее повелѣніе заняться сибирскими дѣлами. Я немедленно вошелъ въ личныя отношенія съ генераломъ Корсаковымъ, находившимся въ Петербургѣ.

---

[1]) Мнѣ было около 65-ти лѣтъ.

Генералъ Корсаковъ былъ разумный и честный человѣкъ. Въ бесѣдахъ со мною онъ возмущался невниманіемъ къ его предположеніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Неопредѣленное время оно удерживало въ столицѣ противозаконно члена совѣта главнаго управленія Восточной Сибири К. Послѣдній владѣлъ перомъ и даромъ слова, но защищалъ изъ особыхъ видовъ еврейскій элементъ, способствовавшій распространенію пьянства на пріискахъ и въ народѣ. Кромѣ того, мой предшественникъ передалъ, что въ высшихъ правительственныхъ сферахъ почти утвержденъ проэктъ о присоединеніи Приморской области къ морскому министерству.

По воспослѣдованіи высочайшаго приказа о моемъ назначеніи, я поспѣшилъ представиться гг. министрамъ. Выходящія изъ ряду объясненія были съ министромъ юстиціи, графомъ Паленомъ. Онъ согласился съ моими предположеніями объ употребленіи ссыльно-каторжныхъ на работы на частныхъ золотыхъ промыслахъ и объ исходатайствованіи льготъ тѣмъ изъ нихъ, которые окажутъ усердіе къ работамъ и будутъ отличаться хорошимъ поведеніемъ. Генералъ-адъютантъ Тимашевъ предупредилъ меня, что по вопросу о раздѣленіи Восточной Сибири между военнымъ и морскимъ министерствами, уже оконченному въ высочайше учрежденномъ совѣщаніи, мнѣ не слѣдуетъ противорѣчить, а не то у меня возьмутъ и Забайкалье.

— Если этотъ вопросъ конченъ,—замѣтилъ я,—то нечего и разсуждать о немъ. Впрочемъ, я не ищу славы управлять огромными территоріями, а желаю принести посильную пользу той мѣстности, которая будетъ мнѣ поручена.

Императоръ принялъ меня весьма милостиво. Не могу не сознаться, что при объясненіи относительно управленія Восточною Сибирью я былъ пораженъ ея знаніемъ его величествомъ. Бѣдственное положеніе народа отъ распространеннаго пьянства, ненормальное положеніе служащихъ и безполезная трата казны на Амурскій край съ неудачнымъ заселеніемъ Уссурійскаго побережья въ Находкѣ и пр. были высказаны государемъ вкратцѣ и отчетливо. Наконецъ, онъ повелѣлъ мнѣ обратить вниманіе вообще на устройство ссыльныхъ и въ особенности ссыльно-каторжныхъ. Я доложилъ, что полагаю распредѣлять ихъ на работы по усовершенствованію дорогъ и на частные золотые промыслы, по примѣру бывшихъ въ моемъ вѣдѣніи арестантскихъ ротъ. Монархъ замѣтилъ:

— Тамъ у тебя дѣла шли отлично, слѣдовательно такъ и устроивай.

Потомъ, нѣсколько подумавъ, онъ сказалъ:

— Я желалъ бы, чтобы ты присутствовалъ въ совѣщаніи о раздѣленіи Сибири.

— Если благоугодно вашему величеству, я буду присутствовать, хотя и опасаюсь, что не принесу пользы дѣлу потому, что не знаю края, судьбы котораго будутъ обсуждаться.

— Что же ты полагаешь?—спросилъ государь.

— Если по дѣлу нужны мои соображенія, то я просилъ бы дозволенія представить ихъ по личномъ осмотрѣ Восточной Сибири.

— Я нахожу твои слова основательными,—отвѣтилъ императоръ:—поѣзжай и скажи брату.

Предсѣдательствующій въ совѣщаніи, великій князь Константинъ Николаевичъ, принялъ меня въ общей пріемной, будучи готовымъ ѣхать въ государственный совѣтъ. Онъ встрѣтилъ меня благосклонно, какъ лицо, служившее подъ его высокимъ начальствомъ въ званіи генералъ-интенданта 1-й арміи и пользовавшееся его довѣріемъ. Великій князь сказалъ:

— Я очень радъ твоему назначенію.

Объясненія мои съ государемъ по вопросу о раздѣленіи Восточной Сибири его высочество выслушивалъ съ видимо возростающимъ безпокойствомъ. Наконецъ, онъ рѣзко возразилъ:

— Теперь мнѣ некогда, я ѣду въ государственный совѣтъ.

Грустное впечатлѣніе произвелъ на меня неожиданный пріемъ великаго князя. Просить объ избавленіи отъ новаго назначенія было неумѣстно.

Я обратился за совѣтомъ къ управляющему морскимъ министерствомъ, генералъ-адъютанту Краббе, котораго зналъ за человѣка съ рыцарскою душою. Выслушавъ меня, онъ произнесъ:

— Сдѣланный вамъ пріемъ его высочествомъ весьма естественъ. Дѣло о раздѣленіи Восточной Сибири стоило ему усидчивыхъ занятій; оно можетъ замедлиться окончаніемъ чрезъ васъ, хотя вы въ немъ дѣйствовали не предумышленно. Впрочемъ, даю честное слово моряка доложить генералъ-адмиралу, что вамъ, какъ человѣку опыта, необходимо вникнуть въ сущность дѣла и прочитать его.

Въ тотъ же день производитель дѣлъ совѣщанія, тайный совѣтникъ Маннъ [1]), привезъ мнѣ дѣло о раздѣленіи Сибири. Часть его составляли подробныя описанія, представленныя комиссіею, осматривавшею Амурскую и Приморскую области съ островомъ Сахалиномъ.

Я прочиталъ внимательно дѣло и сообразилъ его съ тѣми свѣдѣніями, которыя имѣлъ отъ генерала Корсакова, опасавшагося болѣе всего милліонныхъ расходовъ казны. Я успѣлъ также побесѣдовать о Сибири съ ея интеллигентными уроженцами, жившими въ Петербургѣ. Я принялъ къ соображенію и начальное предположеніе бывшаго генералъ-губернатора графа Муравьева о раздѣленіи Восточной Сибири. Все упомянутое привело меня къ тому выводу, что я возвратилъ дѣло г. Манну при краткой запискѣ, не вдаваясь ни въ какія объясненія.

---

[1]) Кажется, авторъ нѣкоторыхъ драматическихъ піесъ, какъ-то: «Паутина», «Воробушки» и пр.

Въ особомъ совѣщаніи, вскорѣ назначенномъ, его высочество приказалъ Манну прочесть внесенную мною записку. Затѣмъ, согласно уже прежде послѣдовавшему высочайшему повелѣнію, былъ составленъ журналъ объ изъятіи Приморской области изъ вѣдѣнія генералъ-губернатора Восточной Сибири и о перенесеніи морскихъ учрежденій во Владивостокъ. Окончательное же дѣло о раздѣленіи Сибири было отложено до полученія опредѣлительныхъ свѣдѣній отъ начальника края.

Такимъ образомъ, самое дѣло стало на законную почву, согласно статьѣ 329-й книги 2-й законовъ. Однако, личности, предпочитавшія собственные интересы государственной пользѣ, парализовали предпринимаемыя мною мѣры для лучшаго устройства врученнаго мнѣ края. Интриги доходили до такихъ размѣровъ, которымъ едва ли были примѣры въ прошедшемъ.

Какъ я уже упоминалъ выше, въ Петербургѣ находился въ прикомандированіи къ министерству внутреннихъ дѣлъ крупный сибирскій чиновникъ К. Кромѣ него, въ столицѣ проживали безъ видимой пользы для службы многіе офицеры, числившіеся въ казачьихъ войскахъ Сибири, и ея генералъ-губернаторъ не могъ ими распорядиться. Тщетною оставалась моя просьба о совершенномъ отчисленіи отъ своего мѣста г. К. и о назначеніи на мѣсто его генерала Квитницкаго, съ порученіемъ ему должности инспектора ссыльно-каторжныхъ. Мнѣ только было предоставлено право войти объ этомъ вопросѣ съ особымъ представленіемъ по пріѣздѣ въ Иркутскъ.

Я выѣхалъ изъ Петербурга въ Сибирь 17-го февраля 1871 г. съ больною женою. Не буду занимать мѣста въ запискахъ о проѣздѣ нашемъ по губерніямъ Европейской Россіи, тѣмъ болѣе, что, благодаря милости Божіей, мы не встрѣтили въ пути особенныхъ затрудненій.

По переѣздѣ границы Восточной Сибири я останавливался въ г. Ачинскѣ, потомъ два дня въ Красноярскѣ для осмотра присутственныхъ мѣстъ, учебныхъ заведеній, тюрьмъ, больницъ и войскъ. Я говорилъ съ мѣстными золотопромышленниками объ употребленіи каторжныхъ на пріисковыхъ работахъ, и капиталисты сочувственно относились къ моимъ мыслямъ. Проѣздъ замедлялся множествомъ просьбъ, подаваемыхъ населеніемъ на станціяхъ, съ жалобами на такъ называемые темные поборы и злоупотребленія властей. На вопросы мои, исправно ли уплачиваются казенныя подати, слышны были отвѣты, что въ казенныхъ податяхъ небольшія недоимки есть, а темные поборы выколачиваются сполна.

Видя въ селеніяхъ ветхость храмовъ Божіихъ, безобразіе наружаго устройства и значительное число питейныхъ домовъ, помѣщенныхъ въ лучшихъ строеніяхъ, я замѣчалъ народу, что это доказываетъ безпорядочность его жизни и наклонность къ пьянству.

На упреки я слышалъ отзывы, что открывать кабаки вынуждаетъ начальство вмѣстѣ съ кагаломъ жидовъ, увѣряя, что кабакъ нуженъ казнѣ.

Грустно было видѣть крестьянина, не пользовавшагося при изобиліи плодотворной почвы не только избыткомъ, но охладѣвшаго къ труду и потерявшаго надежду на лучшее будущее.

Такъ же возбудило во мнѣ вниманіе значительное число бродягъ между тюремными арестантами. Изъ разспросовъ оказалось, что они назывались бродягами для того, чтобы облегчить мѣру своего наказанія или, какъ выражались бѣглые, «сдѣлать себѣ манифестъ». Извѣстно, что за бродяжество законъ опредѣляетъ срокъ тюремнаго заключенія не болѣе пяти лѣтъ, за убійство же и другія важныя преступленія наказанія слѣдуютъ болѣе тяжкія. Нѣкоторые изъ преступниковъ, совершивъ побѣгъ, сами являлись къ начальству въ другомъ мѣстѣ и назывались бродягами. Начальство становилось втупикъ, не знало, гдѣ наводить справки о только что явившейся личности, быть можетъ, совершившей вопіющее дѣло. Но неизвѣстная личность назвалась бродягою, и этимъ названіемъ стерла всѣ слѣды своего прошлаго темнаго существованія. Слово «бродяга» не должно быть допустимо закономъ, а виновнику въ отверженіи своей личности должно слѣдовать самое суровое наказаніе. Относительно задержанія бѣглыхъ населеніе сообщило, что оно невозможно, такъ какъ бѣглые слѣдуютъ обыкновенно въ самую пору полевыхъ работъ; на сопровожденіе же ихъ въ города, находящіеся, большею частію, на дальнемъ разстояніи, надобно терять самое горячее время. Кромѣ того, крестьяне выразили опасеніе мщенія за поимку со стороны бѣглаго, въ случаѣ его вторичнаго побѣга.

На одной станціи послѣ моей бесѣды съ народомъ подошелъ ко мнѣ волостной старшина и сказалъ:

— У насъ есть ссыльные по приговорамъ обществъ, люди, какъ говорится, отпѣтые; ихъ всѣ чуждаются, и жизнь ихъ до крайности тяжела. Они охотно пойдутъ на ловлю бродягъ, лишь бы имъ за то что нибудь платили.

Это заявленіе было одобрено собравшимися крестьянами и подтверждено населеніемъ на другихъ станціяхъ, чрезъ которыя проѣзжалъ я.

По разстройству санной дороги мнѣ пришлось перемѣнить экипажи и, по случаю прекращенія переправы чрезъ рѣку Ангару подъ Иркутскомъ, свернуть съ московскаго тракта на Ангарскій. Я прибылъ въ г. Иркутскъ 20-го марта, встрѣченный у въѣзда полицеймейстеромъ и городскимъ головою.

Въ домѣ меня ожидали начальствующія лица. При общемъ представленіи я нашелъ большинство лицъ, занимающихъ высшія должности, какъ-то: членовъ совѣта главнаго управленія и пр., дер-

жавшихъ себя съ полнымъ достоинствомъ. Они подавали мнѣ надежду найти въ нихъ дѣльныхъ и усердныхъ помощниковъ. Чиновники, сидѣвшіе на низшихъ служебныхъ мѣстахъ, производили на меня, какъ при первомъ свиданіи съ ними, такъ и впослѣдствіи, самое тяжелое впечатлѣніе. Крайне ограниченное содержаніе, при дороговизнѣ необходимыхъ потребностей жизни, положило на сибирское чиновничество неизгладимое клеймо приниженности и безличія. Между тѣмъ, до меня сотни тысячъ тратились непроизводительно на вспомоществованіе населенію Амура, Амурскому пароходству и пр.

Въ городскомъ обществѣ, къ удивленію моему, я нашелъ искреннюю готовность способствовать моимъ наклонностямъ къ улучшенію города и къ созданію полезныхъ общественныхъ зданій. На мои предложенія: устроить земляной валъ по берегу рѣки Ангары съ бульваромъ, чтобы предохранить городъ отъ опасныхъ наводненій, бывающихъ почти ежегодно; выстроить приличный театръ на одной изъ площадей; возвести вмѣсто разрушавшагося новое благородное собраніе; создать воспитательный домъ—откликнулись единодушно золотопромышленники гг. Трапезниковы, Хаминовъ, Базановъ, Нѣмчиновъ и другіе. Вскорѣ въ Иркутскѣ застучалъ знакомый мнѣ топоръ, и показались каторжные арестанты безъ всякаго конвоя. Они, за опредѣленную мною плату, сами себя содержали, а оставшаяся сумма откладывалась для обезпеченія ихъ будущности по мииованіи сроковъ наказанія.

По вступленіи въ управленіе краемъ, я принялъ на себя личное предсѣдательство въ главномъ управленіи [1]), дабы ближе ознакомиться съ сущностью мѣстныхъ дѣлъ и съ порядками ихъ производства. Усмотрѣвъ изъ переписки, что предмѣстникъ мой еще 18-го ноября 1868 года испрашивалъ чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ высочайшее соизволеніе на составленіе новыхъ штатовъ и не получилъ изъ министерства отвѣта на свое представленіе, я повторилъ представленіе 13-го апрѣля 1871 года, а вскорѣ написалъ гг. министрамъ: внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и юстиціи, о всѣхъ приведенныхъ въ этой главѣ неурядицахъ и жалобахъ, слышанныхъ мною въ краѣ. Послѣднія вели прямо къ разрушенію довѣрія сибирскаго населенія къ власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я предложилъ гг. начальникамъ губерній и областей о прекращеніи самыхъ важныхъ золъ, объясненныхъ мною подробно въ особомъ отношеніи министру внутреннихъ дѣлъ за № 536-мъ.

Въ разгаръ обширныхъ занятій стали являться ко мнѣ толпы жителей г. Иркутска, съ просьбами о помощи на покупку хлѣба.

---

[1]) По прод. св. законовъ 1868 года, т. II, часть II, прим. 2, генералъ-губернатору Восточной Сибири предоставлено право поручать предсѣдательство въ совѣтѣ иркутскому губернатору, что и практиковалось до моего прибытія.

Цѣна его на городскомъ рынкѣ поднялась весьма высоко. Не слыхавъ ничего до сихъ поръ о неурожаѣ въ Иркутской губерніи, я обратился къ совѣту главнаго управленія о разъясненіи причинъ неожиданнаго явленія. По справкамъ оказалось, что опредѣленнаго запаса, требуемаго закономъ, въ городѣ не имѣлось. Губернское начальство принимало мѣры противъ возвышенія цѣнъ, но мѣры эти не достигли цѣли. Хлѣбъ продолжалъ возвышаться до трехъ рублей за пудъ. Тутъ уже мнѣ пришлось удостовѣриться, что поднятіе цѣнъ происходитъ отъ перекупа ржи винными заводчиками - евреями и нѣкоторыми русскими промышленниками. Я немедленно потребовалъ къ себѣ волостныхъ головъ и тайшей [1]) ближайшихъ деревень и, по прибытіи ихъ, назначилъ экстренное засѣданіе совѣта.

Головы и тайши объявили, что они имѣютъ возможность перевезти въ городъ достаточное количество хлѣба. Я предложилъ имъ объявить добросовѣстно ту цѣну, по которой они продаютъ хлѣбъ скупщикамъ, и приказалъ его привозить прямо въ запасные иркутскіе магазины. Городская дума должна была безъ замедленія уплачивать деньги изъ своихъ суммъ за ссыпанную рожь. Цѣна ея быстро упала до одного рубля.

Я оставилъ безъ послѣдствій дѣйствія губернатора и городскаго головы, допустившихъ израсходованіе запасовъ, всегда долженствующихъ быть на лицо. Тѣмъ не менѣе, описанный фактъ убѣдилъ меня еще разъ, что корыстное зло пустило на столько глубокіе корни въ краѣ, что для ихъ извлеченія нужны были не однѣ карательныя мѣры, но цѣлесообразныя экономическія и административныя улучшенія. На сколько имѣлось въ моихъ рукахъ власти и опытности, я началъ улучшенія съ отдѣльныхъ учрежденій, болѣе поддающіяся практическому осуществленію. На первомъ планѣ предстала предо мною организація работъ каторжныхъ арестантовъ на золотыхъ пріискахъ и устройство мѣстныхъ дорогъ. Собранныя справки объ этихъ предметахъ и совѣщанія о нихъ съ членами совѣта и нѣкоторыми компетентными лицами не удовлетворили меня. Главныя затрудненія состояли въ томъ, что въ округѣ находилось на столько мало войска, что отдѣлить отъ него особые конвои для арестантовъ внѣ тюрьмы не представлялось никакой возможности. Да и самыхъ каторжниковъ не хватало для всѣхъ проэктируемыхъ мною работъ. Благодаря побѣгамъ, въ каторгѣ оставалось въ наличности чуть ли не три четверти арестантовъ. Остальные блуждали по разнымъ областямъ Сибири, прикрывались званіемъ безъименныхъ бродягъ и нанимались на лѣтнія работы къ крестьянамъ. Я остановился на мысли: сдѣлать каторгу для человѣка не столь безотраднымъ явленіемъ, какимъ она представлялась для

[1]) Волостные старшины въ бурятскихъ селеніяхъ.

каждой личности, роковымъ образомъ въ нее попадавшей. Я пришелъ къ убѣжденію, что надобно бросить лучъ свѣта въ будущность каторжника. Вѣдь и онъ не всегда совершалъ преступленіе вслѣдствіе крайней испорченности сердца. Остались, можетъ быть, въ послѣднемъ крупицы добра. Зачѣмъ же ихъ заглушать окончательно, погребать рановременно? Кромѣ сказаннаго, меня занимало еще другое соображеніе. Хлѣбопашество къ сѣверу и востоку отъ Иркутска сильно страдало отъ отсутствія рабочихъ рукъ, привлекаемыхъ заманчивою платою со стороны золотопромышленниковъ. Я зналъ, что все, что̀ заработывалось свободными людьми на пріискахъ, пропивалось ими на возвратной дорогѣ, не достигая нуждъ домашнихъ. Поэтому мнѣ казалось, лучше удержать мужика въ своей деревнѣ, нежели дать ему окончательно развратиться отъ чужаго золота. Работа на пріискахъ каторжныхъ поставлена въ иныя условія. Надъ арестантами можно было учинить строгій, дисциплинированный контроль. Имъ нельзя было располагать по своему произволу деньгами, часть которыхъ накапливалась въ ихъ же личную пользу для обезпеченія будущности. Эти деньги главнымъ образомъ могли способствовать и уменьшенію побѣговъ съ каторги. На первый разъ, въ видѣ опыта, я отправилъ на золотые пріиски богача Базанова, расположенные въ Якутской области, по рѣкѣ Витиму, партію каторжниковъ изъ якутской тюрьмы въ сто шестьдесятъ человѣкъ. Во главѣ ихъ былъ поставленъ офицеръ и нѣсколько казаковъ. Я также телеграфировалъ министру внутреннихъ дѣлъ о высылкѣ въ Восточную Сибирь 750 человѣкъ каторжныхъ, способныхъ для работы на частныхъ пріискахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мною было сдѣлано распоряженіе чрезъ полицейскія и волостныя правленія о поимкѣ бѣглыхъ и о сдачѣ ихъ на ближайшіе этапы. Для избавленія поселянъ отъ мщенія со стороны бѣглокаторжныхъ, я приказалъ ихъ заковывать въ кандалы, а тѣхъ изъ нихъ, которые прикрывались именами бродягъ и непомнящихъ родства, прямо отправлять на островъ Сахалинъ, откуда побѣги представляютъ величайшую трудность и требуютъ неимовѣрной человѣческой энергіи.

Описавъ первые шаги свои на сибирской землѣ, я, кажется, могу теперь приступить къ описанію путешествія на далекій Амуръ. Еще въ бытность мою въ Петербургѣ, назначенный губернаторомъ Приморской области, контръ-адмиралъ Кроунъ, условился со мною, для обозрѣнія Приморской области, съѣхаться во Владивостокѣ въ началѣ іюня. Къ этому періоду ожидалось, согласно распоряженію морскаго министерства, особое судно, находившееся въ водахъ Тихаго океана. Занятый мыслью объ устройствѣ работъ ссыльно-каторжныхъ, я избралъ путь на Амуръ чрезъ Кругобайкальскую дорогу, бывшую единственнымъ путемъ сообщенія съ крайнимъ Востокомъ въ весеннюю распутицу. Байкалъ еще не

расходился, да и онъ такъ капризенъ, что, ввѣряясь его волнамъ, не знаешь, когда пристанешь къ желанному берегу. Окружная дорога шла частью по сторонамъ озера, по подошвамъ горъ, а то и по ихъ вершинамъ. Дорога исправлялась инородцами, собираемыми за тридцать и болѣе верстъ. Стоки дождевой воды съ сосѣднихъ возвышенностей портили постоянно проѣздной путь. Была весьма затруднительна переправа черезъ прорву Байкала, образовавшую озеро Соръ.

Инородцы, толпившіеся на станціяхъ при проѣздѣ моемъ, жаловались, что починка дороги для нихъ чрезвычайно обременительна, особенно въ полевыя работы. Я приказалъ тайшамъ на первомъ сугланѣ [1]) составить добровольно приговоры о томъ, что́ инородцы могутъ вносить ежегодно на содержаніе Кругобайкальской дороги, если ихъ избавить отъ ея исправленія. Я имѣлъ въ виду на эти деньги устроить небольшіе остроги, въ видѣ шоссейныхъ домовъ, и содержать въ нихъ каторжныхъ арестантовъ для постояннаго исправленія пути подъ надзоромъ техниковъ. Самую дорогу я предполагалъ укрѣпить такъ, чтобы она могла впослѣдствіи служить основаніемъ для задуманной мною дороги желѣзной отъ Иркутска до Срѣтенска, стоящаго на рѣкѣ Шилкѣ, одного изъ притоковъ верхняго Амура.

Я надѣялся, что капиталы на великую дорогу найдутся, какъ они находились во время моего управленія внутренними губерніями Россіи на созиданіе храмовъ Божіихъ, богоугодныхъ и учебныхъ заведеній, театровъ и проч.

Слѣдуя далѣе по Забайкальской области, я остановился для перемѣны лошадей, въ праздничный день, въ большомъ торговомъ селѣ Кабанскомъ. Здѣсь меня встрѣтили обычныя жалобы народа на темные поборы и чиновничьи притѣсненія. Кругомъ меня царила грустная картина. Обиліе питейныхъ домовъ, переломанные мосты, сломанныя перила и тумбы, сіяющія лица сыновъ Израиля ясно говорили мнѣ о ничего-недѣланіи мѣстной администраціи, объ отсутствіи высшаго надъ нею надзора. Я думалъ: если бы господа покровители еврейской виноторговли взглянули разумно на видѣнныя мною печальныя явленія, они убѣдились бы, какъ вредно ложится на народъ безучастное отношеніе къ нему учрежденій, созданныхъ не къ поголовному спаиванію людей, а для поддержанія ихъ здоровья и необходимыхъ силъ въ обыденныхъ работахъ.

Городъ Верхнеудинскъ, принадлежащій къ Забайкальской области, довольно хорошо устроенъ. Онъ составляетъ торговый центръ всего Забайкалья. Въ немъ бываютъ ярмарки. Есть въ немъ китайскія лавки, въ которыхъ, однако, товаровъ я нашелъ немного.

---

[1]) Сугланъ—сходка.

Лавки, какъ оказалось по дознанію, составляли притоны тайной торговли хищническимъ золотомъ, отправляемымъ въ Китай.

Квартировавшую въ городѣ артиллерійскую батарею, со школою при ней, я нашелъ въ отличномъ порядкѣ; помѣщенія тюрьмы и этапной команды были отвратительны. Въ областныхъ управленіяхъ я усмотрѣлъ медленность и неправильное производство дѣлъ. Мнѣ было подано нѣсколько жалобъ на обиды дѣйствіемъ чиновниками и купеческими лицами, совершенныя въ минуты попоекъ. Этими жалобами рельефно опредѣлялось и нравственное настроеніе забайкальскихъ обитателей, принадлежащихъ къ высшимъ классамъ общества. Я приказалъ составить реестры скандальнымъ прошеніямъ съ тѣмъ, чтобы къ моему обратному проѣзду кляузныя дѣла были покончены, и мнѣ представленъ о нихъ отчетъ.

Въ одномъ бурятскомъ селеніи ко мнѣ вышло навстрѣчу ламайское духовенство въ торжественныхъ одеждахъ, собравшееся изъ разныхъ округовъ. Оно поднесло мнѣ, по азіатскому обычаю, подарки и пригласило къ себѣ въ аулы. Считаю излишнимъ объяснять здѣсь подробности житья симпатичныхъ инородцевъ, но не могу умолчать, что, посѣтивъ нѣсколько юртъ, молельню, поля и стада, я пришелъ къ заключенію, что буряты живутъ хорошо. Отдаривъ ихъ начальниковъ [1]), я объяснилъ, что меня радуетъ устройство бурятскаго хозяйства, но что было бы полезно для нихъ, если бы они исподоволь переходили къ осѣдлой жизни. Старики отвѣчали, что они съ охотою стали бы строить жилища, если бы ихъ не тѣснили поборы. На одно училище въ г. Читѣ они внесли до семидесяти тысячъ рублей и дали заимообразно десять тысячъ пудовъ хлѣба. Училище не существуетъ; взысканія на починку дорогъ и постройку мостовъ дѣлаются ежегодно тысячами рублей.

Еще не доѣзжая г. Читы, меня уже на станціяхъ осаждали городскіе жители съ жалобами на полицію и на начальство, прикрывающее ея противозаконныя дѣйствія. Въ самой Читѣ меня ожидала телеграмма съ просьбою поспѣшить пріѣздомъ въ Нерчинскъ, куда до упадка полой воды будетъ присланъ за мною пароходъ. Вслѣдствіе этого неожиданнаго событія я осмотрѣлъ въ Читѣ только присутственныя мѣста, которыя нашелъ въ неописуемомъ хаосѣ.

Приказавъ управляющему губерніею, за отсутствіемъ губернатора генерала Дитмара, приготовить къ моему возвращенію объясненія по опущенію дѣлъ, а въ особенности о сборахъ на училище и исправленіе дорогъ, я направился къ городу Нерчинску. Здѣсь капитанъ парохода, назначеннаго для моего плаванія, объявилъ,

---

[1]) Для инородцевъ высылались генералъ-губернатору Восточной Сибири подарки изъ кабинета его величества.

что вода убываетъ, и что необходимо выйти на другой день съ разсвѣтомъ.

Городъ Срѣтенскъ, отъ котораго рѣка Шилка дѣлается судоходною, составляетъ складочный пунктъ для казенныхъ и частныхъ грузовъ. Они спускаются въ Амурскую и Приморскую области съ открытіемъ весенней навигаціи. Сухопутное сообщеніе съ Амуромъ было возможно только зимою по льду. Устройство береговой дороги, о которой были сдѣланы розысканія еще до моего генералъ-губернаторства, я предположилъ произвести каторжными арестантами.

Въ Срѣтенскѣ меня возмутило излишество питейныхъ домовъ и коммерческое направленіе чиновниковъ, завѣдывавшихъ постройками баржъ и плотовъ для сплава казеннаго имущества.

Близъ рѣки Шилки находятся извѣстные Карійскіе золотые промыслы кабинета его величества, разработываемые каторжными арестантами. Начальникъ промысловъ, горный инженеръ Герасимовъ, былъ доволенъ людьми, въ особенности отдѣленіемъ исправляющихся, работавшихъ безъ конвоя и получавшихъ сдѣльную плату. Это обстоятельство подало и мнѣ надежду съ каторжными на успѣхъ золотоносныхъ работъ, предпринятыхъ мною.

При сліяніи Шилки и Аргуни, возбуждающихъ споръ, которой изъ названныхъ рѣкъ принадлежитъ истокъ Амура, начинается Амурская область. Она стоила правительству огромныхъ издержекъ. Область своимъ устройствомъ подѣйствовала неблагопріятно на все Забайкалье и простерла вліяніе даже на Иркутскую губернію. Въ послѣдней живы были еще воспоминанія о чрезмѣрныхъ затрудненіяхъ при перевозкѣ на страхъ китайцамъ крѣпостныхъ чугунныхъ орудій, не сдѣлавшихъ ни одного выстрѣла и покоящихся въ назиданіе потомству на берегахъ Амура. Другія вынесенныя сибиряками повинности, а также гибель отъ голода людей почти двухъ баталіоновъ, отправленныхъ для завоеванія Амура, живутъ и доселѣ въ памяти восточной окраины.

Пріамурское населеніе образовалось частью изъ казаковъ Забайкальской области, насильственно отчужденныхъ отъ своихъ гнѣздъ, и изъ женатыхъ штрафованныхъ нижнихъ чиновъ, присланныхъ изъ внутреннихъ гарнизонныхъ баталіоновъ Европейской Россіи. Благодаря Бога, вредный элементъ въ мое время значительно уменьшился. Среди амурскихъ казаковъ хотя слышались жалобы на неудобства земли, отдаленность полей и пастбищъ, на опасности отъ наводненій, но не было видно безысходной бѣдности. Вольные крестьяне, переселившіеся на Амуръ нѣсколько лѣтъ назадъ изъ Воронежской губерніи и избравшіе сами мѣста для поселенія, объяснили, что имъ жить хорошо и привольно, что они обстроились, уплатили сдѣланную имъ ссуду и продаютъ избытки хлѣба на золотые промыслы.

Конечно, при экстренномъ заселеніи края на счетъ казны тре-

бовалось наблюденіе начальства за устройствомъ переселенцевъ, но наблюденіе не должно было переходить въ постоянную опеку съ выдачею ежегодно нуждающимся пособій изъ восьмидесяти пяти тысячъ рублей, отпускавшихся правительствомъ. Такая выдача пріучила казаковъ существовать на казенный счетъ, безъ приложенія къ жизни собственнаго труда. Другая важная ошибка при заселеніи Амурской и Уссурійской областей состояла въ томъ, что при постройкѣ станицъ по берегамъ рѣкъ преимущественно наблюдалось равенство разстояній, а не хозяйственныя удобства селящихся. Вслѣдствіе сказаннаго половодье 1872 года снесло нѣсколько станицъ съ имуществомъ, хлѣбомъ и скотомъ. Для устройства потерпѣвшихъ потребовалась особенная крупная помощь. Тогда же я предписалъ мѣстнымъ властямъ о предоставленіи казакамъ права строиться въ своихъ районахъ по ихъ выбору на мѣстахъ удобныхъ для нихъ и безопасныхъ отъ наводненій. На берегахъ рѣки, по ихъ возвышенностямъ, остались лишь необходимыя станціи.

Амурское казачье войско со времени своего сформированія не было собираемо для фронтовыхъ занятій. Я распорядился собрать для осмотра лишь три части войскъ, и то съ тѣмъ, чтобы его сборъ не мѣшалъ полевымъ работамъ и не подвергалъ казаковъ длиннымъ переходамъ. Конечно, при упомянутыхъ обстоятельствахъ фронтовое образованіе амурцевъ было ниже всякой критики. Люди не знали даже начальныхъ правилъ стойки и маршировки. О ружейныхъ пріемахъ нечего было и возбуждать вопроса. Между тѣмъ въ станицахъ, заселенныхъ охотниками на звѣрей, цѣльная стрѣльба отличалась мѣткостью.

Польза войскъ на дальнихъ окраинахъ имперіи, организованныхъ изъ мѣстныхъ жителей, понятна сама собою. Это сила, защищающая и государство, и родной кровъ. Но на Амурѣ, и особенно на Уссури, она парализовалась тѣмъ, что казаки, выселенные противъ желанія изъ Забайкалья, никогда не могли забыть родимыя мѣста, повторяя при каждомъ удобномъ случаѣ просьбы о переселеніи ихъ обратно. Да и что могло сдѣлать войско, почти не дисциплинированное, разбросанное ничтожными частями на разстояніи нѣсколькихъ тысячъ верстъ?

Отстроивавшійся на берегу рѣки Амура областной городъ Благовѣщенскъ могъ бы подать надежду на скорое процвѣтаніе, если бы мѣстность для него была избрана болѣе удобная. Я нашелъ пристань размытою половодьемъ, а часть домовъ затопленными. Лазаретъ, управленія, больницы были уже устроены и содержались щеголевато.

Замѣчательно, что при проѣздѣ моемъ Амурской области прошеній и жалобъ не подавалось. По всему было видно, что губернаторъ, генералъ-маіоръ Педашенко, былъ дѣятель энергичный, съ любовью и толкомъ занимавшій свою должность.

Оставлявшій постъ губернатора Приморской области, въ ожиданіи своего преемника Кроуна, контръ-адмиралъ Фуругельмъ встрѣтилъ меня въ селеніи Камень-Рыболовѣ. Я проѣхалъ прямо на станцію «Козакевичъ», стоящую на рѣкѣ Уссури. Здѣсь уже находился начальникъ штаба войскъ области полковникъ Барановъ [1]). Онъ объяснилъ, что, по случаю падежа скота въ приморскй мѣстности и Кореѣ, войска остаются безъ мяса. Я въ тотъ же часъ сдѣлалъ распоряженіе по телеграфу, чтобы потребное количество скота было немедленно закуплено въ Забайкальской и Амурской областяхъ и доставлено въ Хабаровку на плотахъ и баржахъ.

Плаваніе по Уссури противъ теченія съ сильнымъ разливомъ рѣки, затопившимъ нѣсколько станицъ, производило грустное и однообразное впечатлѣніе. Я разрѣшилъ казакамъ переселяться на мѣста болѣе удобныя для хозяйства, но съ разрѣшенія начальства и своими средствами. Изъ рѣки Уссури мы вошли въ рѣку Сунгачъ, вытекающую изъ озера Ханко. По берегамъ Сунгача уже открываются богатства южной природы и животнаго царства. Нерѣдко виднѣлись стада дикихъ козъ и слѣды хищныхъ звѣрей. Живописная рѣка изобилуетъ красною вкусною рыбою и громадной величины черепахами. Сунгачъ, къ несчастью, неудобенъ для плаванія, какъ и озеро Ханко. Для соединенія послѣдняго съ Владивостокомъ, я предположилъ устроить колесную дорогу отъ поста № 3 на рѣкѣ Сунгачѣ до поста Встрѣчнаго, на срединѣ дороги отъ Камня-Рыболова къ с. Никольскому. Для осуществленія этого плана я поручилъ развѣдочной комиссіи, находившейся въ Уссурійскомъ краѣ, прослѣдить всю намѣченную линію. Впослѣдствіи я получилъ донесеніе, что разработка пути хотя и затруднительна по болотистому грунту, но возможна.

Имѣя въ виду свѣдѣнія, что хозяйственная часть въ войскахъ Приморской области вообще находится не въ надлежащемъ порядкѣ, я подробно разспрашивалъ отдѣльныхъ начальниковъ о способахъ довольствія войскъ какъ пищею, такъ и вещами. На мои вопросы командиръ уссурійской казачьей сотни, между прочимъ, доложилъ отрадное свѣдѣніе. Сотня хозяйничала на коммерческомъ правѣ и практиковала покупку хлѣба и фуража у русскихъ крестьянъ въ с. Камень-Рыболовѣ. Окрестности дороги къ селу Никольскому представляютъ плодородныя равнины, окаймленныя красивыми возвышенностями. Изрѣдка около одинокихъ станцій мелькали пахатныя поля, которыя, съ приближеніемъ къ селенію, раскидывались въ обширныя пространства, пріятныя для глаза. Здѣсь деревни возникли по окончаніи послѣдняго разгрома края манзами, вышедшими изъ Китая. Впослѣдствіи это дикое племя

---

[1]) Впослѣдствіи военный губернаторъ Приморской и Амурской областей.

довольно мирно стало жить съ нашими приморскими поселенцами. Къ обрусенію оно, кажется, совершенно неспособно.

Изъ села Никольскаго мнѣ пришлось ѣхать во Владивостокъ сначала на колесахъ, потомъ на пароходѣ по рѣкѣ Суйфуну. Послѣ двухъ остановокъ, сдѣланныхъ для осмотра постовыхъ командъ, найденныхъ не въ удовлетворительномъ состояніи, мы вошли въ заливъ Петра Великаго. Здѣсь стояла паровая шкуна «Востокъ», доставившая меня во Владивостокскую гавань. Во Владивостокѣ меня ожидала телеграмма контръ-адмирала Кроуна. Онъ задержанъ въ Петербургѣ и ранѣе августа на Амуръ не обѣщалъ пріѣхать. О морскомъ суднѣ, обѣщанномъ мнѣ для плаванія, телеграмма ничего не упоминала. Такимъ образомъ, я лишался возможности достигнуть крайней цѣли своихъ желаній: посѣтить островъ Сахалинъ, почти незнакомый въ началѣ семидесятыхъ годовъ русскому человѣку.

Владивостокъ только что начиналъ устроиваться. Онъ стоитъ при обширной и красивой гавани и, конечно, имѣетъ богатую будущность какъ военную, такъ и торговую.

Для осмотра жилищъ корейцевъ, перешедшихъ на нашу территорію, мнѣ пришлось отправиться на той же шкунѣ «Востокъ» къ заливу Посьета. Здѣсь уже существовало русское поселеніе, вмѣщавшее въ себѣ провіантскіе склады и казармы 1-го восточносибирскаго баталіона. Не было только Божьяго храма, но его воздвигнуть мнѣ впослѣдствіи удалось, благодаря пожертвованнымъ почетнымъ гражданиномъ Нѣмчиновымъ семи тысячамъ пяти стамъ рублей. Деньги вручены были мнѣ имъ лично для постройки церкви на берегу залива Посьета. Корейская деревня Кизенхе расположена близъ границы, отдѣляющей Сибирь отъ Кореи. Кругомъ ея зеленѣетъ плодоносная и обширная равнина. Причиною появленія на нашей землѣ корейцевъ были слѣдующія обстоятельства. Съ присоединеніемъ Приморскаго края къ Россіи остались въ нашихъ предѣлахъ небольшія селенія корейцевъ. Одаренные смышленостью, послѣдніе скоро поняли, что нашему правительству дороги поселки туземцевъ въ пустынной мѣстности, и что новымъ поселенцамъ дѣлаются льготы въ платежѣ податей. Вслѣдствіе сказаннаго, перебѣжчики изъ Кореи стали увеличиваться. Окружной начальникъ, маіоръ Демидовъ, много способствовалъ къ устройству корейцевъ.

Еще въ 1867 году, вслѣдствіе неурожая въ Кореѣ, намъ пришлось продовольствовать казеннымъ хлѣбомъ немалое количество перебѣжчиковъ, искавшихъ у насъ помощи и пріюта. Корейцы представляютъ собою вообще народъ добрый и трудолюбивый. Въ нашихъ предѣлахъ они начали принимать православіе и заниматься хлѣбопашествомъ. Дома они питались морскою капустою и будою [1]), изъ которой изготовляли себѣ хлѣбъ. Къ хлѣбу этому

[1]) Мука изъ рису.

наши войска никакъ не могли привыкнуть. Опасаясь, что дальнѣйшее эмигрированіе къ намъ корейцевъ можетъ дойти до такихъ значительныхъ массъ, что затруднитъ ихъ продовольствіе и поведетъ къ международнымъ недоразумѣніямъ, я вынужденъ былъ сдѣлать распоряженіе, чтобы прибывающихъ корейцевъ отправлять въ Амурскій край и поселять на удобныя свободныя земли. Въ 1871 году направлено къ Благовѣщенску около ста корейскихъ семействъ. Они были устроены по берегу рѣки Зеи. Поселокъ ихъ названъ Благословеннымъ, и въ немъ скоро явилась церковь во имя святаго великаго князя Александра Невскаго.

По возвращеніи въ портъ Посьетъ, я обратился съ вопросомъ къ капитану шкуны «Востокъ» Волчанскому: можетъ ли идти шкуна на островъ Сахалинъ? Получивъ утвердительный отвѣтъ въ присутствіи контръ-адмирала Фурургельма, я рѣшился посѣтить островъ вмѣстѣ съ адмираломъ.

Мы вышли въ море рано утромъ, при довольно свѣжемъ попутномъ вѣтрѣ. День былъ ясный. Мы неслись на всѣхъ парусахъ съ отрадною надеждою скоро увидать берегъ завѣтнаго острова. Насталъ часъ обѣда. Мы только что усѣлись за столъ въ каютѣ, какъ услышали команду: убирай паруса! Первымъ выскочилъ изъ-за стола капитанъ, за нимъ Фурургельмъ, а потомъ я. Налетѣвшій шквалъ въ одно мгновеніе сломалъ реи на гротъ-мачтѣ. Паруса рвались въ клочки; качка стала ужасная. Капитанъ Волчанскій доложилъ мнѣ, что необходимо зайти въ ближайшій портъ «Находку» для исправленія поврежденій, и что онъ не можетъ ручаться за успѣшное плаваніе на пострадавшемъ суднѣ.

Еще предъ отъѣздомъ моимъ изъ Иркутска я получилъ отношеніе отъ предсѣдателя департамента удѣловъ, графа Стенбока, съ просьбою осмотрѣть «Находку» и увѣдомить его о томъ, въ какомъ видѣ она мною найдется. Въ тотъ же день вечеромъ мы стали на якорь въ заливѣ «Находка».

Теперь я изложу интересную исторію возникновенія «Находки».

Вотъ что писалъ, между прочимъ, въ 1865 году генералъ-губернаторъ Восточной Сибири къ предсѣдателю департамента удѣловъ:

«Съ пріобрѣтеніемъ Амурскаго края, Россія пріобрѣла не одинъ лишь путь по Амуру къ берегамъ Восточнаго океана, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и цѣлую страну, полную задатковъ самой блестящей будущности. Не указывая на минеральныя богатства и на блестящія условія, въ которыхъ находится край по отношенію къ всемірнымъ торговымъ интересамъ на Восточномъ океанѣ, не трудно предвидѣть, что въ недалекомъ будущемъ Амурскому краю суждено занять важное мѣсто въ торговомъ и промышленномъ значеніи Россіи».

Полагая, что пріобрѣтеніе въ удѣльное вѣдомство земель въ Амурскомъ краѣ послужило бы столько же на пользу удѣловъ,

сколько и на пользу самаго края, генералъ Корсаковъ предлагалъ управленію удѣловъ войти по этому предмету въ сношенія съ нимъ сколь можно заблаговременнѣе.

Вслѣдствіе приведеннаго заявленія, такъ много обѣщавшаго въ недалекомъ будущемъ, по высочайшему повелѣнію 20-го ноября, 1865 года, для выбора удѣльному вѣдомству земель былъ командированъ братъ приморскаго губернатора, статскій совѣтникъ Фуругельмъ. Ему было выдано на расходы до двадцати тысячъ рублей. Въ составъ экспедиціи вошли два офицера корпуса топографовъ, лѣсничій и девять казаковъ съ урядникомъ.

Фуругельмомъ были выбраны Русскій островъ, Сучанская долина съ прибрежьемъ устья рѣки Сучана, часть западнаго берега залива Находка и часть восточной бухты Америка.

Для завѣдыванія означенными землями былъ назначенъ управляющимъ Фуругельмъ. Онъ получилъ право дѣйствовать независимо отъ мѣстнаго областнаго начальства. Ему ассигновано изъ удѣльныхъ суммъ на единовременные и штатные расходы сто двадцать тысячъ рублей. Въ видахъ безопасности удѣльной факторіи учрежденъ былъ въ гавани Находка постоянный военный постъ изъ тридцати нижнихъ чиновъ при офицерѣ.

6-го апрѣля, 1871 года, управляющій удѣльными землями Фуругельмъ умеръ, и управленіе Находкой было поручено до особаго распоряженія чиновникамъ факторіи: секретарю Крюкову, землемѣру Шишкину и доктору Кунце. Въ томъ же году мнѣ суждено было выяснить настоящее положеніе Находки.

Прибрежье, избранное для факторіи, живописно. Кромѣ довольно красивыхъ домовъ, устроенныхъ для служащихъ управленія и постовой команды, виднѣлись на другой сторонѣ бухты частные дома китолововъ, едва ли не бывшіе поводомъ избранія мѣста для водворенія «всемірной торговли».

Меня встрѣтили двое изъ трехъ управляющихъ. Докторъ былъ въ отсутствіи. Изъ хозяйственныхъ построекъ бросался въ глаза большой желѣзный сарай, выписанный изъ Америки. Въ немъ я нашелъ значительный складъ мебели, посуды, матерій, обуви, словомъ, цѣлый магазинъ самыхъ разнообразныхъ потребностей жизни. Все это, какъ оказалось, было куплено для продажи будущему населенію, и все портилось подъ желѣзною крышею отъ жара лѣтомъ и холода зимою. Обувь рвалась въ рукахъ безъ особенныхъ усилій. Не вдалекѣ отъ желѣзнаго строился изъ камня сарай для храненія продуктовъ. Здѣсь работали по контракту китайцы, получавшіе каждый около 15 рублей въ мѣсяцъ. Между тѣмъ, факторію обременяли праздные люди, которые принадлежали къ партіямъ, привезеннымъ на пароходахъ для устройства «Находки». Люди оказались неспособными ни къ какимъ работамъ, но продовольствовались отъ казны. Поселено въ факторіи было до 20-ти

русскихъ семействъ. Для осмотра ихъ жилищъ мнѣ пришлось ѣхать нѣсколько верстъ на рѣчномъ пароходѣ, съ испорченною машиною. Семейства лишь начинали устроиваться. По денежнымъ книгамъ никакого мѣстнаго прихода въ факторіи не значилось и въ виду не имѣлось. Безцѣльная трата денегъ на сараи и прочее прикрывалась волею покойнаго Фурургельма. Находившійся со мною контръ-адмиралъ Фурургельмъ заявилъ, что, по слухамъ, въ окрестностяхъ «Находки» и на островѣ Аскольдѣ китайцы добывали золото.

Если такіе слухи имѣли фактическія основанія, то что же дѣлалъ управляющій «Находкою» въ теченіе шести лѣтъ завѣдыванія ею? Почему онъ ничего не доносилъ о такомъ важномъ открытіи департаменту удѣловъ. Почему самъ не предпринялъ ничего для изслѣдованія ходившихъ слуховъ? Отчего самъ не производилъ земляныхъ разслѣдованій? Вѣдь, золото, по заявленію мѣстныхъ чиновниковъ, находилось въ окрестностяхъ «Находки», принадлежавшихъ къ факторіи. Сообразивъ все сказанное и полагая, что искомое золото близъ «Находки» можетъ послужить лишь къ новымъ безплоднымъ затратамъ со стороны удѣловъ, я откровенно написалъ графу Стенбоку, что считаю за полезное передать «Находку» изъ удѣльнаго вѣдомства въ непосредственное вѣдѣніе правительства.

Въ ноябрѣ 1871 года министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ меня, что по высочайшему повелѣнію опредѣлено передать островъ Русскій и всѣ земли, отведенныя удѣльному вѣдомству въ Приморской области, въ государственное владѣніе. Вотъ одна изъ печальныхъ исторій нашего торопливаго недоразумѣлаго устройства далекихъ окраинъ на Восточномъ океанѣ и нашей погони за какой-то миѳической всемірной торговлей.

На другой день мы пришли вновь въ заливъ Петра Великаго, гдѣ пересѣли на рѣчной пароходъ, и пошли обратно по рѣкѣ Суйфуну. Для изслѣдованія возможности проведенія колеснаго пути чрезъ горные хребты къ Владивостоку, я прошелъ нѣсколько верстъ пѣшкомъ по разработываемой дорогѣ и убѣдился, что она потребуетъ большихъ издержекъ.

Путешествіе наше отъ села Никольскаго до озера Ханко было весьма затруднительно. Непереставшій дождь распустилъ дорогу по низменнымъ мѣстамъ. Я и адмиралъ Фурургельмъ сѣли на пароходъ въ Ханко измученные и отправились до Хабаровки.

Упомянутая станица расположена при сліяніи двухъ широкихъ рѣкъ Амура и Уссури. Ея мѣстоположеніе красиво, и берега гористы. Природа роскошна, разнообразна и составляетъ странную смѣсь сѣверныхъ представителей съ обитателями тропиковъ. Хабаровку водный путь соединяетъ съ Владивостокомъ, Николаевскимъ и Забайкальемъ. Все это обѣщаетъ Хабаровкѣ широкую бу-

дущность, какъ административную, такъ и торговую. Я въ ней разстался съ бывшимъ губернаторомъ Приморской области Фуругельмомъ, объявивъ ему, что для повѣрки разсчетовъ областнаго штаба съ войсками по продовольствію я командирую генерала Черкесова, вызваннаго мною въ Благовѣщенскъ.

Неудача моего плаванія на Сахалинъ и медленность обратнаго плаванія по Амуру противъ теченія разстроили мои силы. Я не могъ выходить на берегъ и съ трудомъ занимался дѣлами. Въ благовѣщенскѣ я провелъ день и далъ предписаніе генералу Черкесову отправиться въ Николаевскъ для обревизованія войсковыхъ управленій Приморской области. Ревизія подтвердила областные безпорядки, объясненные въ моемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1871-й годъ.

Не доѣзжая нѣсколько до Срѣтенска, я остановился въ Александровскомъ заводѣ, въ которомъ находились государственные преступники, и въ числѣ ихъ извѣстный Чернышевскій.

Я нашелъ у воротъ дома, гдѣ онъ содержался съ товарищами, одного часового. Часть забора, огараживающаго дворъ, повалилась. Комендантъ, полковникъ Кноблохъ, объяснилъ мнѣ, что исправленіе забора относится къ обязанностямъ исправника, которому онъ писалъ, но отвѣта не получалъ.

Меня страшно поразили слова коменданта и его безпечность къ своему служебному долгу. Онъ немедленно былъ мною отрѣшенъ отъ мѣста.

Далѣе я уже безпрепятственно продолжалъ свой путь къ Иркутску. Все видѣнное и слышанное въ продолжительномъ путешествіи, тянувшемся слишкомъ два мѣсяца, глубоко во мнѣ засѣло. Тяжело было на сердцѣ отъ впечатлѣній. Велики богатства дальней Сибири, но гдѣ тѣ талантливые дѣятели, гдѣ тѣ вѣрные, разумные царскіе слуги, которые воскресятъ отъ пробужденія спящія сокровища природы и водворятъ благоденствіе народовъ, врученныхъ имъ довѣріемъ своего монарха?

Н. П. Синельниковъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА Н. П. СИНЕЛЬНИКОВА [1].

VIII [2].

Грустныя думы по возвращеніи изъ путешествія по Амуру.—Заботы объ искорененіи взяточничества въ Восточной Сибири.—Моя борьба съ подспудными силами.—Переписка по вопросу о дѣленіи Восточной Сибири между военнымъ и морскимъ министерствами.—Мѣры къ сокращенію злоупотребленій на золотыхъ пріискахъ.—Внезапный вызовъ въ Петербургъ.—Обѣдъ у московскаго генералъ-губернатора въ присутствіи государя.—Засѣданіе въ комитетѣ министровъ.—Темные поборы въ цифрахъ, платимые Восточной Сибирью въ мое время.—Мѣры къ поднятію нравственности народа и его экономическаго положенія.—Вопросъ о каторжномъ людѣ.—Устройство быта Забайкальскихъ бурятъ.—Заботы о народномъ образованіи.—Амурское пароходство.—Контръ-адмиралъ К., губернаторъ Приморской области, и его противодѣйствія моимъ распоряженіямъ. — Пріѣздъ въ Сибирь великаго князя Алексѣя Александровича. — Странныя дѣйствія забайкальскаго губернатора генералъ-маіора Д.—Иркутскій военный губернаторъ генералъ-лейтенантъ Ш. и его служебныя доблести.—Переписка съ министромъ внутреннихъ дѣлъ о сибирскихъ губернаторахъ и по вопросу: полезна ли вообще гласность?—Мнѣнія министра и мои мысли объ этомъ предметѣ.—Письмо мое къ государю объ увольненіи меня отъ должности генералъ-губернатора.—Мое увольненіе.—Итоги моей дѣятельности въ Сибири.—Факты послѣдней моей жизни.—Милость ко мнѣ государя Александра Николаевича. — Особая благосклонность, оказанная мнѣ императоромъ Александромъ III.—Заключительныя слова записокъ.

ЗНАКОМИВШИСЬ, насколько возможно, съ отдаленными частями края, я вступилъ вновь въ управленіе генералъ-губернаторствомъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что, для приведенія и поддержанія въ немъ порядка, прежде всего, нужны люди усердные и честные, въ которыхъ оказывался большой недостатокъ.

Еще предъ отъѣздомъ изъ Петербурга ко мнѣ являлось много желающихъ служить въ Восточной Сибири, но я воздерживался отъ принятія ихъ. Я опасался парализовать усердіе къ службѣ мѣстныхъ чиновниковъ, особенно туземныхъ уроженцевъ. Въ нихъ

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LX, стр. 693.

[2]) Восьмая глава, самая интересная по своему внутреннему содержанію, къ сожалѣнію, является передъ читателемъ въ сокращенномъ видѣ. Это обстоя-

я надѣялся найти людей, знающихъ и любящихъ свою родину. Къ сожалѣнію, не то вышло на дѣлѣ.

Въ описываемое время возвратился изъ Петербурга забайкальскій губернаторъ генералъ Д. Къ нему, какъ и къ иркутскому губернатору Ш., я обратился съ личною просьбою о прекращеніи противозаконій въ подвѣдомственныхъ имъ мѣстностяхъ. Я не могъ отрицать ихъ мнѣній, что главная причина неустройствъ Сибири кроется въ недостаткѣ благонадежныхъ и дѣльныхъ чиновниковъ и въ крайне ограниченномъ ихъ содержаніи. Объ этомъ печальномъ явленіи еще моими предшественниками неоднократно было представляемо министерству. Я не могъ не поставить на видъ одного управляющимъ областями: что, если изъ десятковъ тысячъ рублей, составляющихъ темные поборы съ населенія, съ вѣдома начальства, шла значительная доля на обезпеченіе чиновничества, то, по крайней мѣрѣ, отъ него должно требовать полнаго вниманія къ благоустройству народа и его нуждамъ. Наконецъ, если уже допущенное зло необходимо, то оно должно быть въ предѣлахъ возможности жить, но не наживать состояній. Мои откровенныя объясненія съ губернаторами привели къ сдержанному обѣщанію съ ихъ стороны стараться о водвореніи законнаго порядка въ странѣ съ смутнымъ пониманіемъ закона. На лицахъ администраторовъ какъ бы читалась мысль, что не легко отдѣлаться отъ глубоко укоренившихся привычекъ. Особенно жалокъ былъ генералъ-лейтенантъ Ш., человѣкъ добрый, но безъ воли, и чуждый умственныхъ занятій. Послѣ моихъ бесѣдъ съ нимъ и генераломъ Д., оба губернатора продолжали у себя хозяйничать на прежнихъ основаніяхъ. Д., на мои требованія представить отчетъ о большихъ суммахъ, собранныхъ имъ съ бурятъ на училище въ Читѣ, упорно отмалчивался. Всё сказанное вынудило меня составить всеподданнѣйшій отчетъ обо всемъ видѣнномъ мною въ Восточной Сибири. Отчетъ былъ отправленъ въ Петербургъ съ состоявшимъ при мнѣ чиновникомъ по дипломатической части, княземъ Трубецкимъ. Послѣдній уже не возвращался болѣе въ Иркутскъ. Онъ примкнулъ въ министерствѣ къ партіи, недовольной моими дѣйствіями въ Во-

---

тельство произошло не отъ воли редактировавшаго «Записки». Драматизмъ изложенія сибирской жизни, борьба съ открытымъ зломъ, защищаемымъ сильными людьми, достигаютъ въ настоящей главѣ своей высшей точки. Мы не приняли, однако, на свою отвѣтственность опубликовать нынѣ во всей полнотѣ переписку по поводу злоупотребленій сибирскихъ администраторовъ, между генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири и генералъ-адъютантомъ Тимашевымъ, какъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Настанетъ время и для подробнаго изображенія дѣйствій послѣдняго. Но и того, что̀ нынѣ печатается въ восьмой главѣ «Записокъ» Н. П. Синельникова, довольно для выясненія той мрачной картины, среди которой ему приходилось насильственно водворять въ Сибири правду, какъ неразлучную спутницу нашихъ монарховъ, не понятую ихъ неудачными исполнителями. П. Суворовъ.

сточной Сибири. Орудовалъ партіей г. К., который занималъ въ Иркутскѣ высокое мѣсто члена совѣта главнаго управленія краемъ, а самъ беззаботно проживалъ въ Петербургѣ, покровительствуемый министромъ. На меня сыпался рядъ газетныхъ статей съ выдуманными фактами; на меня клеветали, извращая лучшія мои начинанія, предпринятыя для блага ввѣренной мнѣ монархомъ страны. И мнѣ долго приходилось безпомощно созерцать полную распущенность чиновничества, эксплуатацію евреями сибирскихъ богатствъ, ихъ безнаказанное спаиваніе беззащитнаго народа. Все упоминаемое совершалось подъ отеческимъ покровительствомъ вліятельныхъ лицъ. Но, благодареніе Богу, я не опускалъ рукъ отъ безсилія, не падалъ духомъ въ борьбѣ съ одолѣвающими кругомъ препятствіями. Вмѣсто утомительной переписки я сталъ печатать циркуляры о своихъ распоряженіяхъ въ краѣ и лично ихъ разсылалъ не только по начальствующимъ лицамъ, но въ сельскія и станичныя правленія.

Вся моя дѣятельность по Сибири объяснена во всеподданнѣйшихъ отчетахъ моихъ за 1871, 1872 и 1873-й годы. Она была направлена преимущественно, какъ я говорилъ уже выше, на улучшеніе быта служащихъ, на благоденствіе населенія, на устройство ссыльно-каторжныхъ и на сокращеніе вреднаго вліянія евреевъ. Что же касается до непроизводительныхъ издержекъ правительства, въ родѣ предполагавшагося раздѣленія Восточной Сибири между военнымъ и морскимъ министерствами, то взгляды мои на такія дѣла выясняются слѣдующею перепискою.

Во время обратнаго слѣдованія моего на пароходѣ въ Иркутскъ, я писалъ 29-го іюля 1871 года къ гг. министрамъ: военному, внутреннихъ дѣлъ и управляющему морскимъ министерствомъ, о результатахъ моей амурской поѣздки и, между прочимъ, присовокупилъ, что «по обозрѣніи Амурской и Приморской областей я затрудняюсь уяснить себѣ: для чего нужно дѣленіе Восточной Сибири между двумя министерствами? На опытѣ вижу только необходимость освѣжить край честными и усердными дѣятелями, прибавить чиновникамъ содержаніе, ввести новыя реформы въ судопроизводствѣ и упрочить уваженіе къ закону, а потомъ уже совершить остальныя переформированія, если они необходимы въ видахъ правительственныхъ». На такое заявленіе я получилъ отвѣтъ отъ военнаго министра 5-го августа, 1871 года, за № 262-мъ, что письмо мое государь императоръ изволилъ читать съ особымъ любопытствомъ; что изложенныя въ немъ мнѣнія будутъ имѣться въ виду при будущемъ обсужденіи вопроса объ устройствѣ Приморскаго края. Управляющій морскимъ министерствомъ и министръ внутреннихъ дѣлъ отвѣтами меня не удостоили.

Генералъ-адъютантъ Тимашевъ вообще не баловалъ меня вниманіемъ къ моимъ представленіямъ. Но, не пріостанавливая по-

слѣднихъ, я исполнялъ только долгъ, возложенный на меня обязанностями и согласный съ требованіями моего сердца. Упомяну здѣсь другой фактъ, важный для Сибири и оставленный безъ исполненія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. На основаніи свѣдѣній, лично мною собранныхъ, о безобразіяхъ, совершавшихся на частныхъ золотыхъ промыслахъ, я предложилъ циркулярно губернаторамъ и начальникамъ областей принять мѣры къ ихъ прекращенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предъ возвращеніемъ рабочихъ съ пріисковъ въ 1871 году, мною былъ командированъ для наблюденія надъ ними состоящій при мнѣ полковникъ Купенковъ. Чрезъ нѣкоторое время онъ донесъ, что торговля виномъ на золотыхъ промыслахъ распространена до крайнихъ предѣловъ и доводитъ рабочихъ до уголовныхъ преступленій. Вслѣдствіе приведеннаго, я рядомъ печатныхъ циркуляровъ огласилъ всѣ безпорядки и злоупотребленія, открытыя командированными мною чиновниками. Я предписалъ по принадлежности внимательно и энергично предупреждать злыя дѣянія на будущее время. Но замѣчательно, что, какъ только я тронулъ въ моихъ циркулярахъ еврейскій элементъ, въ лицѣ перваго эксплоататора, 80-тилѣтняго старца Домбровскаго, сосланнаго въ Сибирь, какъ говорили, «за проступки», нажившаго въ ней большое состояніе и достигшаго званія «почетнаго гражданина», тотчасъ полетѣли телеграммы въ Петербургъ съ жалобами на мои притѣсненія. Ожили еврейскіе происки и капиталы.

О безпорядкахъ на пріискахъ я писалъ не только министру внутреннихъ дѣлъ, но и министру финансовъ. Я доказывалъ, что отъ пьянства на золотыхъ пріискахъ народъ гибнетъ тысячами; что при откупномъ управленіи въ Восточной Сибири было винныхъ оптовыхъ складовъ 75, питейныхъ домовъ 1.267. Въ 1870 году подваловъ объявилось 402, а питейныхъ домовъ 4.675; что винокуреніе, развитое въ столь широкихъ размѣрахъ, тяжело отражается на благосостояніи населенія отдаленнаго края, въ который стекается все, что, по нравственному растлѣнію, не можетъ быть терпимо въ крестьянскихъ обществахъ Европейской Россіи. Я просилъ сократить число питейныхъ домовъ и подваловъ въ Сибири, а на разстояніи 50-ти верстъ отъ золотыхъ пріисковъ закрыть ихъ вовсе. Въ мое время въ подвалахъ засѣдали исключительно евреи.

По всей вѣроятности, мои неустанныя писанія надоѣли двумъ министрамъ, не внимавшимъ моимъ справедливымъ настояніямъ. И вотъ, 8-го апрѣля 1872 года, я получилъ телеграмму отъ шефа жандармовъ, что государю императору угодно, чтобы вопросы, возбужденные мною въ разныхъ министерствахъ, были обсуждены комитетомъ министровъ въ моемъ присутствіи. Графъ Шуваловъ просилъ меня увѣдомить генералъ-адъютанта Тимашева, къ какому времени я сочту болѣе удобнымъ прибыть въ Петербургъ.

Поѣздки генералъ-губернаторовъ въ столицу по высочайшимъ

повелѣніямъ обыкновенно возбуждаютъ въ обществѣ толки о смѣнѣ ихъ. Къ тому же въ данномъ случаѣ вѣсти изъ министерства были не въ мою пользу. Поэтому иркутяне, думая, что прощаются со мною навсегда, дали мнѣ большой обѣдъ. На немъ, по обыкновенію, говорились рѣчи. Одинъ изъ ораторовъ, генералъ Ш., началъ свою рѣчь сперва произносить изустно, затѣмъ читать, потомъ сбился совсѣмъ и, наконецъ, не кончивъ рѣчи, извинился и замолчалъ. Признаюсь, мнѣ тяжело было слушать лживыя слова человѣка, исполнявшаго высокія обязанности военнаго губернатора Иркутской губерніи и совершенно чуждаго ея интересамъ и разумнымъ заботамъ о ней.

Грустный я удалился на нѣсколько мѣсяцевъ изъ Восточной Сибири, терзаемый ея тяжелыми судьбами. Въ дорогѣ, среди однообразныхъ равнинъ, меня радовали большія толпы народа, встрѣчавшіяся на станціяхъ и, не преувеличивая говорю, громко благословлявшія мой далекій путь.

Въ Москвѣ мнѣ пришлось остановиться на нѣсколько дней по усилившейся болѣзни жены. Въ это время, по случаю пріѣзда государя императора, я былъ приглашенъ генералъ-губернаторомъ Долгоруковымъ къ обѣденному столу, даваемому имъ его величеству.

Послѣ обѣда, въ кабинетѣ князя, государь изволилъ осчастливить меня продолжительною бесѣдою о положеніи Восточной Сибири. Я откровенно обрисовалъ видѣнныя мною въ ней картины. Императоръ тутъ же повелѣлъ присутствовавшему при нашемъ разговорѣ шефу жандармовъ, графу Шувалову, телеграфировать предсѣдателю комитета министровъ не задерживать меня въ Петербургѣ, но въ моемъ присутствіи разобрать всѣ дѣла, возбужденныя мною по разнымъ отрослямъ сибирской жизни.

Знаменательно было засѣданіе комитета министровъ. Всѣ вопросы, поднятые мною ко благу забытаго края, рѣшены отрицательно. Генералъ-адъютантъ Тимашевъ уклонился отъ личнаго прибытія въ комитетъ. Министръ финансовъ Рейтернъ долго говорилъ въ защиту существовавшей питейной системы и о томъ, что нѣтъ возможности перевести винные подвалы за пятьдесятъ верстъ отъ золотыхъ пріисковъ.

Предвидя гибель всѣхъ своихъ проектовъ, я обратилъ вниманіе комитета на то, чтобъ была воспрещена новая постройка винокуренныхъ заводовъ, хотя на три года, чтобы дать возможность сибирякамъ пополнить хлѣбомъ сельскіе запасные магазины. Но и этотъ полезный вопросъ остался безъ желаннаго отвѣта. Чрезъ нѣсколько дней послѣ упомянутаго засѣданія комитета министровъ, я получилъ отъ его предсѣдателя, генералъ-адъютанта Игнатьева, письмо, которое объяснило, что государь соизволилъ мнѣ объявить за мою службу высочайшее благоволеніе и разрѣшилъ выѣхать во ввѣренный мнѣ край.

Получивъ горькій урокъ въ Петербургѣ, я возвратился въ Иркутскъ съ полуразрушенною энергіею. Что я могъ совершить для нравственнаго и экономическаго возрожденія Сибири, когда главные вопросы, возбужденные мною, не удостоились вниманія господъ министровъ? Правда, генералъ-адъютантъ Тимашевъ утѣшилъ меня разъ телеграммою, что проектъ новыхъ штатовъ для сибирскаго чиновничества будетъ внесенъ имъ въ государственный совѣтъ въ самомъ непродолжительномъ времени, но это были только благородныя обѣщанія безъ благороднаго исполненія. Восточно-сибирскій край продолжалъ стонать въ рукахъ взяточниковъ. Вотъ добытыя мною поучительныя цифры темныхъ поборовъ, платимыхъ въ годъ сибиряками администраціи въ мое время:

Губерніи:

Иркутская	246.000 рублей
Енисейская. . . .	178.000 »

Области:

Забайкальская . .	231.000 рублей
Якутская	22.000 »

Съ стѣсненнымъ сердцемъ я смотрѣлъ на эти грозныя суммы противозаконныхъ поборовъ, парализовалъ ихъ, на сколько могъ, но искоренить ихъ изъ нѣдръ сибирскихъ былъ не въ силахъ. Дороговизна мѣстной жизни сама вопіяла о томъ, что необходимо было обезпечить существованіе служилаго люда, и тѣмъ снять тяготу его содержанія съ народа. Всестороннее устройство послѣдняго всегда составляло для меня священную обязанность. Въ Иркутскѣ болѣе двадцати циркуляровъ было объявлено мною по этому важному предмету. Я предлагалъ мѣстному начальству усугубить наблюденіе за народною нравственностью. Я просилъ архіереевъ, для облегченія приходскихъ священниковъ въ сочиненіи проповѣдей, собрать ихъ сводъ для чтенія въ храмахъ Божіихъ. Проповѣди я обѣщалъ отпечатывать безвозмездно въ губернскихъ типографіяхъ.

Къ моимъ циркулярамъ прилагались выписки изъ закона, карающаго пьянство и безпорядки, отъ него происходящіе. Я обращалъ вниманіе начальства на поднятіе земледѣлія въ краѣ и исходатайствовалъ высочайшее соизволеніе о наградахъ крестьянъ за усердіе подарками, нарядными и почетными кафтанами. Я предлагалъ губернаторамъ наблюдать: а) за исправнымъ содержаніемъ хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ и законной выдачей изъ нихъ заимообразно хлѣба; б) за правильностью торговли водкою, за упорядоченіемъ сбора податей съ иновѣрцевъ; в) за строгимъ распредѣленіемъ по волостямъ ссыльно-поселенцевъ; г) за соблюденіемъ

условій между нанимателями и нанимающимися. Я требовалъ, чтобы всѣ циркуляры мои были читаны народу по праздникамъ въ церквахъ послѣ богослуженія.

Результатомъ моихъ посильныхъ, трехлѣтнихъ трудовъ было то, что до 40 селеній въ Енисейской губерніи, въ собственномъ сознаніи вреда отъ пьянства, прекратили торговлю въ питейныхъ заведеніяхъ. Равно было получено донесеніе, что крестьяне нѣкоторыхъ волостей Иркутскаго уѣзда, по мірскому приговору, закрыли до 50 кабаковъ. Что же касается до улучшенія сельскихъ запасныхъ магазиновъ, то къ 1 сентября 1872 года въ нихъ состояло хлѣба на лицо 438.693 четверти, а къ 1 февраля 1874 года 884.645 четв.

Я раньше, кажется, упоминалъ о тѣхъ мѣрахъ, которыя были приняты мною, въ видѣ опыта, къ прекращенію побѣговъ каторжныхъ. Чтобы имѣть возможность употреблять ихъ на разныя работы по устройству края, я заботился объ уменьшеніи побѣговъ съ каторги и платилъ крестьянамъ за поимку бѣглыхъ преступниковъ. Такимъ образомъ, съ іюля 1871 года по январь 1874 года, ихъ было переловлено 1.581 человѣкъ. Но вдругъ неожиданно я получилъ частное свѣдѣніе, что предположенія мои о поимкѣ бѣглыхъ каторжныхъ не пройдутъ въ государственномъ совѣтѣ.

Дѣйствительно министръ внутреннихъ дѣлъ, 1-го декабря 1873 года, писалъ мнѣ, что государственный совѣтъ основалъ отказъ свой на слѣдующихъ соображеніяхъ. Во-первыхъ, трудно надѣяться, чтобы денежныя награды могли привлечь мѣстное населеніе къ дѣятельному преслѣдованію бѣглыхъ, которые не останавливаются ни предъ какими средствами для отомщенія. Возвышеніе наградныхъ денегъ за поимку едва ли будетъ имѣть значеніе. Во-вторыхъ, не приведутъ ли эти мѣры къ особаго рода промыслу, отъ котораго страдать будутъ лица неповинныя, по отсутствію достаточныхъ способовъ къ распознанію бродягъ и бѣглыхъ, ибо отлучки въ краѣ совершаются безъ всякихъ формальностей? Въ-третьихъ, нельзя не ожидать, чтобы, при особомъ поощреніи поимки бѣглыхъ, подобныя преслѣдованія не совершались съ цѣлью получить выкупъ отъ преслѣдуемаго лица. Въ-четвертыхъ, могутъ явиться и такъ называемые ложные поимщики, которые будутъ представлять такихъ бѣглыхъ, которые съ наступленіемъ хододовъ являются сами. На основаніи изложеннаго, государственный совѣтъ поручилъ министру, по сношеніи со мною, изыскать другія, болѣе дѣйствительныя средства къ поимкѣ бѣглыхъ.

Достойно вниманія, что эти соображенія разсматривались и рѣшались именно въ то время, когда уже болѣе половины пойманныхъ бродягъ были благополучно отправлены мою на островъ Сахалинъ. Слѣдовательно, опытъ говорилъ самъ за себя.

Поимка бѣглыхъ, большею частью, производилась при переправахъ ихъ чрезъ рѣки. Бѣглые, изъ опасенія быть пойманными,

устраивали переправы на сплоченныхъ бревнахъ въ сторонѣ отъ дороги, гдѣ ихъ и задерживали поставленныя, по распоряженію земскихъ властей, партіи изъ ссыльно-поселенцевъ, не имѣющихъ ни осѣдлости, чтобы опасаться мщенія, ни на столько средствъ къ пропитанію, чтобы пяти рублей не считать значительнымъ для себя пособіемъ. По доставленіи пойманныхъ въ сельскіе арестантскіе дома, ихъ допрашивали, и, если они оказывались неповинными, то ихъ немедленно отпускали. Въ попутныхъ городахъ съ пойманныхъ снимали формальные допросы, а въ Иркутскѣ допросы провѣрялись самымъ тщательнымъ образомъ. Доказывается сказанное тѣмъ, что за все мое время имѣлось лишь пять ошибокъ въ неправильномъ задержаніи бѣглецовъ. Съ другой стороны, представляется возмутительною мысль, что 1580 задержанныхъ каторжниковъ могли бы воспользоваться во зло своей свободою.

Уже при возвращеніи моемъ въ октябрѣ 1872 года изъ Петербурга начальство Тобольской и въ особенности Томской губерніи заявляло, что, вслѣдствіе ловли каторжныхъ въ Восточной Сибири, число арестантовъ въ тюрьмахъ этихъ губерній значительно убавилось, и уголовныхъ происшествій стало менѣе. Впослѣдствіи, по отмѣнѣ государственнымъ совѣтомъ моего мѣропріятія, опять появилось бродяжничество, и съ нимъ насилія и убійства. Объ этомъ, кромѣ оффиціальныхъ донесеній, неоднократно сообщали газеты («Голосъ», 8-го іюля 1874 г., № 93, «Петербургская Газета», № 104). Между прочимъ, въ нихъ отмѣчалось, что городъ Омскъ находится какъ бы въ осадномъ положеніи чрезъ грабежи и насилія, производимые бѣгло-каторжными. Я уже упоминалъ въ VII главѣ о томъ, что, не смотря на ловлю бѣгло-каторжныхъ, мною принимались серьезныя мѣры къ тому, чтобы дать несчастнымъ преступникамъ какое либо утѣшеніе, какой либо просвѣтъ въ ихъ неприглядной жизни. Такимъ просвѣтомъ, по моему мнѣнію, было допущеніе каторжниковъ къ работамъ на частные золотые пріиски. Уже въ 1872 году каторжные, допущенные на пріиски, за всѣми расходами на свою одежду и продовольствіе, доставили чистаго заработка 17.395 рублей 73 коп. На второй годъ результаты ихъ дѣятельности были слѣдующіе: работало 750 человѣкъ, заработокъ былъ 57.920 рублей, а чистый остатокъ 35.994 рубля.

Я полагаю, что изъ приведенныхъ суммъ не мало пошло на дѣйствительную пользу арестантовъ. Многіе изъ нихъ исправились, видя предъ собою обезпеченную будущность; многіе переженились, открыли торговлю и вступили смѣло и честно на тотъ жизненный путь, съ котораго они сбились по какимъ либо роковымъ причинамъ.

Не мало мнѣ доставило хлопотъ улучшеніе быта инородцевъ и ихъ духовенства. Надобно здѣсь замѣтить, что бурятское населеніе въ Забайкальской области, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, дости-

гало почти до семидесяти тысячъ душъ. Образъ жизни этого населенія рѣзко отличается отъ жизни бурятъ Иркутской губерніи. Тогда какъ въ ней инородцы давно занимаются земледѣліемъ, промыслами и охотно принимаютъ православіе, буряты по ту сорону Байкала рѣдко переходятъ въ христіанство и къ осѣдлости. Ихъ свѣтлыя желанія парализуются многочисленнымъ, но невѣжественнымъ ламайскимъ духовенствомъ, непрестанно прибывающимъ изъ нѣдръ Монголіи.

Съ самаго вступленія моего въ управленіе краемъ языческіе инородцы занимали меня не менѣе другихъ народностей. Усмотрѣвъ изъ производившихся дѣлъ, что для поселенія обращающихся въ православіе инородцевъ положено отмежевывать каждому миссіонеру, кажется, около пяти сотъ десятинъ земли, я составилъ особую комиссію для разработки положенія объ устройствѣ инородческаго быта. Въ особенности я заботился о принимающихъ православіе.

Въ городѣ Селенгинскѣ я видѣлся съ Хамбо-Ламою, высшимъ духовнымъ лицомъ у бурятъ. Онъ явился ко мнѣ въ сопровожденіи многочисленныхъ ламъ и представилъ вѣдомость, въ которой было показано: количество духовенства, дацановъ и другихъ молитвенныхъ сооруженій. Послѣднихъ оказалось болѣе числа, опредѣленнаго закономъ. На вопросъ мой, почему это допущено, со стороны Хамбо-Ламы послѣдовалъ неумѣстный отвѣтъ черезъ переводчика:

— То была воля народа.

Глава ламъ оказался, вопреки установленіямъ, незнающимъ русскаго языка и допустившимъ обученіе дѣтей исключительно тибетской грамотѣ. Онъ же позволялъ заштатнымъ ламамъ ходить въ духовной одеждѣ, отправлять богослуженіе, не смотря на воспрещеніе закона.

Усмотрѣвъ изъ его дѣйствій вообще враждебное отношеніе къ русской власти, я не замедлилъ увольненіемъ кичливаго бурята и закрылъ не положенные по штату молитвенные дома. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я принялъ мѣры къ ознакомленію инородцевъ съ русскимъ языкомъ и ввелъ его обязательное изученіе въ ихъ школахъ. Я понималъ, что послѣднія составляютъ краеугольный камень личнаго человѣческаго благоденствія, и распространялъ школы всѣмъ зависящимъ отъ меня вліяніемъ и въ нашихъ коренныхъ русскихъ селеніяхъ.

Но прежде чѣмъ разсылать циркуляры о народномъ образованіи, я призналъ необходимымъ основательно вникнуть въ сущность поднимаемаго мною важнаго жизненнаго вопроса.

Еще изъ бесѣдъ моихъ съ народомъ при объѣздахъ Восточно-Сибирскаго края я замѣчалъ въ немъ стремленіе къ устройству школъ и изученію грамотности. Но мнѣ представлялись въ испол-

неніи вопроса и вѣскія затрудненія: дальность разстояній между селеніями и недостатокъ учителей. По долгомъ раздумьи, я предоставилъ право обитателямъ деревень самимъ открывать школы, сообразуясь съ своими средствами. Я позволилъ имъ непосредственно обращаться ко мнѣ при всѣхъ затрудненіяхъ въ школьномъ вопросѣ. Простые сибиряки вскорѣ уяснили всю пользу моихъ усилій для ихъ блага. Въ свою очередь, купечество пришло къ нимъ на помощь съ своими капиталами на столько скоро, что когда явился мой циркуляръ о необходимости знанія грамотности каждому подданному, то открылось почти разомъ 120 сельскихъ училищъ. Купечество пожертвовало дома для мужскаго и женскаго училищъ въ селѣ Балаганскѣ и на содержаніе перваго въ теченіе трехъ лѣтъ по 1.000 рублей, а для втораго единовременно 5.000 рублей. Почетный гражданинъ Кузнецовъ внесъ 6.000 рублей на постройку новаго корпуса красноярской гимназіи и изъявилъ желаніе пожертвовать домъ для красноярской учительской семинаріи. Коллежскій совѣтникъ Базановъ внесъ 25 тысячъ рублей на покупку дома для иркутской учительской семинаріи. Служащіе и почетные инородцы Якутской области пожертвовали 1.750 рублей съ тѣмъ, чтобы капиталъ назывался Синельниковскимъ, а проценты съ него употреблялись на стипендіи въ якутской прогимназіи. Якутскіе купцы и мѣщане пожертвовали 1.000 рублей съ тѣмъ, чтобы проценты съ нихъ выдавались бѣднымъ ученикамъ города Якутска.

Крестьяне и инородческія общества Иркутской губерніи изъявили желаніе содержать при иркутской губернской гимназіи 7 воспитанниковъ, именуя ихъ стипендіатами Синельниковыхъ.

Такимъ образомъ, главная цѣль моихъ стремленій распространить грамотность въ народѣ хотя вполнѣ не осуществилась, но ей былъ положенъ при мнѣ прочный фундаментъ. Въ народномъ сознаніи утвердилась мысль о пользѣ умственнаго развитія дѣтей, прежде осужденныхъ на безусловное невѣжество. Наградами, нравственной поддержкою, административнымъ вліяніемъ я будилъ въ сибирякахъ лучшія чувства, стремленія къ свѣту и правдѣ. Я уже считалъ себя счастливымъ и тѣмъ, что открылъ въ свою бытность въ Иркутскѣ учительскую семинарію и опредѣлилъ нѣсколько дѣвицъ учительницами въ сельскія школы.

Касаясь въ своихъ запискахъ разнообразныхъ бытовыхъ сторонъ восточно-сибирской жизни, какая была при назначеніи меня генералъ-губернаторомъ, я не могу умолчать здѣсь и о томъ состояніи, въ которомъ находился единственный водный путь къ Восточному океану. Пароходство по Амуру было въ самомъ жалкомъ видѣ. Казенные грузы въ срокъ не доставлялись къ мѣстамъ назначенія. О грузахъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, не приходится и говорить. Грузы валялись на пристаняхъ, ничѣмъ не по-

крытые. Они мокли отъ дождя и портились отъ непогоды. Пароходы не имѣли понятія о точной доставкѣ товаровъ. Кромѣ того, на нихъ было и не безопасно плавать. Я понималъ, что пароходство по Амуру могло возродиться при сильной конкуренціи богатыхъ предпринимателей или цѣлыхъ компаній съ солидными капиталами. Такія мысли я вложилъ и въ высочайшій докладъ. Неожиданный отвѣтъ министра финансовъ парализировалъ и на водахъ мои полезныя начинанія. Статсъ-секретарь Рейтернъ сообщилъ мнѣ, что амурское пароходство высочайше утверждено за товариществомъ Бенардаки. Послѣднее создалось какъ-то странно, на какихъ-то особыхъ началахъ, не признававшихъ экономическихъ потребностей тѣхъ мѣстъ, среди которыхъ совершалось плаваніе судовъ товарищества. Оно задалось преслѣдованіемъ «всемірной торговли»,—идеи, несбыточной для людей, живущихъ въ краѣ, гдѣ не было никакого торговаго развитія, и гдѣ даже хлѣбъ покупался у сосѣднихъ китайцевъ. Товарищество затратило крупный капиталъ на постройку въ Англіи двухъ морскихъ пароходовъ: «Николай» и «Александръ», а о заведеніи добропорядочныхъ рѣчныхъ пароходовъ не заботилось. Амурскія суда безпрестанно то становились на мель, то пробивали дно, то разбивались о камни. Чайные грузы не достигали въ одну навигацію до Срѣтенска, а ящики съ чаемъ валялись въ Хабаровкѣ, въ Благовѣщенскѣ, въ Албазинѣ въ ожиданіи будущаго лѣта. Я объяснялъ въ всеподданнѣйшихъ отчетахъ о неудовлетворительномъ веденіи дѣла товариществомъ и поручилъ генералу Симонову и адъютанту моему, полковнику Депрерадовичу [1]), осмотрѣть въ зимнее время въ разныхъ мѣстахъ на Амурѣ пароходы и доставить заключенія о степени ихъ годности. Изъ донесеній полковника Депрерадовича, генерала Симонова и начальника штаба округа Мосолова видно было, что пароходство находилось въ такомъ положеніи, что въ предстоявшую навигацію не могло перевезти и необходимыхъ казенныхъ грузовъ. Волей не волей, я вынужденъ былъ непосредственно вмѣшаться въ дѣятельность амурскаго товарищества, даже ходатайствовалъ предъ государемъ о дарованіи товариществу субсидіи, лишь бы сохранить срочныя сообщенія съ далекими морскими окраинами Восточной Сибири. Такъ легкомысленно совершались въ ней дѣла, имѣвшія глубокое государственное значеніе.

Обращусь теперь къ другому любопытному вопросу, къ моему невольному столкновенію съ военнымъ губернаторомъ Приморской области, контръ-адмираломъ К. Занося этотъ эпизодъ въ свои записки, я не обвиняю адмирала въ умышленномъ желаніи противодѣйствовать власти генералъ-губернатора. Но, очевидно, выступая открыто противъ моихъ распоряженій, контръ-адмиралъ К. являлся

[1]) Впослѣдствіи генералъ-маіору и коменданту Владивостока.

слишкомъ откровеннымъ исполнителемъ чьихъ-то посторонних внушеній. Еще въ бытность мою въ Петербургѣ онъ получилъ распоряженіе, по предположенію о раздѣленіи Сибири между морскимъ и военнымъ министерствами, объѣхать со мною восточно-приморскія сибирскія прибрежья. Адмиралъ К. не пріѣхалъ въ назначенное время во Владивостокъ, а позже представилъ мнѣніе свое о раздѣленіи Сибири помимо меня, какъ генералъ-губернатора и командующаго округомъ, прямо въ особо высочайше назначенное совѣщаніе. Въ мнѣніи своемъ адмиралъ доказывалъ, что только подъ вѣдѣніемъ морскаго министерства возможно достигнуть благоденствія Приморскаго края и расположенныхъ въ немъ войскъ. Почтенный морякъ умалчивалъ, что край этотъ, фактически управлявшійся чинами морскаго министерства въ теченіе десятковъ лѣтъ, не ознаменовался никакими полезными административными устройствами, а пароходство на Амурѣ, какъ сообщено мною выше, достигло совершеннаго разстройства.

Имѣя въ виду, что Приморская область, при осмотрѣ ея мною, была найдена въ войсковомъ отношеніи въ самомъ печальномъ видѣ, и неизвѣстно даже было количество ея населенія, я рѣшился командировать въ помощь контръ-адмиралу К. полковника Черняева. Послѣднему вмѣнено было въ обязанность: 1) возможно чаще осматривать линейные батальоны и постовыя команды; 2) слѣдить за точнымъ выполненіемъ начальниками частей требованій закона и распоряженій командующаго войсками Приморской области, 3) наблюдать за правильнымъ веденіемъ строеваго образованія и хозяйства, и 4) удостовѣряться какъ въ своевременномъ отпускѣ нижнимъ чинамъ, положеннаго отъ казны, довольствія, такъ и въ надлежащемъ качествѣ самыхъ предметовъ довольствія. Полковникъ Черняевъ долженъ былъ о результатахъ своихъ осмотровъ и о войсковыхъ безпорядкахъ подробно доносить командующему войсками Приморской области и представлять на его усмотрѣніе мѣры, необходимыя для устраненія замѣченныхъ упущеній.

Къ удивленію моему, чрезъ нѣкоторое время я получилъ телеграмму отъ адмирала К., отъ 20 января 1872 года, въ которой говорилось, что отъ командировки полковника Черняева предвидятся пререканія. Черняевъ [1]), въ свою очередь, доносилъ мнѣ, что военный губернаторъ области пріостановилъ исполненіемъ всѣ мои распоряженія. Вслѣдъ затѣмъ контръ-адмиралъ К. не постѣснился прислать мнѣ копію съ своей телеграммы управляющему морскимъ министерствомъ, Краббе, въ которой г. К. заявлялъ, что онъ совершенно несогласенъ съ вводимой генералъ-губернаторомъ системой управленія Уссурійскимъ краемъ. Само собою разумѣется, что приводимый мною документъ крайне

[1]) Впослѣдствіи генералъ и губернаторъ Якутской области.

занимателенъ, какъ исключительное и почти неслыханное нарушеніе подчиненнымъ правъ своего высшаго, но непосредственнаго начальника. Кромѣ того, это нарушеніе ничѣмъ не было вызвано съ моей стороны, а возволновало двухъ другихъ губернаторовъ, генераловъ Шелашникова и Д., творившихъ открыто беззаконія. Они окрылились, они были обрадованы нетактичнымъ поступкомъ своего коллеги и ждали, что вотъ-вотъ меня вызовутъ навсегда въ Петербургъ.

Для обсужденія дѣйствій энергичнаго адмирала я созвалъ совѣтъ главнаго управленія Восточной Сибири. Онъ усмотрѣлъ въ поступкахъ военнаго губернатора Приморской области явное ослушаніе власти генералъ-губернатора и полагалъ представить дѣло правительствующему сенату.

Я не рѣшился такимъ грознымъ урокомъ наносить непоправимый ударъ человѣку, не имѣвшему со мною никакихъ личныхъ, частныхъ отношеній, а потому удовольствовался тѣмъ, что 10 февраля 1872 года телеграфировалъ обо всемъ министрамъ военному и внутреннихъ дѣлъ. Государь императоръ, во всякомъ случаѣ, узналъ о поведеніи контръ-адмирала К., а управлявшій морскимъ министерствомъ сообщилъ мнѣ телеграммою 18 марта, что онъ далъ знать г. К., что находитъ переписку его со мною и образъ дѣйствій заслуживающими полнаго порицанія и требуетъ отъ него повиновенія моей власти.

Среди такихъ непріятныхъ для меня душевныхъ испытаній отраднымъ, солнечнымъ лучемъ явилось прибытіе въ Восточную Сибирь великаго князя Алексѣя Александровича въ маѣ 1873 года. Ко времени его прибытія во Владивостокъ изъ Японіи, по моему предписанію, въ этотъ городъ долженъ былъ явиться изъ города Николаевска, своего постояннаго мѣстопребыванія, военный губернаторъ Приморской области. На границѣ области Забайкальской встрѣтилъ его высочество мѣстный губернаторъ, а я ожидалъ дорогого гостя по ту сторону Байкала въ селѣ Посольскомъ. Оно расположено на самомъ берегу грознаго озера, и въ немъ постоянно проживалъ иркутскій викарій епископъ Мартиніанъ. Въ Посольскѣ находится мужской монастырь, въ которомъ великій князь отслушалъ молебенъ и остался на ночлегъ.

На другой день была вѣтренная погода, Байкалъ волновался и не давалъ пароходу подойти къ берегу. На всякій случай были заготовлены лошади и экипажи для кругобайкальскаго объѣзда. Но августѣйшій путешественникъ изъявилъ желаніе продолжать дорогу на пароходѣ. Когда мы подвинулись къ срединѣ озера, то вѣтеръ сталъ утихать; вокругъ насъ лишь раздавался глухой рокотъ бурливой стихіи. Небо прояснилось. Чрезъ нѣсколько часовъ мы благополучно очутились у пристани Лиственичной, отъ которой до Иркутска всего шестьдесятъ верстъ. Къ нему тянется прекрас-

ная грунтовая дорога вдоль рѣки Ангары, окрестности которой чрезвычайно живописны.

Великій князь, радостно встрѣченный иркутянами, пробылъ среди нихъ четыре дня, осматривалъ войска, учебныя заведенія, посѣтилъ тюрьму. Городъ давалъ блестящій балъ въ благородномъ собраніи его высочеству, не оставившему безъ визитовъ почтенныхъ и уважаемыхъ лицъ сибирской столицы. Онъ провелъ одинъ вечеръ въ лѣтнемъ театрѣ, устроенномъ въ общественномъ саду.

Милостивое и крайне привѣтливое обращеніе высокаго посѣтителя не могло не отразиться на сердцахъ добрыхъ сибиряковъ. Со стороны ихъ явились крупныя пожертвованія на народное образованіе. Въ Хабаровкѣ купцы открыли школу имени великаго князя. Въ Благовѣщенскѣ устроились двѣ ремесленныхъ школы: мужская и женская. Для нихъ по подпискѣ собрано 12.500 рублей, а городъ положилъ отчислять на ихъ содержаніе по одной тысячѣ рублей съ доходовъ недвижимаго имущества. Кяхтинскіе купцы основали въ сосѣднемъ городѣ Троицкосавскѣ реальное училище, названное «Алексѣевскимъ», на которое собрали 21.000 рублей и отчислили изъ своего ссуднаго капитала 30.000 рублей. Кромѣ того, ежегодно они стали выдавать училищу 2.000 рублей изъ доходовъ кяхтинскаго гостинаго двора.

Иркутское общество поднесло его высочеству восемь стипендій его имени въ женской гимназіи и въ техническомъ училищѣ. Статскій совѣтникъ Хаминовъ пожертвовалъ 7.750 рублей на учрежденіе также стипендій имени великаго князя въ гимназіяхъ мужской и женской.

Величественъ былъ переѣздъ августѣйшаго путешественника чрезъ широкій Енисей у города Красноярска. По обоимъ берегамъ его были устроены красивые павильоны. Богато убранный катеръ управлялся избранными купцами роскошно, и одинаково одѣтыми. Народъ, собравшійся на противоположной сторонѣ рѣки, пестрѣлъ праздничными костюмами. При приближеніи катера раздались громовые крики «ура», разносившіеся далеко по пространству великой рѣки.

Я разстался съ великимъ княземъ на границѣ Западной Сибири, въ городѣ Маріинскѣ. Въ память пріятнаго путешествія, кромѣ личной благодарности, я удостоился получить отъ его высочества портретъ съ собственноручною надписью: «въ воспоминаніе проѣзда чрезъ Восточную Сибирь отъ Алексѣя».

Не весело встрѣтилъ меня Иркутскъ. Я нашелъ у себя въ кабинетѣ нѣсколько жалобъ отъ жителей Забайкальской области. Въ нихъ говорилось, что по случаю проѣзда великаго князя чиновники страшно притѣсняютъ народъ поборами. Эти просьбы глубоко возмутили меня, такъ какъ онѣ были соединены со столь дорогимъ именемъ для Россіи. Немедленно я предписалъ чиновнику

особыхъ порученій Корбуту 1-му строжайше разслѣдовать правильность просьбъ, а въ концѣ іюля самъ отправился въ Забайкалье съ членомъ совѣта главнаго управленія Падеринымъ.

Предо мною открылись непонятныя дѣйствія мѣстнаго губернатора, генерала Д. Совѣтникъ читинскаго окружного управленія, Козаковъ, растратилъ около 2.000 рублей казенныхъ денегъ, а былъ опредѣленъ исправникомъ въ Баргузинъ. Здѣсь онъ утаилъ 1.700 рублей народныхъ податей и, тѣмъ не менѣе, вновь былъ назначенъ совѣтникомъ.

При осмотрѣ мною работъ на Карійскихъ золотыхъ промыслахъ оказались сильные безпорядки и недостача денегъ. Завѣдывавшій промыслами полковникъ Марковъ представилъ на пополненіе своей растраты росписку генерала Д. въ 1.200 рублей, занятыхъ имъ въ послѣднюю бытность на Карійскихъ промыслахъ.

Въ свою очередь, по разслѣдованію чиновника Корбута, оказалось, что на исправленіе трактовой дороги весною 1873 года взыскано съ бурятъ Хоринскаго вѣдомства 32.671 рубль, и, вопреки закона и безъ разрѣшенія начальства, натуральныя повинности у нихъ замѣнены денежною въ количествѣ 60.379 рублей.

Самъ забайкальскій губернаторъ отправился вслѣдъ за великимъ княземъ въ Петербургъ. На время его отсутствія я назначилъ управлять Забайкальскою областью члена совѣта главнаго управленія Сибири, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Милютина, роднаго брата бывшаго военнаго министра. Отъ 2-го октября 1873 года онъ донесъ мнѣ, что генералъ Д. неправильно показывалъ расходъ на читинское училище въ 61.633 рубля 65 копеекъ, а приходъ въ немъ суммъ въ 45.156 рублей 29 копеекъ. На самомъ дѣлѣ приходъ на училище былъ въ 85.182 рубля 76 копеекъ. Къ своему донесенію Б. А. Милютинъ прибавилъ, что слѣдствіе по приведеннымъ злоупотребленіямъ едва ли къ чему нибудь приведетъ, такъ какъ всѣ счеты по училищу находятся въ хаотическомъ состояніи.

Иркутскій губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Ш., въ служебной безпечности своей мало чѣмъ отличался отъ своего забайкальскаго товарища. Бездѣятельностью своей по управленію губерніей онъ вынудилъ меня на написаніе ему слѣдующаго конфиденціальнаго предложенія отъ 18-го сентября 1873 года. Я требовалъ объясненія: а) Почему, вопреки распоряженій моихъ объ уменьшеніи числа питейныхъ домовъ, въ циркулярѣ по губерніи говорилось, что лучше имѣть болѣе кабаковъ, чѣмъ допускать корчемство? Почему не было объявлено народу о томъ, что корчемство будетъ безпощадно преслѣдуемо? Почему подлежащія выписки изъ закона по данному предмету не были разосланы по волостямъ, согласно моему распоряженію? б) Почему губернаторъ, найдя въ одномъ волостномъ правленіи безпорядки по письменной части, увеличилъ самовольно сборъ съ крестьянъ на содержаніе упомянутаго правленія

до 4.800 рублей, тогда какъ по журналу главнаго управленія Восточной Сибири опредѣлено было собирать на каждое волостное правленіе не болѣе 1.700 рублей? в) Почему губернаторъ противорѣчилъ оффиціально устройству дороги, способствовавшей къ снабженію города Иркутска хлѣбомъ, и доказывалъ, что она невозможна для проѣзда? На самомъ дѣлѣ дорога фактически и подробно изслѣдована партіею землемѣровъ и найдена удобною.

Циркуляръ мой о безпорядкахъ по Забайкальской области и копію съ приведеннаго предложенія моего генералу Ш. я отправилъ къ министру внутреннихъ дѣлъ 18-го сентября 1873 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ я настаивалъ на перемѣнѣ губернаторовъ.

Не буду распространяться, что приведенные факты, съ прибавленіемъ къ нимъ ослушаній приморскаго губернатора контръ-адмирала К., глубоко подрывали мою энергію. Я всегда считалъ себя вѣрнымъ слугою престолу и моей родинѣ, и, по совѣсти говорю, никогда не измѣнялъ упоминаемымъ святымъ принципамъ. Въ Восточную Сибирь я пріѣхалъ съ самыми благими желаніями послужить, по мѣрѣ силъ, на ея духовное и экономическое возрожденіе. Я думалъ, что въ оглашеніи чрезъ циркуляры мѣстныхъ злоупотребленій кроется великая польза и поучительный урокъ для безсовѣстныхъ расхитителей народной и казенной копейки. Но я не зналъ, что встрѣчу противоположные взгляды на эти вопросы въ государственномъ человѣкѣ, поставленномъ выше меня. А вотъ что сообщилъ мнѣ генералъ-адъютантъ Тимашевъ отъ 3-го декабря 1873 года.

«Генералъ Ш., — писалъ министръ, — представилъ мнѣ, съ своей стороны, объясненія и, какъ бы въ оправданіе себя, приложилъ къ онымъ тотъ же циркуляръ «Иркутскихъ Вѣдомостей». Я обращаю ваше вниманіе вообще на неудобства оглашенія путемъ печати такихъ циркуляровъ о злоупотребленіяхъ, какъ общаго явленія; что такой способъ дѣйствія никогда еще не входилъ въ систему нашего управленія и едва ли можетъ быть допускаемъ и въ настоящее время, какъ могущій имѣть даже вредныя послѣдствія, если оглашаемыя высшими начальниками свѣдѣнія касаются или ненормальнаго состоянія страны, или порицанія образа дѣйствій тѣхъ лицъ, коимъ непосредственно ввѣрена охрана внутренняго порядка и спокойствія». Министръ спрашиваетъ: «Къ кому же, какъ не ко всей нисходящей отъ генералъ-губернатора администраціи, должно отнести эти тяжкія обвиненія? И въ какое положеніе ставятся административныя лица предъ подчиненными и цѣлымъ обществомъ?». Генералъ Тимашевъ закончилъ свое письмо слѣдующими замѣчательными строками: «Циркулярныя печатныя заявленія высшей администраціи, нося на себѣ характеръ полемики и не принося явной пользы дѣлу, лишь нарушаютъ тотъ законный способъ сношеній между правительственными лицами имперіи, ко-

торый, не тревожа общественнаго мнѣнія, имѣетъ одну цѣль—содѣйствовать искорененію злоупотребленій и лучшему благоустройству государства».

Имѣя счастіе неоднократно лично слышать мысли въ Бозѣ почившаго государя Александра II о благѣ народномъ, о пользѣ гласности, въ границахъ умѣренности, когда она не подрываетъ основныхъ законовъ имперіи, чувствъ долга и вѣры, я не могъ согласиться съ узкими толкованіями генерала Тимашева вопроса о гласности, дѣлающими всякаго служебнаго взяточника особою неприкосновенною и отражающею будто бы въ себѣ величіе высшей правящей власти. Поэтому, оставаясь вѣрнымъ своимъ исконнымъ убѣжденіямъ, подтвержденнымъ опытомъ всей жизни, я отвѣчалъ отъ 14-го января 1874 года министру внутреннихъ дѣлъ, что: «Управляя внутренними губерніями и Восточной Сибирью около 15-ти лѣтъ, я относился съ полнымъ вниманіемъ къ служебному дѣлу и не ошибался въ средствахъ къ поддержанію въ народѣ порядка, повиновенія и преданности своему монарху. Министерство взглянуло на дѣло съ одной стороны, но другая, по моему мнѣнію, важнѣе. Если главное начальство, побуждаемое частыми жалобами народа, предписываетъ и подтверждаетъ о законномъ и не разорительномъ взиманіи податей, а мѣстное начальство не обращаетъ на такое распоряженіе вниманія, то ясно, что оно само разрушаетъ довѣріе къ себѣ общества, продолжая беззаконное требованіе на добытую кровавымъ потомъ копейку. Если допустить, что уѣздныя власти будутъ народъ обирать, а губернское начальство имъ потакать, то главное начальство, скрывая злыя дѣйствія подчиненныхъ, тѣмъ лишаетъ низшіе классы государства послѣдней надежды на защиту своихъ справедливыхъ желаній. Такъ можно дойти до серьезныхъ безпорядковъ. Сибирскій народъ смѣтливѣе народа Европейской Россіи, и жалобы его всегда основываются на законѣ».

Я не буду распространяться о дальнѣйшей перепискѣ между мною и генераломъ Тимашевымъ, очевидно, не раздѣлявшимъ мои взгляды на отношенія власти къ народному голосу и къ дѣйствіямъ подчиненныхъ мнѣ начальниковъ. Съ сердечной болью я присѣлъ за письменный столъ и на бумагѣ, омоченной старческими слезами, написалъ письмо возлюбленному государю. Въ немъ я излилъ мою душу, мои вѣрноподданническія печали и просилъ увольненія меня отъ поста, на которомъ я не могъ приносить той пользы, которую искало мое сердце. Спустя долгое время, по неполученіи отвѣта на письмо, мною отправлена была шифрованная депеша монарху съ моленіемъ дать покой измученной душѣ.

На этотъ разъ просьба была услышана, и государь милостиво соизволилъ на увольненіе мое отъ должности генералъ-губернатора, съ сохраненіемъ ея прерогативъ вплоть до пріѣзда моего въ Петербургъ.

Озирая свою трехлѣтнюю дѣятельность въ краѣ, которому отданы мои лучшія чувства, мои горячія заботы, я позволю сгруппировать теперь тѣ улучшенія, которыя мнѣ удалось провести, не смотря на разныя препятствія, въ сибирскую жизнь и въ среду ея мѣстнаго чиновничества:

1) Увеличеніе сельскихъ и городскихъ школъ распространилось отъ Якутска до Кяхты и отъ Ачинска до Благовѣщенска, на пространствѣ четырехъ тысячъ верстъ въ ширину и въ длину.

2) Пьянство въ народѣ уменьшилось; цѣлыя волости уничтожили кабаки по собственнымъ приговорамъ добровольно.

3) Въ запасныхъ магазинахъ количество хлѣба увеличилось на 445.952 четверти.

4) Бѣжавшихъ съ каторги поймано и отправлено на островъ Сахалинъ и въ Приморскую область 1.581 человѣкъ. Особенно замѣчательно, что упомянутый фактъ совпалъ съ временемъ полученія мною увѣдомленія, что государственный совѣтъ нашелъ неудовлетворительными мои распоряженія о поимкѣ каторжныхъ бѣглецовъ.

5) Взиманіе податей приведено въ опредѣленную норму и приняло видъ гласный и законный. Убавлено взысканій съ населенія подъ названіемъ «темныхъ поборовъ» ежегодно болѣе, чѣмъ на 180 тысячъ рублей. Убавились казенныя недоимки безъ принятія насильственныхъ мѣръ, разоряющихъ народъ.

6) Результаты работъ каторжныхъ арестантовъ на золотыхъ пріискахъ превзошли ожиданія. По просьбамъ золотопромышленниковъ число каторжанъ на пріискахъ увеличилось до 600 человѣкъ. Заработокъ арестантовъ, за всѣми расходами на ихъ пищу и одежду, дошелъ до 50 тысячъ рублей. Отъ государства содержаніе каторжниковъ не потребовало никакого расхода, и ихъ нравственность повысилась.

7) Не могу не присовокупить къ сказанному, что въ инородцахъ стали чаще проявляться желанія къ принятію православія.

Все приведенное въ пунктахъ совершилось не только при содѣйствіи, но при полномъ сочувствіи населенія Восточной Сибири, не избалованнаго вниманіемъ административной власти.

Въ сношеніяхъ моихъ съ высшими правительственными лицами, писанныхъ начерно всегда мною собственноручно, я никогда не дозволялъ себѣ выходить изъ рамки закона, приличія и правды. Это строго соблюдалось мною и во всеподданнѣйшихъ отчетахъ. За что же мнѣ писались генераломъ Тимашевымъ упреки, доводимые имъ и до высочайшаго свѣдѣнія? Въ предѣлахъ служебной дѣятельности, какъ мнѣ казалось, я могъ быть обвиняемъ только въ охраненіи государственной казны, но вѣдь означеннаго требовали отъ меня законъ и совѣсть.

Правда, могли быть недовольны моимъ управленіемъ еще гг. мѣстные чиновники, въ особенности желавшіе нажить себѣ состоянія, но я имъ помогалъ, сколько было возможно, не оставлялъ безъ помощи нуждающихся. Уже когда я былъ отозванъ отъ генералъ-губернаторства, то сибиряки поднесли мнѣ званіе почетнаго гражданина города Иркутска, написали адресъ, полный искренней признательности за все сдѣланное мною для ихъ родного края. Позже они прислали мнѣ чрезвычайно цѣнный альбомъ съ фотографическими карточками почтившихъ меня вниманіемъ сибирскихъ обитателей. Альбомъ я имѣлъ счастіе вручить государю Александру Александровичу, въ бытность его наслѣдникомъ, 1-го мая 1880 года.

Ужели все сказанное не говоритъ о томъ, что мои служебные труды не были безплодны для отечества, для подданныхъ нашего монарха, управляемыхъ мною по его личному довѣрію? Я не могу не вспомнить безъ отрады пріема меня императоромъ Александромъ II-мъ послѣ окончательнаго возвращенія изъ Восточной Сибири. Въ собственномъ кабинетѣ Зимняго дворца его величество меня поцѣловалъ и сердечно произнесъ:

— Я управленіемъ твоимъ вполнѣ доволенъ и увѣренъ, что оно отразится на будущности Сибири.

Со слезами на глазахъ я слушалъ благосклонную бесѣду моего добраго царя, снабдившаго меня, безъ моей просьбы, продолжительной арендой и назначившаго меня неприсутствующимъ сенаторомъ. Мои, упоминаемыя въ запискахъ, идеи по раздѣленію Восточной Сибири между военнымъ и морскимъ министерствами явились препятствіемъ къ желаемому императоромъ зачисленію меня въ члены государственнаго совѣта.

Удалившись на покой отъ слишкомъ пятидесятилѣтней службы, я вынесъ въ сердцѣ своемъ и горячую любовь къ нашему простому народу. Какая у него широкая душа, открытая для всего добраго и честнаго! Какъ мало ему нужно для того, чтобы онъ считалъ себя счастливымъ! Я видѣлъ нашъ народъ въ большихъ городахъ, видѣлъ его въ отдаленныхъ деревняхъ, занесенныхъ снѣгомъ; видѣлъ его въ тѣсныхъ тюрьмахъ; видѣлъ его въ кандалахъ, на безотрадной каторгѣ,—и вездѣ онъ являлся предо мною то готовымъ на какой либо высокій подвигъ по голосу своего природнаго государя, то несущимъ терпѣливо и смиренно свой крестъ.

Велико счастье послужить такому народу; велико счастье родиться и числиться русскимъ гражданиномъ!

Оканчивая свою докучливую лѣтопись, считаю святымъ долгомъ занести въ нее слѣдующіе знаменательные факты, свидѣтельствующіе о необыкновенномъ величіи императора Александра III. Не удалось мнѣ ему послужить, а въ 1882 году вотъ что случилось со мною. На георгіевскомъ праздникѣ, происходившемъ въ Гатчинѣ, подошелъ ко мнѣ россійскій самодержецъ и,

среди многочисленныхъ кавалеровъ, подалъ мнѣ руку и громко произнесъ:

— Васъ до сихъ поръ вспоминаютъ въ Восточной Сибири, о чемъ говорилъ мнѣ и великій князь Алексѣй Александровичъ. Мнѣ пріятно объявить вамъ объ этихъ воспоминаніяхъ съ благодарностью за вашу полезную службу.

Спустя нѣсколько лѣтъ, государь опять вспомнилъ меня. Ко мнѣ явился свиты его величества генералъ-маіоръ, графъ Игнатьевъ [1]), и передалъ, что императоръ изволитъ желать меня видѣть. Я былъ принятъ въ Петергофѣ и въ продолжительной бесѣдѣ имѣлъ счастіе изложить безгранично любознательному монарху свои воспоминанія о значительныхъ событіяхъ моей жизни.

Такъ, по милости Божіей, я достигъ высшаго человѣческаго счастія: видѣть государей, довольныхъ трудами своего вѣрноподданнаго; слышать благодарный голосъ народа за попеченіе о его жизненномъ благосостояніи.

Н. П. Синельниковъ.

[1]) Нынѣ кіевскій генералъ-губернаторъ.